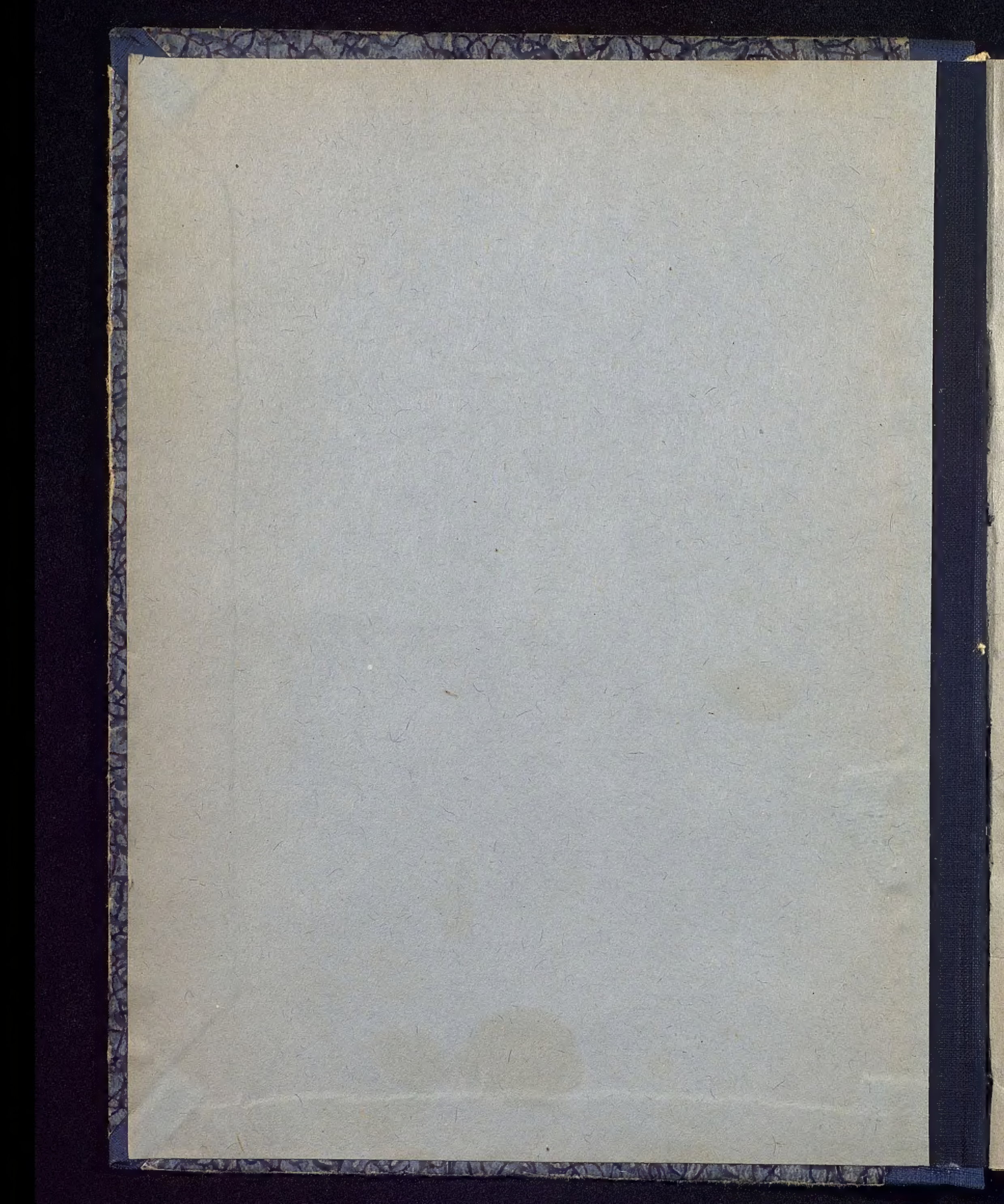
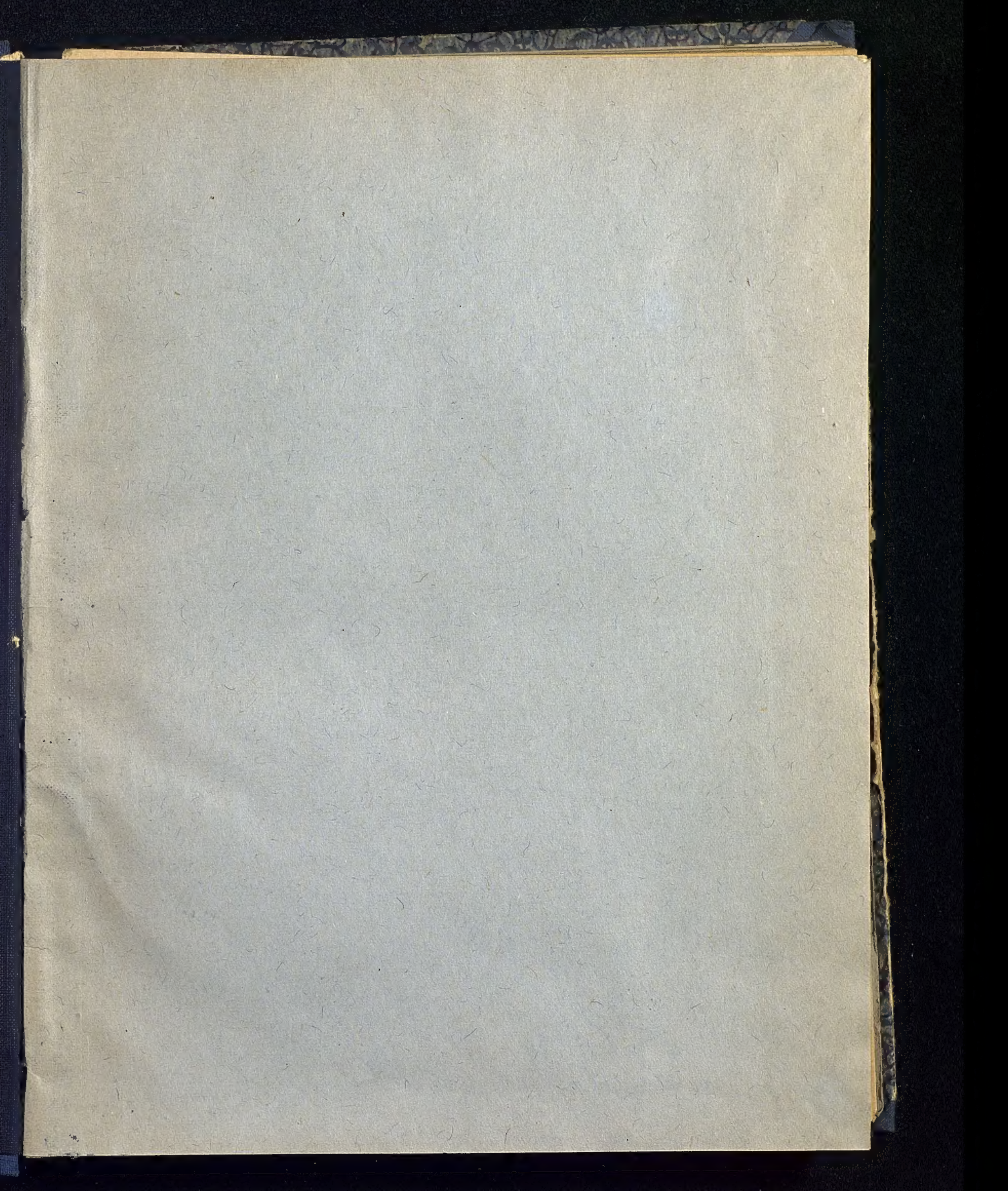
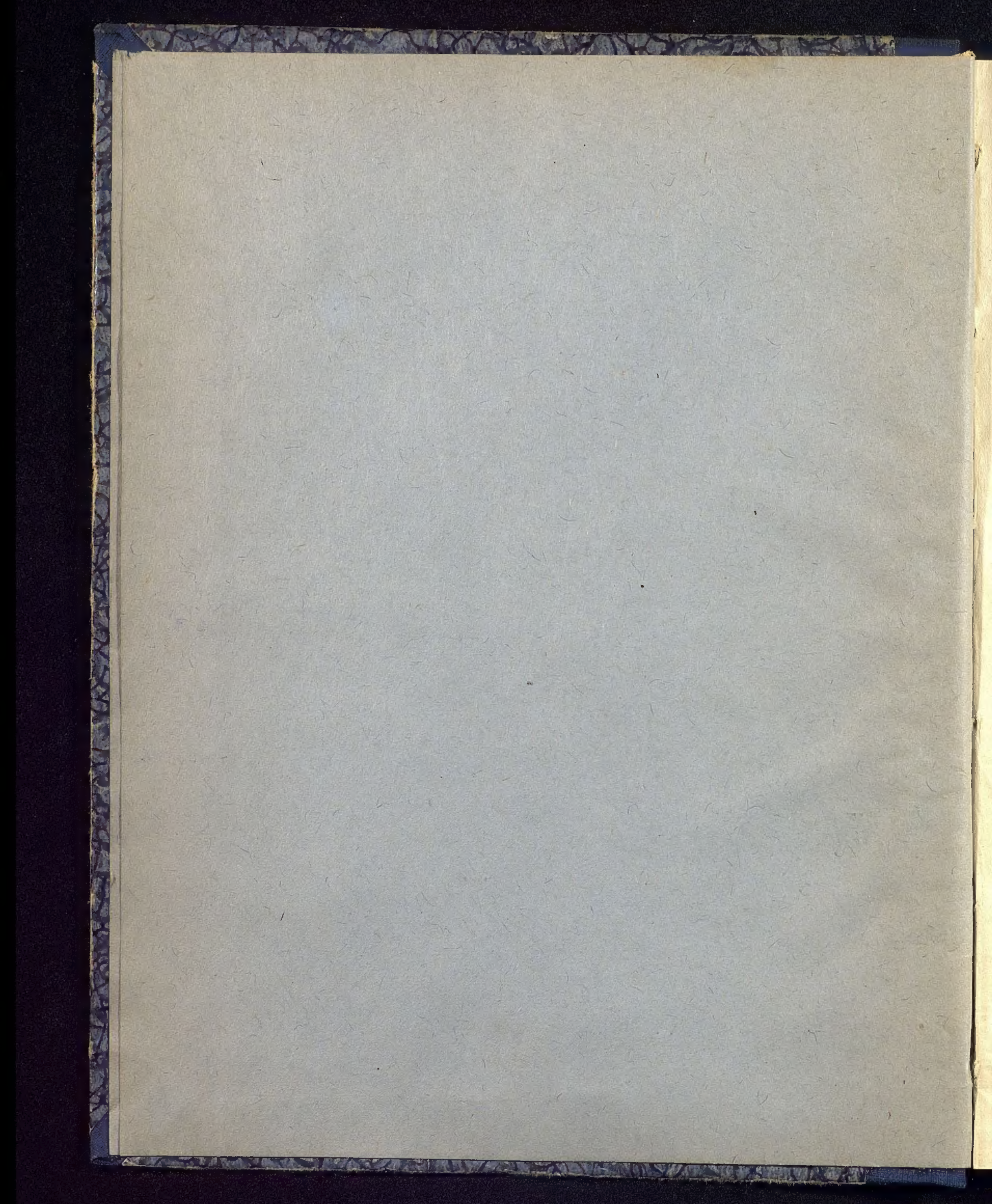
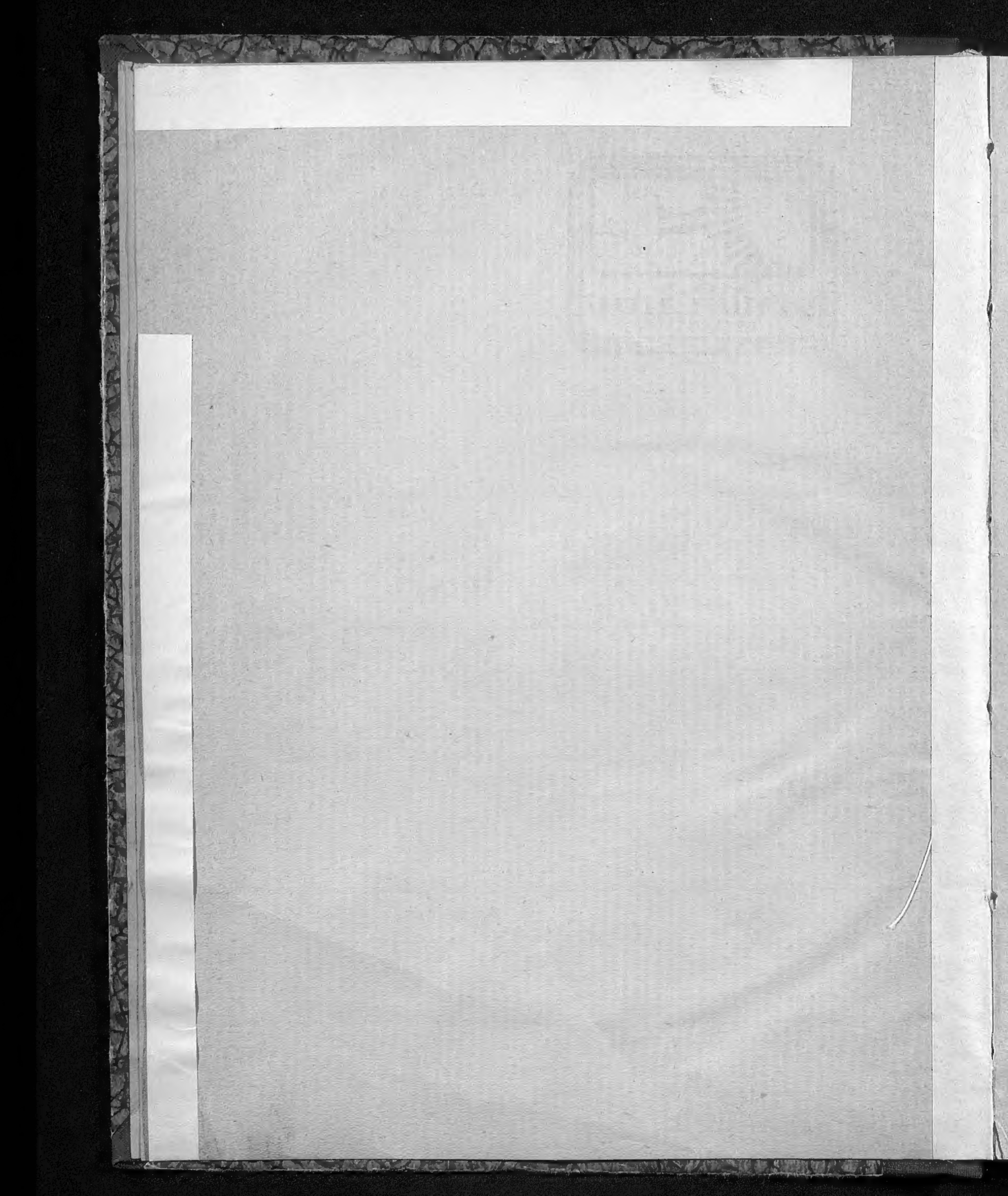

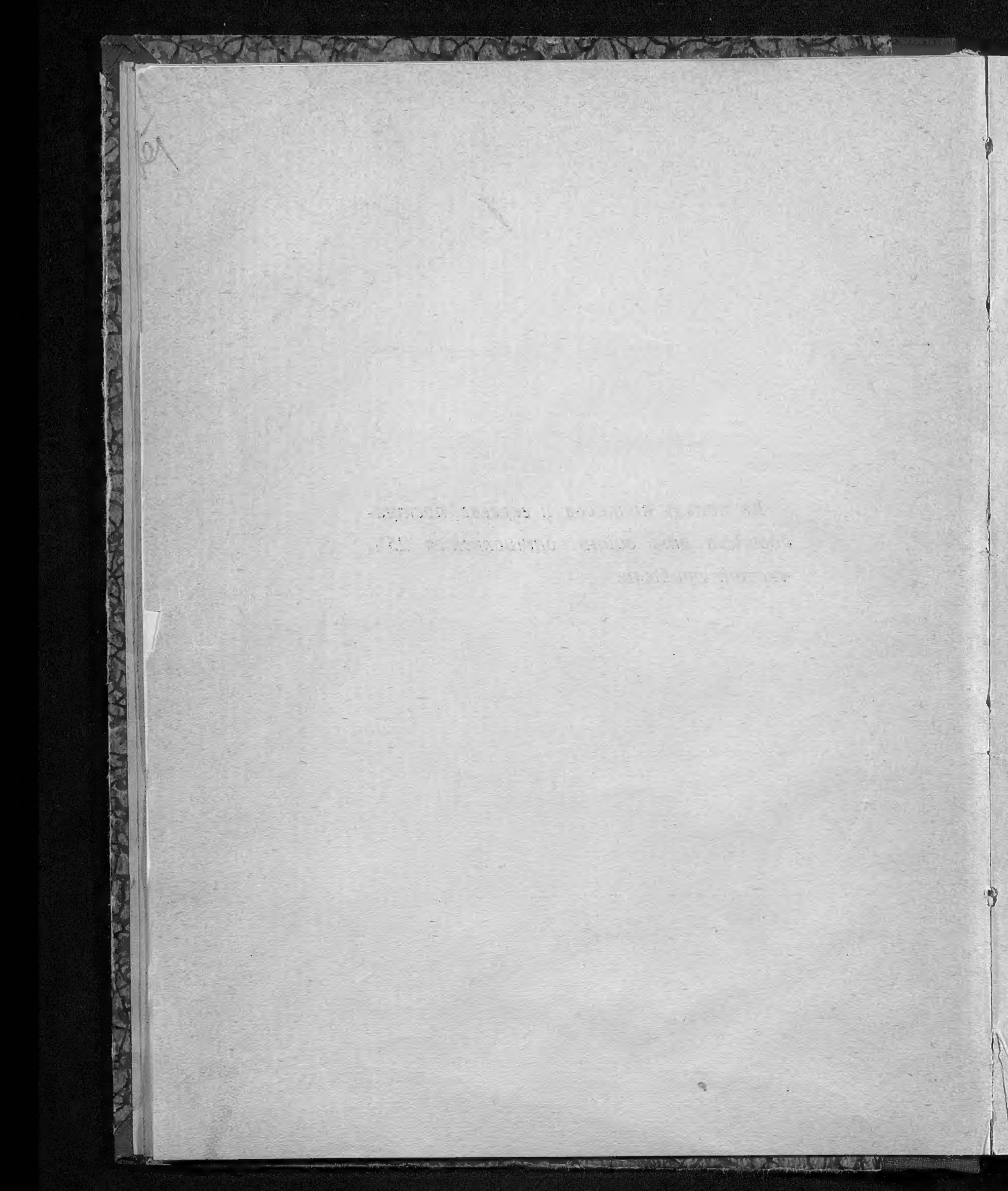

ИЗД.
НАШИ ДНИ
МОСКВА

Въ пользу поляковъ и евреевъ, пострадавшихъ отъ войны, отчисляется 25% чистой прибыли.

ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ПЛѢНУ

РАЗСКАЗЫ

профес. Н. Карѣева, К. Станиславскаго, А. Дживелегова, профес. I. М. Гольдштейна, Н. Сперанскаго, К. Мазинга, быв. посла въ Берлинѣ С. Н. Свербеева, президент. гор. Калиша г. Буковинскаго и мн. др.

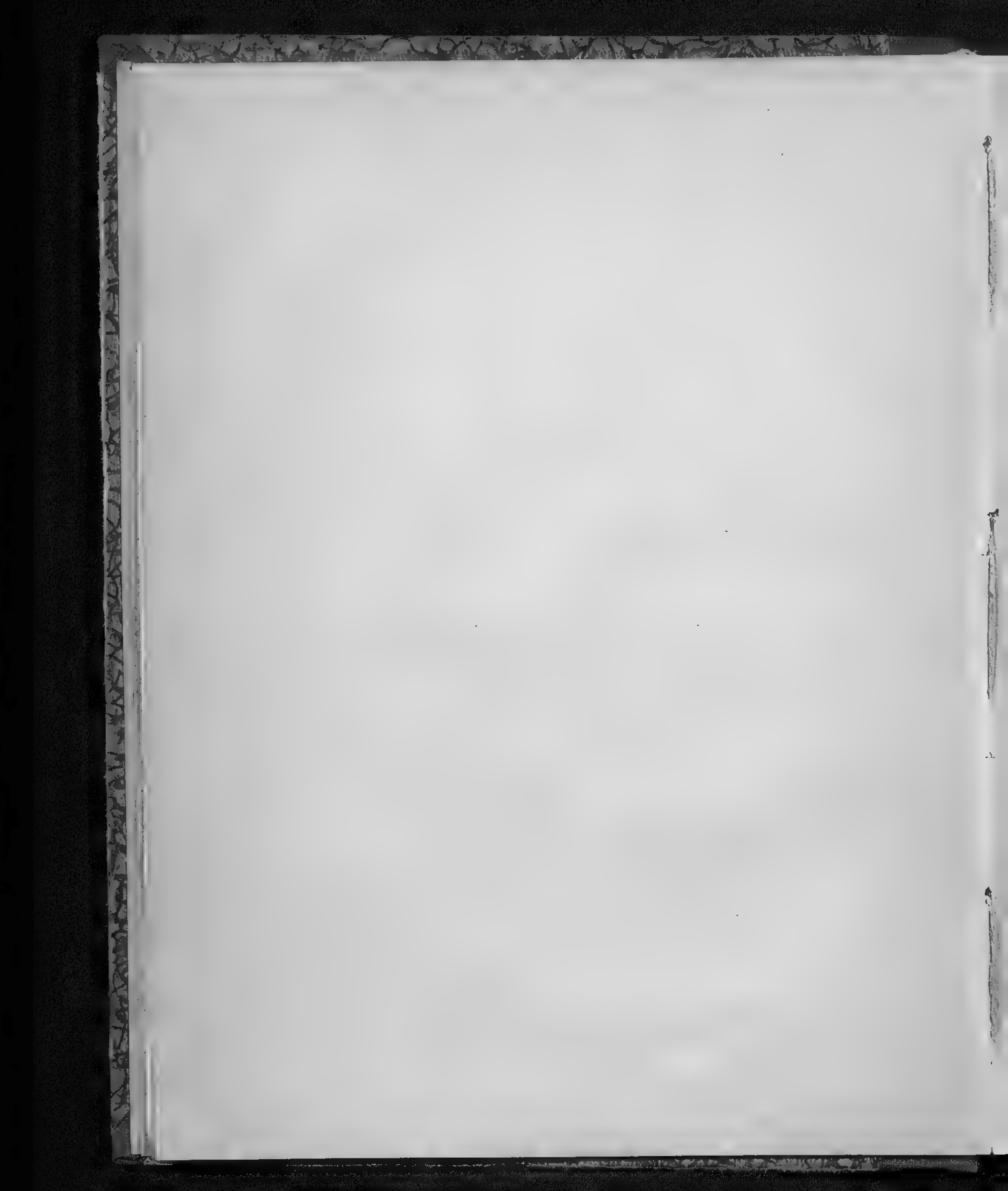
Изд. „Наши Дни“.
Москва. — 1915.

Москва. — 1914.
ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. 26. Тел. 131-34.

I.

Въ нѣмецкихъ городахъ
и
на нѣмецкихъ курортахъ.

Плѣнные въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ наши пережили очень много, и только передъ самымъ ихъ отъѣздомъ обстоятельства круто измѣнили отношеніе нѣмцевъ къ застрявшимъ между ними русскимъ. Все, что писалось объ отвратительномъ отношеніи ихъ къ мирнымъ путешественникамъ, студентамъ и больнымъ, объ издѣвательствѣ и насиліи, о злодѣйствахъ обезумѣвшей отъ ненависти грубой толпы, было вѣрно до тѣхъ поръ, пока изъ Восточной Пруссіи не явилось первыхъ извѣстій о великодушіи русскихъ войскъ. Самыми ужасными по отношенію къ намъ были тѣ, кто такъ или иначе жилъ на нашъ счетъ. Напримѣръ, наши соотечественники останавливались по преимуществу въ «Централь» и «Континенталь» отеляхъ, и именно оттуда ихъ ранѣе всѣхъ другихъ выгнали. Особенно «Континенталь». Многіе видѣли, какъ оттуда великолѣпные портье, похожіе, по крайней мѣрѣ, на директоровъ департаментовъ, приказывали гаусдинерамъ выбрасывать на улицу чемоданы и вещи русскихъ на другой день по объявленіи войны, при чемъ особенно демонстрировалось издѣвавшемуся надъ ними народу, этой берлинской хулиганской улицѣ, дамское бѣлье и т. п. принадлежности женскаго туалета. Все это уже достаточно извѣстно намъ. Но особенно поднялась тамошняя чернь на все оставшееся вър Германіи русское послѣ того, какъ въ мѣстныхъ газетахъ были напечатаны телеграммы о разгромѣ «дворца» нѣмецкаго посольства въ Петроградѣ. Всѣ разсказы нашихъ бѣглецовъ только подтверждаютъ то, о чемъ съ ужасомъ или негодованіемъ намъ разсказывали ранѣе пріѣхавшіе сюда русскіе. Въ этомъ отношеніи и солдаты, и офицеры, и профессора, и полуграмотное столичное хулиганство были одинаковы.

Русскій языкъ на улицахъ Берлина въ самое послѣднее время уже не вызывалъ неприличныхъ выходокъ разнузданной и грубой черни. Гостиницы опять открылись для нашихъ, оставшихся тамъ, злополучныхъ соотечественниковъ. Тѣмъ не менѣе, слѣжка за ними продолжалась, при чемъ малѣйшаго доноса недовольнаго лакея или горничной достаточно было для ареста. Жалобы русскихъ на оскорбленія не принимались. Обиженнымъ нагло объявлялось: «Благословляйте судьбу, что мы еще васъ терпимъ». Въ кнейпы нельзя было показываться. Тамъ напившіеся пивомъ бюргеры показывали свою отвагу, ругая во все горло русскихъ. Когда наши отвѣчали на это, имъ въ голову летѣли кружки. Delirium ложныхъ побѣдъ не прекращался въ Берлинѣ. Флаги почти не снимались. Достаточно было очереднаго вранья «Агентства Вольфа», чтобы загоралась иллюминація, и толпа съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ запружала улицы. Нашихъ предупреждали хозяева въ такіе часы не показываться изъ дому. Ликованіе и восторги толпы въ значительной степени поддерживались помѣщаемыми въ газетахъ письмами нѣмецкихъ солдатъ и офицеровъ къ роднымъ. Если эти письма не одинаково грамотны, то всѣ грубы и наглы. Подробно и съ полнымъ издѣвательствомъ описываются случаи, когда побѣдители «не могли отмыться отъ крови», разсказывается, какъ француженки бельгійки, ползая за ними, «цѣловали имъ грязные сапоги». И (въ одномъ письмѣ) «носокъ моего сапога, случалось, разбивалъ губы этимъ дѣвкамъ». Есть письма, въ которыхъ говорится: «Я съ трудомъ набрасываю эти строки, потому что весь день крошилъ, какъ капусту, французскія тѣла». Другія: «Пишу я подъ багровымъ свѣтомъ сжигаемыхъ деревень»... И вся эта омерзительная похвальба находитъ мѣсто въ остервенѣвшей желтой печати. Со смѣхомъ сообщается: «Во Франціи скоро совсѣмъ не будетъ дѣтей. Эти идіоты (подразумѣваются французскіе солдаты) въ бой идутъ, отворачивая полы своихъ шинелей и давая возможность намъ отлично прицѣливаться въ обнажающіеся, такимъ образомъ, треугольники ихъ красныхъ штановъ». Какая, напримѣръ, русская газета рискнула бы помѣстить у себя разсказъ, какъ въ однихъ и тѣхъ же госпиталяхъ раненые пруссаки «плюютъ въ тарелки раненымъ французамъ». А нѣмецкіе листки не

только печатаютъ эти неопрятные отбросы, но еще и снабжаютъ ихъ примѣчаніями весьма глупыми: «Презрѣніе къ врагу — признакъ высшей расы побѣдителя». Одна изъ газетъ, болѣе другихъ умѣренная, была выведена изъ терпѣнія ложью «Агентства Вольфа» и заявила, что таковая служитъ непріятелю, потому что, «узнавъ правду, ничего не имѣющую общаго съ трубами и литаврами выдуманныхъ побѣдъ, народъ потомъ можетъ впасть въ отчаяніе». Но публицистъ на другой же день принужденъ былъ пояснить, что это не касалось германскаго народа, а говорилось вообще. «Германскій же народъ никакими событіями до отчаянія доведенъ быть не можетъ»...

Пять недѣль въ германскомъ плѣну.

Профессора Н. Карѣева.

I.

Сидѣніе въ Дрезденѣ.

Въ германскій плѣнъ я попалъ въ воскресенье, 20-го іюля, освободился изъ него въ воскресенье же, 24-го августа. Изъ пяти недѣль невольнаго сидѣнія въ Германіи, три недѣли я провелъ въ Дрезденѣ, остальныя двѣ — въ Берлинѣ.

Для меня было большимъ счастьемъ, что на пути изъ Карлсбада, гдѣ я лѣчился, на родину, я былъ задержанъ въ Дрезденѣ, а не въ Берлинѣ, до котораго не успѣлъ доѣхать. Въ Берлинѣ я, конечно, попалъ бы на нѣсколько дней въ тюрьму, какъ это случилось съ великимъ множествомъ русскихъ подданныхъ, имѣвшихъ несчастье попасть въ столицу Германіи въ день объявленія войны и въ слѣдующіе дни, когда русскихъ тамъ (да не тамъ только) подвергали всякаго рода непріятностямъ, доходившимъ порою до настоящихъ истязаній. Я думаю, что среди дрезденскихъ русскихъ мало кто можетъ пожаловаться на дурное обращеніе съ собою населенія и властей.

Живя въ Карлсбадѣ, я, какъ и многіе другіе русскіе, напр., М. М. Ковалевскій, адмиралъ Скрыдловъ и т. д., не вѣрилъ въ возможность войны и рѣшилъ уѣхать изъ своего любимаго курорта лишь послѣ того, какъ сомнѣваться болѣе не приходилось. Городское управленіе Карлсбада въ то же время своими объявленіями успокаивало наиболѣе нервныхъ курсистовъ. Выѣхалъ я въ воскресенье, 20-го іюля, въ 7 ч. утра, на Дрезденъ, до котораго добрался только черезъ десять часовъ съ шестью пересадками и небольшимъ приключеніемъ въ Шпандау, гдѣ меня чуть было не арестовали, но сейчасъ же отпустили ѣхать дальше. О войнѣ я узналъ только на дрезденскомъ вокзалѣ послѣ того, какъ мнѣ отказали въ билетѣ въ Варшаву на Калишъ. Пришлось остаться и вмѣстѣ съ одной русской семьей помѣститься въ одномъ оставленномъ всѣми жильцами пансіонѣ, гдѣ приняли насъ радушно, хотя мы и объявили, конечно, что мы — русскіе. Тамъ и прожилъ я всѣ три недѣли.

Я еще засталъ въ Дрезденѣ русскаго полковника барона Вольфа, съ которымъ даже имѣлъ довольно неосновательную надежду уѣхать. Онъ покинулъ Дрезденъ 21-го числа, сказавъ намъ, что отдастъ насъ подъ защиту англійскаго посланника. У послѣдняго я былъ два раза и между прочимъ вручилъ ему свою записку на французскомъ языкѣ о нашемъ злосчастномъ положеніи. Среди насъ было много больныхъ, много женщинъ, дѣтей, стариковъ, и у большинства или совсѣмъ не было средствъ, или очень мало, потому что по аккредитивамъ банки не выдавали, а русскія бумажныя деньги отказывались размѣнивать. Многіе притомъ растеряли свой багажъ. Англійскій посланникъ отнесся къ нашему положенію очень сочувственно, но объявилъ, что и ему самому, «можетъ-быть», придется уѣхать и что въ случаѣ его отъѣзда насъ возьметъ подъ свое покровительство американскій консулъ. Объявленіе войны Англіей Германіи дѣйствительно не замедлило послѣдовать, но американскій консулъ отправилъ насъ къ испанскому, который заявилъ мнѣ, что никакихъ распоряженій на этотъ счетъ не получалъ, но что если бы и получилъ, то его чувство такта (Taktgefühl), какъ нѣмца, не позволило бы ему оказывать помощь русскимъ. Мнѣ осталось только сказать ему, что мы обратились къ нему не какъ

къ нѣмцу, а какъ къ представителю державы, взявшей насъ подъ свою охрану. День-два онъ еще принималъ русскихъ, которымъ даже предложилъ ѣхать въ Варшаву, будто бы находившуюся уже въ нѣмецкихъ рукахъ, но на третій день на двери испанскаго консульства въ Дрезденѣ появился плакатъ, извѣщающій, что русскіе подданные больше въ испанскомъ консульствѣ принимаемы не будутъ. Впослѣдствіи я разсказалъ о такомъ поведеніи этого господина чинамъ испанскаго посольства въ Берлинѣ, но мнѣ тамъ сказали, что онъ— не испанскій подданный и не чиновникъ, находящійся на службѣ, и что потому посольство принудить его къ чему-либо не можетъ. Само испанское посольство вело себя, какъ увидимъ дальше, прекрасно. Между прочимъ, изъ Дрездена я написалъ посольству письмо, на которое оно тотчасъ же отвѣтило.

Съ дрезденской полиціей наши дѣла устроились легко, и только первая встрѣча была непріятной. Полицейскіе чины низшей категоріи, являвшіеся ко мнѣ, чтобы посмотрѣть на мой паспортъ, обнаружили нѣкоторую нервность. Старшій изъ нихъ сказалъ мнѣ, что къ русскимъ полиція не можетъ не быть строгой, такъ какъ среди насъ много-де шпіоновъ и отравителей воды въ колодцахъ и рѣкахъ. Я, конечно, энергично протестовалъ противъ этого обвиненія, которое уже было мнѣ извѣстно изъ газетъ. Прибавлю, что дня черезъ два или три было напечатано правительственное сообщеніе о полной вздорности слуховъ о шпіонахъ и отравленіи воды, при чемъ населеніе приглашалось не обижать иностранцевъ. Полицейскаго, провѣрявшаго мой паспортъ, немало смутило то, что я значился въ немъ «командированнымъ за границу», но я успокоилъ его объясненіемъ, что работалъ въ библіотекахъ и архивахъ Парижа и Лондона; бывшіе у меня билеты для входа въ эти учрежденія его успокоили. Послѣ этого приходили ко мнѣ и болѣе важные чины, но были очень вѣжливы. И самъ я былъ въ полиціи три раза: въ первый разъ, чтобы узнать о нашемъ юридическомъ положеніи, два раза—по вызову самой полиціи. Директоръ политической полиціи на мой вопросъ, не представляемъ ли мы собою военноплѣнныхъ, отвѣтилъ отрицательно, но дальнѣйшее показало, что на дѣлѣ было не такъ. Кромѣ того насъ приглашали въ полицію для

внесенія въ наши паспорта нашихъ примѣтъ, какъ намъ сказали, для нашей же безопасности. Послѣ этого мы свободно ходили по улицамъ, посѣщали рестораны, гдѣ столовались, дѣлали далекія загородныя прогулки, избѣгая только говорить между собою по-русски, но очень часто сами же нарушая это правило. Хуже было положеніе русскихъ въ окрестностяхъ Дрездена, гдѣ и власти, и мѣстное населеніе подвергали жившихъ тамъ или туда попавшихъ русскихъ, всякимъ непріятностямъ, вплоть до сажанія въ тюрьму. Въ третій разъ полиція приглашала меня и моихъ сожителей для освѣдомленія о нашемъ матеріальномъ положеніи. Повидимому, хозяйка пансіона боялась, что у насъ нехватитъ денегъ для уплаты ей, и директоръ политической полиціи даже указалъ намъ, что неимущіе имѣютъ право на субсидію. Мы поблагодарили за любезное предложеніе, но, разумѣется, отказались.

Настоящимъ покровителемъ русскихъ въ Дрезденѣ сдѣлался русскій священникъ Д. Н. Якшичъ (родомъ сербъ).

Наше посольство, уѣзжая изъ Дрездена, не взяло его съ собою, и онъ даже одну ночь провелъ подъ арестомъ, но не въ тюрьмѣ, а въ какой-то гостиницѣ, послѣ чего его не только выпустили, но и разрѣшили ему дѣлать ссуды изъ церковныхъ суммъ нуждающимся русскимъ; я самъ воспользовался возможностью занять у него двѣ сотни марокъ, которыя возвратилъ ему, когда, позднѣе, получилъ деньги. Поводомъ къ аресту о. Якшича былъ отслуженный имъ 22-го іюля молебенъ («ein deutschfeindlicher Gettesdienst»), послѣ котораго церковь была заперта и запечатана. Многіе русскіе вмѣстѣ со мною никогда не забудутъ радушія о. Якшича и его семьи, къ которымъ мы приходили пить чай и бесѣдовать о нашихъ дѣлахъ. Цѣлый рядъ лицъ онъ устроилъ по пансіонамъ, другихъ утѣшалъ, ободрялъ. А это было нужно: многіе изъ русскихъ пали духомъ. Я самъ, пользуясь массой свободнаго времени, посѣщалъ порою наиболѣе перетрусившихъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней сидѣнія въ Дрезденѣ я вступилъ въ переписку съ извѣстнымъ проф. Шиманомъ, пользующимся личнымъ расположеніемъ германскаго императора. Я былъ съ нимъ раньше знакомъ и рѣшился написать ему, хотя у него и составилась репутація руссофоба, а его участіе въ консервативной «Kreuz-Zeitung»

далеко не соотвѣтствовало моему собственному политическому настроенію. Свое право писать ему я обосновалъ на нашемъ товариществѣ по наукѣ, «своего рода братствѣ во Христѣ», какъ выразился я въ одномъ письмѣ къ нему. Я писалъ ему, что война не будетъ вѣчной, что послѣ заключенія мира должны будутъ возстановиться добрососѣдскія отношенія, что для этого нужно избѣгать съ обѣихъ сторонъ всего, не вытекающаго изъ военной необходимости, что поэтому германское правительство должно насъ отпустить въ Россію. Проф. Шиманъ отвѣтилъ мнѣ, что такъ и будетъ, но только не сейчасъ.

Онъ сообщилъ мнѣ, что по поводу моего къ нему обращенія онъ написалъ письмо къ замѣстителю имперскаго канцлера. Мы даже обмѣнялись нѣсколькими письмами, при чемъ я писалъ по-русски (проф. Шиманъ знаетъ русскій языкъ), а онъ отвѣчалъ мнѣ по-нѣмецки; письма его я сохранилъ. Я спрашивалъ его еще, не пріѣхать ли мнѣ въ Берлинъ, хотя и выражалъ опасеніе, какъ бы не попасть въ тюрьму. Проф. Шиманъ совѣтовалъ мнѣ остаться пока въ Дрезденѣ, но 8-го августа я совершенно неожиданно получилъ телеграмму, отъ имени «тайнаго совѣтника Шимана», вызывавшую меня въ Берлинъ. Получена была телеграмма почти въ 11 ч. ночи, а въ 2 ч. я уже выѣхалъ изъ Дрездена. Въ Берлинѣ съ вокзала я прямо проѣхалъ въ квартиру проф. Шимана, который помогъ мнѣ исполнить полицейскія формальности для полученія разрѣшенія жить въ Берлинѣ, и я помѣстился въ одномъ пансіонѣ въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ Шиманъ.

Въ Берлинѣ положеніе русскихъ оказалось уже инымъ, чѣмъ въ Дрезденѣ. Изъ саксонской столицы я уѣхалъ, ни у кого не спрашиваясь, а теперь я безъ разрѣшенія полиціи не имѣлъ права даже перемѣнить квартиру и обязанъ былъ являться въ полицейскій участокъ каждые три дня и т. п. Не разъ вспоминалъ я поэтому свою тихую и спокойную жизнь въ Дрезденѣ, гдѣ какъ-то меньше чувствовался и военный задоръ нѣмцевъ. Погода все время въ Дрезденѣ была чудная, и я совершалъ большія прогулки, которыя поддерживали во мнѣ бодрость духа и давали мнѣ хорошій сонъ. Угнетали только два обстоятельства. Во-первыхъ, я ничего не зналъ ни о женѣ, ни о

дочери, бывшихъ въ это время во Франціи, хотя и убѣждалъ себя, что онѣ успѣли «проскочить» во-время въ Россію: жена писала мнѣ еще въ Карлсбадъ о своемъ намѣреніи уѣхать. Во-вторыхъ, читая нѣмецкія газеты, я узнавалъ только объ однѣхъ побѣдахъ Германіи, и, въ частности, Россія изображалась въ этихъ газетахъ на краю гибели: въ Польшѣ и въ Финляндіи—революція, въ Одессѣ—тоже революція, мобилизація идетъ скверно и т. п. О торжествѣ Германіи свидѣтельствовало и то, что Берлинъ за все время моего пребыванія въ немъ утопалъ во флагахъ.

Когда я уѣзжалъ изъ Дрездена, мобилизація была уже окончена. Я имѣлъ возможность наблюдать, какъ она происходила, ибо жилъ недалеко отъ главнаго вокзала, и по улицѣ, на которой я жилъ, проходили запасные и военные отряды, провозились орудія и разныя повозки. Во всемъ царилъ образцовый порядокъ, и больно было читать нѣмецкія издѣвательства, какъ оказалось, неосновательныя, надъ нашей мобилизаціей. Вообще въ прессѣ было много огорчительнаго, и только явная вздорность этихъ статей убѣждала, какъ часто то или другое диктовалось только шовинистической злобой. Очень жалѣю, что не сохранилъ одной статьи «Характеристика русскаго народа по его пословицамъ», въ которой бо́льшая часть пословицъ представляетъ собою плоды грубаго сочинительства.

II.

НАША РАБОТА ВЪ БЕРЛИНѢ.

Праздная жизнь, какую я велъ въ Дрезденѣ, замѣнилась въ Берлинѣ интенсивной работой. Въ Берлинѣ мнѣ пришлось принять дѣятельное участіе въ оказаніи помощи многочисленнымъ русскимъ, застрявшимъ въ этомъ городѣ, и въ подготовкѣ возвращенія ихъ въ Россію, что́ и налагаетъ на меня обязанность довести до всеобщаго свѣдѣнія, какъ происходила эта тяжелая и отвѣтственная работа.

9-го августа, въ самый день пріѣзда моего въ Берлинъ, я отправился съ проф. Шиманомъ въ Deutsche Bank, гдѣ съ разрѣшенія

правительства и въ присутствіи его представителей состоялось собраніе человѣкъ 30-ти нѣмцевъ и русскихъ, рѣшившее образовать два комитета: одинъ — для собиранія средствъ, другой — для раздачи денегъ нуждающимся русскимъ подданнымъ. Въ составъ перваго вошли девять человѣкъ подъ предсѣдательствомъ проф. Шимана, наиболѣе же дѣятельными его членами изъ русскихъ оказались инженеръ Ѳ. Е. Енакіевъ, членъ Государственной Думы А. И. Чхенкели, извѣстный издатель И. А. Ефронъ и прис. повѣр. Полѣновскій. Результатомъ дѣятельности этого комитета было образованіе фонда въ 16—17 тыс. марокъ изъ пожертвованій и отчисленій нѣкоторыхъ суммъ при оплатѣ банкомъ русскихъ кредитивовъ. Въ этотъ же комитетъ поступило еще 20 тыс. марокъ, переданныхъ для помощи нуждающимся г. Енакіеву испанскимъ посланникомъ Поло-до-Барнабе, который обѣщалъ и впредь дѣлать такіе же взносы въ комитетъ. Я вошелъ въ составъ другого комитета, раздававшаго пособія и ссуды. Предсѣдателемъ его былъ избранъ юстицратъ Бернгартъ Бреслауеръ, товарищемъ предсѣдателя — пишущій эти строки. Съ нашей стороны въ немъ приняли участіе еще членъ Государственнаго Совѣта Ротвандъ (изъ Варшавы), прис. повѣр. Гордонъ, князь Д. І. Бебутовъ и упомянутый уже г. Полѣновскій. Въ немъ же участвовали и наиболѣе дѣятельные изъ нѣмецкихъ членовъ: писатель Э. Фуксъ, д-ръ Бернгардъ Канъ и Гуго Симонъ, который потомъ съ Ѳ. Е. Енакіевымъ и мною образовали небольшую комиссію по организаціи отъѣзда русскихъ изъ Берлина.

Сколько русскихъ застряло въ Германіи, мы съ точностью не знали да такъ и не могли узнать. Предположительно говорилось о 15 — 20-ти тысячахъ въ одномъ Берлинѣ, о 45 — 50-ти — во всей Германіи, но кто и какъ ихъ считалъ? Что ихъ въ Берлинѣ было много, это можно было видѣть воочію по тѣмъ толпамъ, какія ежедневно собирались прямо на улицахъ передъ испанскимъ посольствомъ и консульствомъ, передъ еврейскимъ Hilfsverein'омъ, въ помѣщеніи котораго происходила раздача денегъ, передъ берлинской коммандатурой, гдѣ впослѣдствіи раздавались разрѣшенія на выѣздъ и желѣзнодорожные билеты. Намъ, членамъ комитета по раздачѣ денегъ, пришлось засѣдать почти ежедневно, иногда даже по два раза, часа по три,

по четыре. Работа шла напряженная, утомительная, тѣмъ болѣе, что среди кліентовъ было много нервноразстроенныхъ, неуравновѣшенныхъ людей, плакавшихъ, спрашивавшихъ у насъ о своихъ родныхъ и т. п.

За всѣ эти дни мнѣ пришлось перевидать множество народа и встрѣтить немалое количество знакомыхъ, которыхъ я по возможности и посѣщалъ на дому. Отъ многихъ пришлось слышать объ ихъ злоключеніяхъ, арестахъ, дурномъ обращеніи. Все это было однако только въ первые дни, а потомъ русскіе свободно собирались большими толпами передъ названными учрежденіями и разговаривали по-русски на улицахъ, не встрѣчаясь ни съ какими препятствіями. Толпа была обыкновенно нервная, возбужденная, потому что приходилось ждать очереди цѣлыми часами, и, какъ всегда, были люди, желавшіе протиснуться впередъ внѣ очереди. Въ общемъ однако порядокъ не нарушался.

Съ самаго начала намъ объявили, что мы будемъ выпущены, за исключеніемъ лицъ мужского пола отъ 17-ти до 45-ти лѣтъ, но срока намъ не говорили или, указавъ на срокъ, потомъ его откладывали. Нашъ «исходъ», конечно, требовалъ организаціи, съ каковой цѣлью оба комитета образовали особую комиссію изъ гг. Фукса, Кана и Симона со стороны нѣмцевъ, и г. Енакіева со мной — изъ русскихъ. Впослѣдствіи трое первыхъ изъ Штеглицерштрассе переселились въ коммандатуру, куда меня съ г. Енакіевымъ уже не пустили. Въ послѣдній разъ съ нами двоими сносились въ большомъ засѣданіи, бывшемъ 20 августа, на которомъ присутствовали представители министерствъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, генеральнаго штаба и коммандатуры, шведскаго бюро путешествій и т. п. Наша маленькая комиссія выработала общіе принципы отправленія на родину и составила списки, послужившіе для коммандатуры только матеріаломъ, которымъ она воспользовалась лишь отчасти. Каждый поѣздъ долженъ былъ состоять изъ пассажировъ всѣхъ трехъ классовъ, при чемъ кто желалъ ѣхать въ первомъ классѣ, долженъ былъ оплатить проѣздъ двухъ пассажировъ третьяго класса, а ѣхавшій во второмъ—проѣздъ одного пассажира третьяго класса, билеты же въ послѣднемъ должны были выдаваться безплатно. Далѣе, съ первыми же поѣздами (ихъ

было по два въ день) должны были выѣхать преимущественно больные, женщины, дѣти и старики. Впослѣдствіи коммандатура, раздавая билеты, строго этого порядка не держалась, и многое въ нашихъ очерядяхъ было спутано.

Составляя свои списки, рядомъ съ которыми составлялись и другіе, мы двое, т.-е. Ѳ. Е. Енакіевъ и я, раздѣлили между собой «богатыхъ» и «бѣдныхъ». На мою долю достались вторые. Еще въ первые дни своего пребыванія въ Берлинѣ я узналъ, что въ одномъ пансіонѣ томятся около 40 учительницъ, участвовавшихъ въ заграничныхъ образовательныхъ экскурсіяхъ и очутившихся тоже въ плѣну, притомъ безъ средствъ. О нихъ пришлось особенно хлопотать. Чрезъ проф. Шимана, который охотно отзывался на каждую просьбу, я исходатайствовалъ у каммандатуры обѣщаніе отправить эту группу съ первымъ же поѣздомъ и вмѣстѣ съ ними меня въ качествѣ какъ бы ихъ опекуна. Нашъ комитетъ далъ 500 марокъ для уплаты за нихъ хозяйкѣ пансіона (замѣчательно хорошей женщинѣ, г-жѣ Ивикъ), да гг. Енакіевъ и Ефронъ собрали въ ихъ пользу почти такую же сумму. Этого было однако мало, чтобы расплатиться съ хозяйкой за содержаніе четырехъ десятковъ съ лишнимъ лицъ въ теченіе пяти недѣль, улучшить условія ихъ проѣзда въ Россію и нѣкоторымъ изъ нихъ дать кое-что на дальнѣйшую дорогу,—напримѣръ, на югъ или въ Сибирь. Испанское посольство также вошло въ ихъ положеніе и вручило мнѣ значительную сумму денегъ, которую цѣликомъ мнѣ даже не пришлось израсходовать. Вмѣстѣ со мной съ первымъ поѣздомъ пріѣхали въ Россію 55 учительницъ и женщинъ-врачей, а другихъ лицъ той же категоріи въ количествѣ 75-ти человѣкъ мнѣ было обѣщано отправить съ ближайшими же поѣздами.

Свою работу въ комитетѣ по раздачѣ пособій и ссудъ и въ комиссіи по организаціи отъѣзда я прекратилъ почти наканунѣ выѣзда изъ Берлина, состоявшагося вечеромъ 23-го августа. То, о чемъ я думалъ еще въ Дрезденѣ и о чемъ писалъ проф. Шиману, осуществилось. Когда война кончится и начнутъ налаживаться вновь сосѣдскія отношенія между обѣими націями, все сдѣланное для насъ проф. Шимановъ и другими нѣмецкими членами обоихъ комитетовъ, вся громадная ра-

бота, взятая на себя и доведенная до конца гг. Фуксомъ, Каномъ и Симономъ, конечно, должны быть поставлены въ плюсъ. Торжественно свидѣтельствую объ ихъ добромъ, сердечномъ къ намъ отношеніи. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ товарищей по общей работѣ даже пріѣхали на Штеттинскій вокзалъ въ Берлинѣ насъ провожать, пожелать намъ счастливаго пути. Въ Deutsche Bank, гдѣ намъ отводились помѣщенія для нашихъ засѣданій и гдѣ мы устраивали свои денежныя дѣла по аккредитивамъ, чекамъ, размѣну и т. п., намъ тоже оказывалось всякое вниманіе, и главнымъ посредникомъ здѣсь былъ И. А. Ефронъ

Въ описанной работѣ прошли двѣ недѣли, которыя мнѣ показались цѣлымъ мѣсяцемъ,—такъ много было за это время разныхъ впечатлѣній, такъ часто пришлось переходить отъ ожиданія, что вотъ-вотъ насъ выпустятъ, къ опасенію, что будетъ это въ концѣ-концовъ не скоро. Столько притомъ за эти двѣ недѣли мнѣ пришлось видѣть людей, столько дѣлать дѣла. Работа утомляла, но и позволяла вмѣстѣ съ тѣмъ забывать свое непроглядное положеніе. Нѣмцы, съ которыми намъ приходилось работать, были съ нами очень деликатны и не заводили разговоровъ, которые могли бы быть непріятны нашему національному самолюбію.

Главное, что были призваны сдѣлать оба комитета, сдѣлано, но многое еще и предстоитъ сдѣлать. Кромѣ лицъ, застрявшихъ въ Германіи, въ ней оказалось множество русскихъ подданныхъ, постоянно, тамъ жившихъ и теперь потерявшихъ свои заработки. Ихъ въ нашъ комитетъ приходили сотни, но мы серьезной помощи оказать имъ не могли. Это тоже насъ немало удручало. Слѣдуетъ думать, что положеніе ихъ будетъ обезпечено испанскимъ посольствомъ, которое очень намъ всѣмъ помогало. Кстати, въ числѣ лицъ, пріѣхавшихъ насъ провожать, былъ и совѣтникъ испанскаго посольства г. Гильцельгадо, обнаружившій большое сочувствіе къ нашему положенію.

Моментомъ окончанія пятинедѣльнаго плѣна я считаю ту минуту, когда со шведскаго парохода, увозившаго насъ изъ Засница въ Трелдеборгъ, былъ спущенъ германскій флагъ. Мы ожидали, что насъ еще будутъ обыскивать, не веземъ ли мы съ собой какихъ-либо германскихъ секретовъ, но на сей разъ дѣло до этого не дошло.

М. М. Ковалевскій въ плѣну.

М. М. Ковалевскаго мнѣ не удалось увидѣть лично въ Карлсбадѣ,— разсказываетъ А. Дживилеговъ,—хотя я былъ очень близко отъ него. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Франценсбадъ, сношенія между курортами прекратились на цѣлыхъ двѣ недѣли, а потомъ лишь женщины получали пропускъ изъ одного курорта въ другой. Все, что я знаю о немъ, основано на его письмахъ и сообщеніяхъ лицъ, его видѣвшихъ.

Когда война началась, М. М. оказался почти безъ денегъ, такъ какъ аккредитивы перестали приниматься австрійскими банками. Какъ и большинство, онъ сильно нуждался. Въ послѣднихъ числахъ августа ст. ст. онъ получилъ большія суммы и съ этой стороны уже былъ спокоенъ. Здоровье его въ это же время было довольно удовлетворительно, хотя волненія и ухудшили его главный недугъ. Надѣяться на то, что ему позволятъ уѣхать изъ Карлсбада, насколько я могъ судить, нельзя было. Еще инородцамъ-русскимъ подданнымъ удавалось вырваться изъ Австріи. Коренныхъ русскихъ, сколько я знаю, не было выпущено ни одного, по крайней мѣрѣ изъ курортовъ. Во Франценсбадѣ и двухъ сосѣднихъ курортахъ безнадежно сидятъ, хотя и не находятся въ заключеніи, нѣсколько десятковъ русскихъ.

Возрастъ Максимъ Максимовича избавилъ его отъ отправки въ Эгерскія казармы, и когда болѣе молодые сидѣли тамъ, у него даже были надежды, благодаря заступничеству американскаго консула въ Карлсбадѣ, выбраться изъ предѣловъ Австріи. 31-го августа онъ писалъ во Франценсбадъ, предлагалъ мнѣ немедленно ѣхать въ Карлсбадъ и оттуда въ Россію. Но у меня уже былъ отобранъ паспортъ, а черезъ два дня я получилъ извѣстіе, что его тоже не пускаютъ. Нѣкоторое время спустя отобрали паспортъ и у него.

Австрійскія власти придаютъ большое значеніе личности М. М. Ковалевскаго и, кажется, думаютъ, что онъ скрываетъ отъ нихъ свое настоящее положеніе. Предполагаютъ, что онъ занимаетъ очень вліятельный постъ въ правительствѣ.

Послѣднія извѣстія о немъ я имѣлъ уже въ Женевѣ. Изъ отеля Villa Asgard, гдѣ живетъ М. М., уѣхала большая семья бакинцевъ. М. М. ихъ удерживалъ, считая путь въ Швейцарію черезъ Вѣну ненадежнымъ. Самъ онъ уже не имѣлъ надежды попасть въ Россію до конца войны. На здоровье онъ не жаловался.

О допросѣ и обыскѣ, произведенныхъ въ Карлсбадѣ у профессора М. М. Ковалевскаго австрійскими властями, и о причинахъ, воспрепятствовавшихъ его отъѣзду, присяжный повѣренный С. Е. Кальмановичъ разсказалъ слѣдующее:

Обыскъ у М. М. Ковалевскаго былъ произведенъ въ 20-хъ числахъ іюля, когда я былъ еще въ Карлсбадѣ. Во время этого обыска ему былъ предложенъ вопросъ, знаетъ ли онъ нѣкоего господина N. Максимъ Максимовичъ отвѣтилъ, что фамилія эта ему извѣстна, но такъ какъ онъ встрѣчалъ много такихъ однофамильцевъ, то не знаетъ, о комъ именно идетъ рѣчь. Послѣ этого его оставили въ покоѣ. Обыскъ взволновалъ М. М. Также волновали его и слухи, распространявшіеся австрійской печатью, что Россія находится наканунѣ гибели, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи вспыхнули возстанія и т. д. Здоровье профессора Ковалевскаго послѣ этого обыска ухудшилось. Несмотря на то, что его тянуло въ Россію, онъ по состоянію своего здоровья въ началѣ августа не могъ уѣхать изъ Карлсбада. Вторая причина, мѣшавшая его отъѣзду, заключалась въ томъ, что австрійскія власти отказали ему въ легитимаціи, а безъ этого рискованно было уѣзжать. Черезъ нѣсколько дней послѣ обыска у Ковалевскаго былъ произведенъ обыскъ у священника посольской церкви Рыжкова. Рыжкова также разспрашивали о г. N. Во время обыска у него была отобрана вся переписка съ N., котораго, какъ выяснилось, австрійская полиція считаетъ однимъ изъ представителей противоавстрійскаго теченія въ Богеміи. Послѣ этого обыска были арестованы священникъ посольской церкви Рыжковъ, дьяконъ и псаломщикъ. Изъ этого г. Кальмановичъ заключаетъ, что австрійскія власти подозрѣваютъ М. М. въ томъ, что онъ поддерживалъ сношенія съ г. N., а этотъ послѣдній обвиняется въ сношеніяхъ съ извѣстнымъ славянскимъ «дѣятелемъ» Черепъ-Спиридовичемъ.

Кальмановичъ уѣхалъ изъ Карлсбада 2-го августа, а 3-го августа,

какъ сообщили ему ѣхавшіе изъ Карлсбада позже его, у Ковалевскаскаго былъ отобранъ паспоръ и онъ былъ лишенъ окончательно возможности выѣхать изъ Карлсбада.

Въ октябрѣ судьба М. М. какъ плѣннаго значительно ухудшилась.

Австрійское правительство даже заявило, что оно освободитъ М. М. Ковалевскаго только въ обмѣнъ на такого же по положенію и званію австрійскаго плѣннаго въ Россіи. Но такъ какъ въ Россіи среди австрійскихъ плѣнныхъ нѣтъ ни академика, ни члена верховной законодательной палаты, ни профессора вѣнскаго университета, то Ковалевскому, беззаконно задержанному въ Карлсбадѣ, гдѣ онъ лѣчился, пришлось остаться въ плѣну.

Подъ военно-полевымъ судомъ въ Штеттинѣ.

С. Щепотьева.

11-го іюля при совершенно безоблачномъ политическомъ горизонтѣ я покинулъ Петербургъ, отправляясь на желѣзнодорожную конференцію въ Мюнхенъ, и совершенно не предполагалъ, что мнѣ удастся вырваться изъ Германіи только послѣ трехъ недѣль всевозможныхъ обидъ, лишеній, отнятія денегъ, военно-полевого суда.

Передъ войной всѣ трудовые промышленные классы населенія не допускали ни на одну секунду войны. «Война это — общее разореніе», — слышалось со всѣхъ сторонъ, въ вагонахъ, ресторанахъ, на улицахъ, въ разговорахъ между знакомыми; тѣмъ не менѣе, война была объявлена.

Причины войны очень ярко были высказаны мнѣ представителемъ богатой нѣмецкой буржуазіи, однимъ резервистомъ, прекрасно говорящимъ по-русски, въ спальномъ вагонѣ, между Нюрнбергомъ и Берлиномъ, уже когда мы подъѣзжали къ Берлину, въ понедѣльникъ, 21-го іюля.

— Дѣло началось съ Агадира, — разсказывалъ мнѣ военный резер-

вистъ, — когда Россія, Англія и Франція отказали намъ въ кускѣ Марокко, на который мы имѣли такое же право, какъ и Франція. Съ тѣхъ поръ мы начали готовиться къ войнѣ. Мы видѣли, что Россія черезъ два года будетъ сильнѣе Германіи. Мы не могли этого допустить и натравили теперь Австрію, которая, конечно, безъ согласія Германіи не могла бы такъ рѣзко выступить. Это — предупредительная война. Французовъ мы не боимся. Это — изнѣженная нація, и на каждаго французскаго солдата придется по два нѣмецкихъ. Англія съ наемнымъ войскомъ своимъ намъ также не страшна. У насъ все разсчитано. Единственно неизвѣстный намъ факторъ, — насколько Россія успѣла улучшить свои войска послѣ японской войны. Но у насъ все разсчитано, и если наше правительство ошиблось въ своихъ расчетахъ, тогда мы его вонъ.

Въ первые дни войны Берлинъ еще носилъ маску культурности, пока въ понедѣльникъ кайзеръ съ своего балкона не сказалъ: «Россія и Франція будутъ измолоты нѣмцами», пока не появились въ газетахъ подстрекающія ярость статьи, полныя самыхъ нелѣпыхъ выдумокъ про русскихъ шпіоновъ, про то, что французскіе врачи отправляютъ колодцы въ Эльзасъ-Лотарингіи, что русскія женщины были арестованы съ куклами въ рукахъ, начиненными динамитомъ, и т. д. Въ понедѣльникъ, 21-го іюля, послѣдовалъ уже со стороны берлинскаго населенія взрывъ дикой ярости по отношенію къ Россіи, началась охота на русскихъ. Сидя въ кафэ на Фридрихштрассе, я вдругъ услыхалъ дикій ревъ толпы: поймали русскаго. Желая обойти улицу, направившись въ другую параллельную, болѣе тихую, я опять встрѣтилъ огромную толпу, окружившую какого-то господина въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Кругомъ него были полицейскіе съ обнаженными саблями, толпа съ поднятыми кулаками. Нарядныя нѣмецкія дамы, выбѣжавшія изъ магазина, съ какимъ-то дикимъ визгомъ бросились на этого русскаго и били его зонтиками по головѣ. Подавленный всѣми этими сценами, я поспѣшилъ покинуть Берлинъ по направленію къ Швеціи черезъ Штральзундъ, Сасницъ, Треллеборгъ. Поѣзда ходили очень неправильно, только на небольшихъ участкахъ. Когда я ночью попалъ въ поѣздъ, идущій отъ Ангермюнде до Штральзунда, сосѣди

по купэ, мѣстные нѣмцы, разговаривая между собою, передавали ужасающіе факты насилія надъ русско-польскими рабочими.

Въ такомъ-то пунктѣ,—говорилъ одинъ нѣмецъ другому,—третьяго дня разстрѣляли четырехъ рабочихъ русскихъ-поляковъ, приблизившихся къ мосту. Въ другомъ пунктѣ застрѣлили двухъ дѣву-

Entlassungsschein.

[illegible]

ist aus der über ihn in Sachen wegen Spionage ~~bei dem~~ verhängten Untersuchungshaft heute entlassen.

Stettin, den 11ten August 1914.

Der Gefängnisinspektor.

[illegible]

L. F.
XV. Nr. 61.

Переводъ. Свидѣтельство объ освобожденіи. Состоящій на государственной службѣ Сергѣй Щепотьевъ, взятый подъ стражу по подозрѣнію въ шпіонажѣ, сегодня освобожденъ изъ предварительнаго заключенія. Штеттинъ, 11-го августа 1914 г. *Тюремный инспекторъ* (*подпись*).

шекъ, ѣхавшихъ на автомобилѣ. Цѣлые часы разговора были проведены ими въ обмѣнѣ такими новостями.

Въ 6 час. утра я достигъ Штральзунда и узналъ тамъ, что поѣздъ идетъ черезъ 6 часовъ по направленію къ Сасницу. Пришлось остаться на вокзалѣ. Здѣсь уже появилась телеграмма, которая произвела страшное впечатлѣніе на всѣхъ нѣмцевъ,—объ объявленіи войны Англіей. Вокзалъ Штральзунда былъ занятъ многочисленными пикетами сол-

датъ. Начались опросы, кто я и что я. Подошелъ одинъ, другой, третій, четвертый, наконецъ, подошелъ ко мнѣ офицеръ и сказалъ, что я долженъ отправиться въ казармы, и предупредилъ, что при малѣйшемъ ослушаніи я буду немедленно разстрѣлянъ.

Трое солдатъ съ заряженными ружьями окружили меня, и началось шествіе по улицамъ Штральзунда. Впереди бѣжала армія мальчишекъ. Женщины и мужчины окружили густой толпой солдатъ, грозя мнѣ кулаками, произнося всевозможныя ругательства. Въ казармѣ, на огромномъ дворѣ которой была расположена масса резервистовъ, привели меня къ прусскому лейтенанту, который набросился па меня со всевозможными криками, что меня надо разстрѣлять, для чего я въ Германіи, что теперь война, и на всѣ мои вопросы, что такое, за что меня арестовываютъ, чего отъ меня хотятъ, онъ все кричалъ: «Молчать, теперь война».

Я былъ страшно раздраженъ и сдѣлалъ вскользь замѣчаніе, что легко вести войну съ безоружнымъ старикомъ. Это невинное замѣчаніе привело лейтенанта въ совершеннѣйшую ярость. Двое солдатъ вытянули мои руки вверхъ, третій со штыкомъ сталъ передо мной. Меня обыскали, отобрали отъ меня всѣ деньги, паспортъ и всѣ бумаги. Послѣдовала команда офицера: «Отвести его въ военную тюрьму подъ строгій надзоръ».

И вотъ я очутился въ камерѣ гарнизонной военной тюрьмы. Кругомъ все было полно солдатъ. Тюрьма все-таки не могла быть изолирована отъ окружающей среды, и черезъ открытыя окна камеры мнѣ приходилось слышать рѣчи офицеровъ къ солдатамъ, полныя самой ужасной ненависти къ русскимъ. Офицеры проповѣдывали солдатамъ, что они должны самымъ безпощаднымъ образомъ относиться ко всему русскому. Такъ я провелъ нѣсколько дней, имѣя право чрезъ солдатъ дѣлать закупки хлѣба и ветчины въ городѣ. На всѣ мои протесты обходящему разъ въ день камеры офицеру, чтобы меня призвали къ допросу, чтобы мнѣ объяснили, за что меня держатъ, чтобы послали ко мнѣ испанскаго консула или дали бумаги, чтобы я ему обо всемъ написалъ, послѣдовали только презрительныя усмѣшки.

Дня черезъ четыре мнѣ объявили, что я отправляюсь въ Штеттинъ.

Стали выводить и другихъ арестованныхъ изъ камеръ, и набралась насъ группа въ 11 человѣкъ. Впереди двое босыхъ рабочихъ изъ русской Польши, съ разбитыми головами: они подошли неосторожно

Переводъ. Названный на оборотѣ, задержанный здѣсь по подозрѣнію въ шпіонажѣ, вчера былъ оправданъ по приговору военнаго суда и освобожденъ изъ заключенія. Къ его отъѣзду на родину въ Петербургъ препятствій не имѣется. Штеттинъ, 12-г., августа 1912 года. *Предсѣдатель военнаго суда для военнаго времени, тайный юстиціи совѣтникъ (подпись).*

къ желѣзнодорожному мосту, за что были побиты и арестованы. Человѣкъ семь русскихъ и польскихъ рабочихъ и три интеллигента. Окруженные многочисленнымъ конвоемъ, мы форсированнымъ маршемъ двинулись по улицамъ Штральзунда на вокзалъ. На вокзалѣ мнѣ удалось разыскать свой багажъ, который былъ оставленъ безъ призора на

полу, въ зданіи вокзала. Разговоры были воспрещены во время переѣзда...

Итакъ, въ глубокомъ молчаніи мы добрались до Штеттина, гдѣ насъ встрѣтилъ другой конвой. Въ сопровожденіи огромной толпы народа, окруженные многочисленными солдатами съ заряженными ружьями, прослѣдовали мы уже въ уголовную тюрьму Штеттина. Въ камеру, назначенную для одного, съ одной постелью помѣстили насъ четверыхъ.

Это была странная компанія. Старикъ съ большой сѣдой бородой, въ одномъ пиджачкѣ, котораго солдаты въ Штральзундѣ постоянно подгоняли подзатыльниками, чтобы онъ скорѣе шелъ, оказался нѣмецкимъ милліонеромъ, вкадѣльцемъ прекраснаго милліоннаго помѣстья въ Помераніи, вернувшимся на родину послѣ успѣшной коммерческой дѣятельности на югѣ Россіи, гдѣ онъ провелъ 36 лѣтъ, нѣмецкимъ комерціенъ-ратомъ, теперь арестованнымъ подъ несущественными предлогами въ цѣляхъ конфискаціи его имѣнія. Другой интеллигентъ оказался нѣмецкимъ журналистомъ, тоже земельнымъ собственникомъ въ Помераніи, имѣвшимъ несчастье послать своей кузинѣ въ Ригу деньги, за что онъ былъ немедленно арестованъ. Потомъ были я и еще русскій польскій рабочій, шесть лѣтъ живущій въ тѣхъ мѣстахъ, имѣвшій жену, двухъ маленькихъ дѣтей, переѣзжавшій на другую работу. Онъ былъ по дорогѣ арестованъ мѣстнымъ жандармомъ, нашедшимъ у него въ сундукѣ револьверъ. Этого было достаточно для его ареста и заключенія въ тюрьму. Мы были подвергнуты строгому режиму уголовной тюрьмы.

Покупки на сторонѣ были абсолютно воспрещены. Въ 6 часовъ утра по звонку должны были вставать, въ половинѣ 7-го разносили жидкость кофейнаго цвѣта, безъ сахара, безъ молока, называемую кофе, при чемъ давался кусокъ плохо выпеченнаго ржаного хлѣба на цѣлый день. Въ 12-мъ часу давалась гороховая горячая похлебка съ многочисленными плавающими въ ней червями, которую въ первые дни я не могъ совершенно ѣсть, а въ послѣдующіе уже дни я глоталъ ее, закрывъ глаза. Въ 5 часовъ разносили горячую воду, подправленную саломъ; это называлось супомъ. И больше ничего. Че-

резъ нѣсколько дней меня вызвали, повели въ другое зданіе, чему я былъ очень обрадованъ, такъ какъ думалъ, что иду на допросъ. Но меня ввели въ большой залъ, со столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, за которымъ засѣдала цѣлая коллегія въ составѣ трехъ военныхъ и двухъ штатскихъ, налѣво—прокуроръ, направо—секретарь. И мнѣ объявили, что я предсталъ предъ военно-полевымъ судомъ.

Пригласили присяжную переводчицу, и мнѣ былъ предложенъ вопросъ: «Для чего я попалъ въ Германію?» Въ ожиданіи вопроса я уже подготовилъ подробный разсказъ, шагъ за шагомъ, моего злополучнаго путешествія, продолжавшагося по Германіи на свободѣ всего только около недѣли. Я объяснилъ, что я поѣхалъ на желѣзнодорожную конференцію, что я—представитель частной дороги, для своихъ поѣздокъ, обладающій большой привилегіей: безплатными желѣзнодорожными билетами по всѣмъ нѣмецкимъ и австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Когда я кончилъ свой разсказъ, предсѣдательствующій спросилъ меня: «За что же васъ арестовали?». На это я ему отвѣтилъ, что я хотѣлъ у него объ этомъ самъ спросить. Онъ обратился къ прокурору. Прокуроръ пролепеталъ всего только двѣ фразы, что было два безплатныхъ билета, двѣ «фрейкарты», но что ихъ при дѣлѣ нѣтъ. Судъ удалился на совѣщаніе, и черезъ пять минутъ объявилъ, что я оправданъ по обвиненію въ такой-то статьѣ по подозрѣнію въ шпіонствѣ, и на мой вопросъ, чтобы мнѣ вернули паспортъ и деньги, отобранные у меня въ Штральзундѣ, судъ отвѣтилъ, что я буду переданъ испанскому консулу, который объ этомъ обо всемъ позаботится. Написали бумагу, и въ сопровожденіи шуцмана я отправился въ тюрьму, гдѣ мнѣ выдали мой багажъ и особую бумажку, что вотъ такой-то освобожденъ изъ тюрьмы по такому-то обвиненію.

Явившись къ консулу, я былъ непріятно пораженъ: испанскій консулъ, нѣмецъ по рожденію, отвѣтилъ самымъ катогорическимъ отказомъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать и не можетъ меня принять, какъ постановилъ судъ. Онъ подписалъ какую-то бумагу, врученную имъ шуцману, и опять въ сопровожденіи шуцмана я отправился въ военный судъ. Вновь я сталъ просить предсѣдателя военнаго суда, чтобы онъ послалъ телеграмму въ Штральзундъ о возвратѣ мнѣ пас-

порта и денегъ, такъ какъ у меня оказалось всего полторы марки и я не знаю, гдѣ же я могу найти себѣ пріютъ въ Штеттинѣ. Послѣ переговоровъ предсѣдатель военно-полевого суда предложилъ мнѣ отправиться къ его знакомой, содержащей пансіонъ, которой онъ напишетъ записку, чтобы она меня пріютила, и что онъ пошлетъ телеграмму въ Штральзундъ о высылкѣ мнѣ паспорта и денегъ. Несмотря на рекомендацію предсѣдателя военно-полевого суда, владѣлица пансіона отказала мнѣ въ пріютѣ, объяснивъ, что у нея есть нѣсколько офицеровъ и нѣтъ свободныхъ комнатъ.

Тутъ уже сопровождавшій меня шуцманъ по своей собственной иниціативѣ отправился въ гостиницу и съ рекомендаціей предсѣдателя военно-полевого суда посѣтилъ меня въ этой гостиницѣ. На утро первымъ моимъ визитомъ было посѣщеніе военнаго суда, ставшаго мнѣ прибѣжищемъ въ эти дни. Наслушавшись совѣтовъ шуцмана и испанскаго консула, что я долженъ избѣгать всякаго разговора на улицахъ, чтобы опять не попасть въ какую-нибудь непріятную для меня исторію, я обратился къ предсѣдателю военно-полевого суда съ просьбой, чтобы онъ въ выданномъ мнѣ изъ тюрьмы документѣ написалъ со своей стороны, что онъ не встрѣчаетъ препятствій къ моему отъѣзду на родину. Предсѣдатель сначала-было отвѣтилъ, что это не входитъ въ кругъ его обязанностей, что онъ много для меня сдѣлалъ, что я долженъ обратиться за разрѣшеніемъ о выѣздѣ къ высшей мѣстной военной власти. Но, въ концѣ-концовъ, онъ сдался на мои возраженія, что онъ для меня представляетъ высшую власть и знаетъ все мое дѣло, что мѣстныя военныя власти моего дѣла не знаютъ, а безъ такого удостовѣренія я могу опять сдѣлаться жертвой новаго ареста со стороны военныхъ, что вполнѣ и подтвердилось.

Въ день уже назначеннаго моего отъѣзда изъ Штеттина, получивъ разрѣшеніе отъ мѣстной полиціи на выѣздъ, я былъ вновь арестованъ въ гостиницѣ офицеромъ, съ которымъ я уже не разговаривалъ долго, а просто предъявилъ ему полученное отъ военно-полевого суда удостовѣреніе, которое дѣйствительно возымѣло свое дѣйствіе. Я получилъ предложеніе окончить свой утренній завтракъ и затѣмъ уже отправиться вмѣстѣ съ офицеромъ на главную гауптвахту, гдѣ мнѣ, дѣй-

ствительно, плацъ-комендантъ написалъ на паспортѣ удостовѣреніе, что военныя власти разрѣшаютъ мнѣ выѣздъ въ Швецію.

Телеграмма военнаго суда о возвратѣ мнѣ денегъ не возымѣла, однако, полнаго дѣйствія, какъ я ожидалъ. Мнѣ вернули паспортъ, безплатные билеты по нѣмецкимъ и австрійскимъ дорогамъ и 50 рублей русскихъ денегъ. Остальныя же шведскія и нѣмецкія деньги, на сумму около 150 рублей, такъ мнѣ и не вернули до сихъ поръ, несмотря на вторично сдѣланную попытку уже чрезъ испанскаго консула послать телеграмму въ Штральзундъ на имя того лейтенанта, который у меня отобралъ эти деньги въ штральзундской казармѣ.

За 50 рублей мнѣ дали 70 марокъ, которыхъ, къ счастью, оказалось достаточно для расплаты въ гостиницѣ и для того, чтобы перебраться въ Швецію. Покинулъ я Штеттинъ все-таки вольнымъ пассажиромъ и могъ доѣхать до Сасница, не будучи арестованъ только благодаря тому, что въ составѣ поѣзда находилось три или четыре вагона, биткомъ набитые русскими подданными, выселяемыми изъ Штеттина. Въ то время, по разсказамъ, въ Штеттинѣ находилось около 3.000 русскихъ подданныхъ, биткомъ набитыхъ въ городской скотобойнѣ и на нѣсколькихъ старыхъ пароходахъ. Мѣстныя военныя власти сначала не разрѣшили отправку русскихъ подданныхъ. Потомъ, не знаю уже по какимъ причинамъ, стали каждый день отправляться транспорты, которые затѣмъ опять были прекращены.

Путешествіе до Сасница было чрезвычайно тягостно. Вагоны были наполнены полупьяными нѣмецкими солдатами, все время распѣвавшими спеціально для этой войны сочиненныя солдатскія пѣсни, преобладающимъ мотивомъ которыхъ было, что «Russland muss sterben». Въ 5 час. утра пришелъ поѣздъ въ Сасницъ, и каждый вагонъ стали обходить солдаты, кричавшіе, что шведы и датчане могутъ выходить, а русскіе подданные должны оставаться въ вагонахъ.

Всѣхъ насъ повезли къ скотному двору, въ которомъ мы должны были провести время до отхода шведскаго парохода, т.-е. съ 6-ти час. утра до 3-хъ час. дня. Сараи скотнаго двора были снабжены колодами для водопоя скота, небольшимъ количествомъ соломы и ни одного стула, ни одной скамейки. И вотъ тамъ расположилась многочислен-

ная толпа, человѣкъ около 300, въ числѣ которыхъ были кромѣ меня, русскаго, 7 человѣкъ литовцевъ, одинъ эстонецъ, 2 француза; остальные все были русскіе евреи, выселяемые изъ Кенигсберга. Въ 2 часа намъ разрѣшили перебраться, наконецъ, на пристань. Подошелъ шведскій пароходъ, и мы, уплативъ по шести марокъ за право переѣзда, наконецъ, перебрались подъ защиту гостепріимнаго шведскаго флага, перестали быть скотами, объектами всевозможныхъ издѣвательствъ и грубостей со стороны нѣмецкихъ солдатъ.

Мытарства плѣннаго.

Разсказъ доктора I. Г—на.

Уже носились слухи о скоромъ выступленіи Австріи противъ Сербіи, когда я выѣхалъ за границу, предполагая побывать въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Вильдунгенѣ. Подъѣзжая къ Варшавѣ, я узналъ, что Австрія вступила на территорію Сербіи и начала военныя дѣйствія.

15 іюля я былъ въ Берлинѣ и вечеромъ сталъ свидѣтелемъ грандіозныхъ манифестацій противъ войны. По Фридрихштрассе тянулась многотысячная толпа, сдерживаемая полицейскими нарядами и кричавшая: «долой войну!» «Да здравствуетъ культура и цивилизація!».

Эти манифестаціи еще больше укрѣпляли во мнѣ надежду, что и на этотъ разъ война будетъ локализована и не приметъ характера всемірнаго пожара.

Поэтому я 17 іюля, утромъ, выѣхалъ изъ Берлина въ Гамбургъ. Когда мои вещи были уже въ автомобилѣ, я встрѣтилъ у выхода отеля товарища д-ра Ц.

— Откуда вы?—спросилъ я изумленно.

— Изъ Россіи, сегодня утромъ. Тамъ все благополучно...

Только въ Гамбургѣ 18 іюля я впервые почувствовалъ ужасъ надвигающихся событій. Въ это время были объявлены военное положеніе и мобилизація.

Нѣмцы громко привѣтствовали другъ друга на улицахъ, и брань, и угрозы по адресу иностранцевъ постоянно висѣли въ воздухѣ.

Надо было скорѣе бѣжать къ семьѣ, находившейся въ Франценсбадѣ. Для объясненія по телеграфу уже не было времени, и я первымъ поѣздомъ отправился въ Франценсбадъ. Вслѣдствіе начавшейся мобилизаціи, движеніе поѣздовъ было неправильное, на всѣхъ вокзалахъ, въ особенности курортныхъ, все носило характеръ повальнаго паническаго бѣгства. Отовсюду бѣжали русскіе курсовые и туристы, направляясь, главнымъ образомъ, къ Берлину. Говорили, что въ этомъ году изъ Россіи было выдано больше 200 тыс. заграничныхъ паспартовъ.

Пересаживаясь съ одного поѣзда на другой, я 20 іюля пріѣхалъ въ Баварію, эту страну наиболѣе ярко окрашеннаго шовинизма. По пути безпрерывно тянулись воинскіе поѣзда.

Когда поѣздъ подъѣзжалъ къ Кобургу, въ купэ вошелъ толстый типичный баварецъ лѣтъ подъ 60 и зычнымъ голосомъ повелъ бесѣду съ моимъ сосѣдомъ, призваннымъ въ ландштурмъ (нашъ запасный).

— Куда ѣдете?—спросилъ онъ у запаснаго.

— Ѣду проститься съ родными—отвѣчалъ мой сосѣдъ.

— Какъ проститься?! Теперь ли время прощаться!—съ театральной аффектаціей ораторствовалъ фанатичный баварецъ.— У меня двое старшихъ сыновей уже ушли на службу, а вчера ушелъ третій, вотъ этотъ (изъ бокового кармана онъ вытащилъ фотографическую карточку). Онъ пришелъ ко мнѣ проститься. Чего пришелъ?—спросилъ я у него.

— Проститься съ тобой отецъ.

— Вонъ отсюда!—крикнулъ я ему.— Нѣтъ у тебя отца: есть одно лишь отечество, и за него ты долженъ умереть!..

— Развѣ теперь можетъ быть рѣчь о прощаніи? Стыдитесь!—укоризненно закончилъ грозный нѣмецъ съ густыми бровями, изъ-подъ которыхъ ярко сверкали глаза.

Я сидѣлъ рядомъ и сознавалъ ужасъ моего положенія въ этой атмосферѣ такъ быстро и неожиданно выросшей фанатичной національной вражды.

Въ Кобургѣ сошелъ баварецъ и сосѣди, и новая волна взволнованныхъ и по временамъ пьяныхъ людей вошла въ мой вагонъ.

Когда поѣздъ подошелъ къ станціи Неснмарктъ—Висбергъ, двери моего купэ раскрылись, и я увидѣлъ лейтенанта во главѣ шести вооруженныхъ солдатъ. Пассажиры указывали на меня пальцами, и лейтенантъ строго закричалъ:

— Предъявите вашъ паспортъ!

Я подалъ паспортъ.

Лейтенантъ быстро посмотрѣлъ въ него и снова закричалъ:

— Кто вы, признавайтесь?

— Я русскій врачъ,—отвѣтилъ я.

— Арестовать его!—скомандовалъ офицеръ, и меня немедленно схватили, свернули къ лопаткамъ руки и потащили. А вокругъ многотысячная толпа, простирая ко мнѣ руки, дико и неистово вопила: «разстрѣлять его, негодяя! Бить русскаго! Линчевать его, растоптать его, мерзавца!» и т. п.

Меня приволокли въ какое-то мрачное помѣщеніе. Я говорю: «я невиновенъ ни въ чемъ, пошлите депешу»...

— Не смѣть разсуждать!—закричалъ офицеръ,—никакихъ депешъ! Смотрите сюда!—крикнулъ офицеръ,—видите это?

Вижу: держитъ браунингъ. Ужасъ охватилъ меня.

— Не смѣйте шевельнуться,—иначе я васъ сейчасъ же застрѣлю.

Такъ подъ дуломъ браунинга онъ продержалъ меня минуту, которая показалась мнѣ вѣчностью!

— Отвести его!—скомандовалъ офицеръ, и меня снова поволокли куда-то подъ дикіе возгласы толпы.

Я чувствовалъ, какъ цѣплялись за мою одежду, и вокругъ снова крики: «разстрѣлять вѣшать русскихъ негодяевъ!».

Привели меня въ какую-то конуру шириною въ аршинъ и длиною въ три аршина и начали обыскивать, грубо покрикивая и угрожая убить при каждомъ неловкомъ движеніи. Меня раздѣли догола и въ карманѣ нашли склянку одеколона, по поводу котораго у нихъ возникъ споръ.

Впослѣдствіи ходили слухи, что германское правительство, желая

возбудить въ народѣ враждебное чувство къ русскимъ, разослало повсюду объявленія, въ которыхъ говорилось, что Германія наводнена русскими шпіонами, и поэтому публика должна содѣйствовать властямъ въ поимкѣ и обезвреживаніи этихъ вредныхъ элементовъ.

Къ этому еще распространили слухи, что русскіе бомбами взрываютъ нѣмецкіе мосты, что русскіе врачи отравляютъ источники и колодцы, что, переодѣваясь то въ монаховъ, то въ нищихъ, русскіе занимаются шпіонствомъ и т. д.

На каждаго русскаго смотрѣли какъ на шпіона и у каждаго искали бомбъ.

Послѣ обыска, не давшаго никакихъ результатовъ, отношеніе нѣмцевъ ко мнѣ стало мягче. Я попросилъ лейтенанта разрѣшить мнѣ послать семьѣ телеграмму. Онъ предложилъ составить телеграмму и отправилъ ее. Вниманіе офицера дошло до того, что онъ предложилъ мнѣ выйти изъ клѣтки и пройтись по платформѣ вокзала, но сейчасъ же добавилъ: «Но смотрите,—при малѣйшей попыткѣ бѣжать васъ застрѣлятъ».

Я остановился у входа въ клѣтку и жадно вдыхалъ свѣжій ночной воздухъ.

— Почему же вы не гуляете?—спросилъ офицеръ.

— Я боюсь, какъ бы солдатъ не принялъ моихъ движеній за побѣгъ и не застрѣлилъ меня.

— Какъ угодно,—сказалъ офицеръ.

Цѣлую ночь просидѣлъ я въ клѣткѣ, а когда начало свѣтать и показались люди, я притворился спящимъ, прислонившись къ стѣнѣ.

Къ рѣшетчатому окну безпрерывно подходили пробудившіеся люди и громко ругали меня самыми оскорбительными словами, а нѣкоторые плевали.

Наконецъ, въ 8 час. утра пришелъ станціонный жандармъ и приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Меня посадили въ вагонное купэ и въ сопровожденіи стражи отправили въ Кульмбахъ.

Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, тамъ уже собралась тысячная толпа, которая встрѣтила меня («русскаго шпіона») со свистомъ и

шиканьемъ и дикими возгласами, требовавшими моей немедленной смерти.

Привели въ окружное управленіе. Опять ожиданіе, и чиновники какъ бы невзначай читаютъ между собой въ сводѣ законовъ статью, по которой шпіонство карается заключеніемъ въ тюрьму на 20 лѣтъ или смертною казнью.

Послѣ снятаго съ меня окружнымъ начальникомъ допроса, мнѣ было объявлено, что я свободенъ, такъ какъ признанъ, внѣ всякихъ подозрѣній.

Окружной начальникъ сталъ извиняться и доказывать, что страна переполнена русскими шпіонами, и что приходится, фильтруя всѣхъ русскихъ, причинять непріятности невиннымъ.

Кончились мои офиціальныя мученія и вслѣдъ начались преслѣдованія со стороны «культурнаго» народа.

Когда я возвратился обратно на злосчастную станцію Неенмарктъ, меня стали снова преслѣдовать.

Одинъ нѣмецъ снова потребовалъ отъ властей моего ареста, но офицеръ, прочитавъ мое удостовѣреніе отъ кульмбахскаго начальства, тотчасъ же освободилъ меня. Тогда этотъ нѣмецъ заявилъ, что онъ все равно убьетъ меня, что русскихъ надо истреблять. Желая уйти отъ преслѣдователя, я пересадился съ одного поѣзда на другой, но онъ не оставлялъ меня. Онъ сталъ вооружать противъ меня пассажировъ, которые съ поднятыми кулаками и угрозами притиснули меня въ узкомъ проходѣ. Я сталъ взывать къ кондуктору, попеченію котораго передалъ меня лейтенантъ. Кондукторъ осмотрѣлъ мое свидѣтельство и показалъ его взволнованной публикѣ, но мой преслѣдователь не унимался.

Къ счастью, на поднявшійся шумъ вышелъ изъ сосѣдняго купэ какой-то громадный нѣмецъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, зычно сказалъ: «Прошу не возбуждать толпы, не возбуждать!» Мой агитаторъ сердито кинулъ ему: «Ну, такъ и цѣлуйтесь съ вашимъ русскимъ шпіономъ!», а я въ это время вошелъ въ купэ своего спасителя и разсказалъ ему свою грустную исторію.

Мой спаситель, видимо, былъ тронутъ моимъ разсказомъ.

На остановкѣ поѣзда я взялъ свой чемоданчикъ, чтобы пересѣсть на австрійскій поѣздъ, но какой-то офицеръ приказалъ опять арестовать меня. Однако, удостовѣреніе отъ кульмбахскаго начальства подѣйствовало, и я былъ освобожденъ.

Глубокою ночью я позвонилъ у отеля «Крейцъ» во Франценсбадѣ, и съ рыданіями обнималъ жену и дѣтей...

Во Франценсбадѣ начались томительные дни невольнаго пребыванія вдали отъ родины. Въ Австріи мы, русскіе, не испытывали тѣхъ жестокостей, которыя намъ пришлось пережить въ Германіи.

Содержательница отеля, въ которомъ я стоялъ, приходила на помощь русскимъ, предлагая въ кредитъ прекрасно меблированныя комнаты своего Soldener Brunnen и полный пансіонъ. При отъѣздѣ нѣкоторые заняли даже у нея на дорогу деньги.

Но находились и такіе, которые отказывали русскимъ и съ жадностью хищниковъ требовали въ залогъ разныя вещи.

Такъ, врачъ Штейнсбергъ настаивалъ на томъ, чтобы дамы отдавали австрійцамъ всѣ свои драгоцѣнности. А, между тѣмъ, этотъ врачъ всѣмъ существованіемъ своимъ обязанъ русскимъ паціентамъ.

Теперь разскажу о томъ, какъ поступили съ тѣми изъ курсовыхъ, возрастъ которыхъ былъ ниже 42 лѣтъ.

Ихъ пригласили въ участокъ и отправили въ близлежащую крѣпость Егеръ. Здѣсь ихъ бросили на солому (это курсовыхъ, которые пріѣхали покупаться въ углекислыхъ ваннахъ) и назначили солдатскія паекъ. Одинъ разсказывалъ мнѣ, что онъ думалъ по всѣмъ пріемамъ, что ихъ разстрѣляють, и что онъ пережилъ минуты ужаса, когда всѣхъ выставили въ рядъ, а напротивъ поставили шеренгу вооруженныхъ солдатъ; затѣмъ явился офицеръ и сталъ читать приговоръ, по которому они объявлялись военноплѣнными.

Среди этихъ военноплѣнныхъ оказался извѣстный журналистъ Дживелеговъ.

Мы, русскіе невольники Франценсбада, конечно, все время рвались на родину. Но намъ выѣзда не разрѣшали и, кромѣ того, всегда указывали, что румынская граница со стороны Россіи закрыта.

Тѣ русскіе, которые пытались бѣжать домой черезъ Германію, воз-

вращались обратно, разсказывая, какъ «культурные» нѣмцы вытаскивали русскихъ изъ кафе и ресторановъ, избивали и топтали ихъ на улицахъ, какъ разстрѣливали ихъ по одному лишь подозрѣнію, какъ выгоняли изъ квартиръ, отказывая въ пищѣ, какъ доктора и профессора выбрасывали на улицу оперированныхъ и вообще больныхъ изъ комнатъ и лѣчебницъ и т. п.

Однажды явилась къ бюргермейстеру какая-то комиссія и насъ всѣхъ, какъ барановъ, согнали къ участку, гдѣ подвергли допросу о намѣреніи выѣзда.

Мы ждали терпѣливо недѣлю, но никакого отвѣта не было.

Мы опять начали хлопотать о разрѣшеніи выѣхать и, наконецъ, отдѣльнымъ лицамъ стали выдавать проходныя свидѣтельства. Такъ, собралось человѣкъ полтораста, и мы уѣхали изъ опостылѣвшаго намъ Франценсбада.

Когда мы пріѣхали въ Вѣну, насъ всѣхъ снова задержали на вокзалѣ. Наконецъ, большинство уѣхало дальше, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Дживелеговъ, извѣстный еврейскій поэтъ Бяликъ и др., были снова задержаны и отправлены въ крѣпость.

Я остановился въ Вѣнѣ до вечерняго поѣзда въ гостиницѣ «Continental».

Вѣна какъ-то опустѣла, осунулась, обѣднѣла; больше видишь женщинъ, калѣкъ и стариковъ,—все здоровое, все молодое ушло въ бой.

Проходитъ еще одна томительная ночь поѣздки въ тѣсныхъ, неудобныхъ вагоновъ румынской желѣзной дороги, и мы, наконецъ, пріѣзжаемъ на русскую станцію «Унгени».

Здѣсь впервые мы дышимъ полною грудью, здѣсь мы чувствуемъ себя уже дома и, вспоминая всѣ пережитые ужасы, какъ бы возвращаемся къ жизни.

Плѣнъ и бѣгство.

Г. Г—къ, пробывшій десять дней въ плѣну у нѣмцевъ и бѣжавшій изъ плѣна, былъ въ Берлинѣ 18-го іюля, въ тотъ день, когда Вильгельмъ съ балкона своего дворца говорилъ берлинцамъ рѣчь о томъ, что его вынудили обнажить мечъ, но что онъ надѣется съ честью вложить его опять въ ножны. Г. Г—къ даже былъ въ толпѣ передъ дворцомъ. Уже на слѣдующее утро всегда чистенькій, заботливо подметенный Берлинъ былъ неузнаваемъ. Никто не думалъ о чистотѣ и порядкѣ; улицы—точно въ захолустномъ, запущенномъ городишкѣ.

Въ тотъ же день, утромъ, хотя война Россіи еще не была объявлена, у г. Г—ка отобрали въ гостиницѣ паспорты, а затѣмъ задержали и его самого отправили въ Шеттинъ. Присоединили его къ довольно большой компаніи арестованныхъ датчанъ, французовъ и англичанъ, въ которыхъ, повидимому, нѣмцы подозрѣвали шпіоновъ. Въ Штеттинѣ Г—ка присоединили къ большой, человѣкъ въ 600, партіи польскихъ рабочихъ, русскихъ резервистовъ, работавшихъ въ Пруссіи, и отправили въ Штральзундъ, противъ о. Рюгена, но затѣмъ повезли назадъ, въ деревушку Гримменъ.

Тамъ всю партію плѣнныхъ заперли въ громадный сарай-свинушникъ, на крышѣ котораго сушился табакъ. Полъ въ сараѣ былъ весь покрытъ навозомъ, пропитанъ грязною жидкостью до того, что плѣнные почти не рисковали присаживаться и по большей части стояли, иногда пробовали примоститься у стѣны на корточкахъ. И тотъ, кому удавалось постоять у стѣны и такъ поспать, уже почиталъ себя счастливымъ. Чтобы всѣ въ одинаковой мѣрѣ могли пользоваться этимъ исключительнымъ удобствомъ, плѣнные установили строгую очередь, при чемъ сигналомъ для смѣны одной партіи стоящихъ у стѣнки другой служила смѣна часовыхъ передъ свинушникомъ. У Г—ка отъ многодневнаго стоянія опухли ноги, почти перестали сгибаться.

Провелъ Г—къ въ этомъ свинушникѣ десять дней, съ 4-го по 14-е августа н. с. Въ первый день совсѣмъ не дали ѣсть, на второй

притащили въ свинушникъ объѣдки хлѣба и грязную воду, остатки солдатскаго стола. Хлѣба принесли такъ мало, что его пришлось раздать только старикамъ, также бывшихъ въ партіи. Это были по преимуществу русскіе евреи, забранные въ Цопотѣ, въ курортѣ, посѣщаемомъ почти исключительно бѣднотою. На третій день Г—къ за обручальное кольцо купилъ себѣ хлѣба и кружку воды. Съ пятаго дня плѣна стали все-таки кормить, при чемъ угощали почти исключительно остатками и объѣдками съ солдатскаго стола. Въ одинъ изъ дней Г—къ добылъ себѣ ѣды за часы, потомъ сталъ рвать золотую цѣпочку и ея кусками платить за сколько-нибудь сносную пищу.

Караулъ у свинушника былъ человѣкъ изъ 20—30-ти, при чемъ стража во внутрь свинушника входить опасалась въ виду многочисленности плѣнныхъ, даже пищу не вносила туда, только боязливо просовывала черезъ ворота. Черезъ день появлялся нѣмецкій лейтенантъ съ моноклемъ и въ корсетѣ и производилъ съ весьма гордымъ и самодовольнымъ видомъ перекличку, при чемъ плѣнные поодиночкѣ выходили на кличъ за ворота и, рискуя въ случаѣ ослушанія получить ударъ прикладомъ, рапортовали по-нѣмецки.

14-го августа стали среди плѣнныхъ упорно говорить, что на слѣдующій день ихъ погонятъ на земляныя работы для окоповъ Штеттина. Перспектива работать во вредъ русскому войску была слишкомъ мрачна. Г. и еще нѣкоторые рѣшили бѣжать. На ихъ счастье, караулили ихъ ландверцы, все — поляки изъ нѣмецкихъ пограничныхъ съ Россіей деревень. Начались переговоры, и поляки очень охотно согласились выпустить желающихъ бѣжать, при чемъ сдѣлали это совершенно безкорыстно, такъ какъ у собравшихся бѣжать ничего не было: ни денегъ, ни сколько-нибудь драгоцѣнныхъ вещей.

Въ ночь съ 14-го на 15-е Г—къ и еще двое,—полякъ изъ Варшавы и уже пожилой еврей изъ Лодзи, — ушли, прошли 30 километровъ пѣшкомъ, до Штральзунда, на берегу моря. Г—къ ушелъ безъ шапки. По дорогѣ встрѣтилась старуха-нѣмка, онъ выдалъ ей себя за нѣмца-резервиста, идущаго въ свою часть, и она дала ему мѣховую шапку. Въ Штральзундѣ счастливые бѣглецы прошли прямо на пристань датскаго парохода, до его отхода прятались за ящиками, въ послѣдній моментъ, когда уже собирались снимать сходни, вбѣжали на пароходъ.

Вдогонку имъ раздался нѣмецкій выстрѣлъ. Они были уже въ безопасности. Пріѣхали на Рюгенъ. Тамъ, въ Засницѣ, застали громадное количество русскихъ. Цѣлая толпа ихъ живетъ подъ открытымъ небомъ въ ожиданіи денегъ, чтобы тронуться домой, въ Россію. Отъ Даніи путь былъ уже безопасенъ.

Между прочимъ, г. Г—къ разсказываетъ, что въ грименскомъ свинушникѣ двое плѣнныхъ сошли съ ума. Одинъ старикъ принималъ всѣхъ плѣнныхъ за лейтенантовъ, становился передъ ними на колѣни и, обливаясь слезами, среди рыданій умолялъ пощадить его и его сына, не убивать...

— Больше уже никогда нога моя не будетъ въ Германіи, благодарю покорно,—закончилъ свой разсказъ г. Г—къ, до этого времени часто ѣздившій туда и охотно жившій тамъ подолгу.

Десять дней въ нѣмецкой военной тюрьмѣ.

Война захватила въ Германіи полтавскаго помѣщика, гласнаго кременчугскаго земства, В. Л. Богушевскаго.

Г. Богушевскій—отставной офицеръ. Въ его заграничномъ паспортѣ была отмѣтка:

— Отставной штабсъ-капитанъ.

Это послужило поводомъ къ аресту. Г. Богушевскаго посадили въ бреславльскую военную тюрьму и продержали тамъ 10 дней.

Затѣмъ г. Богушевскому объявили, что по своимъ лѣтамъ онъ не можетъ считаться военноплѣннымъ, и поэтому ему предлагають въ теченіе 48-ми часовъ выѣхать изъ Германіи, если онъ не хочетъ быть арестованнымъ вновь.

Въ Бреславль В. Л. Богушевскій пріѣхалъ, возвращаясь въ Россію съ одного изъ австрійскихъ курортовъ.

На бреславльскомъ вокзалѣ ѣхавшій вмѣстѣ съ г. Богушевскимъ

знакомый отправился брать билеты. Но едва онъ спросилъ два билета до Калиша, какъ кассиръ сдѣлалъ знакъ рукой.

Подошли полицейскіе и арестовали знакомаго В. Л. Богушевскаго.

Вслѣдъ за этимъ полицейскіе подошли и къ В. Л. Богушевскому и заявили:

— Вы арестованы.

Одновременно на вокзалѣ было арестовано еще нѣсколько русскихъ.

Съ вокзала г. Богушевскаго вмѣстѣ съ товарищами по несчастью доставили въ тюремной каретѣ въ бреславльскую военную тюрьму.

Во дворѣ тюрьмы г. Богушевскій замѣтилъ въ толпѣ арестованныхъ инспектора оркестра Кусевицкаго г. Табакова.

Г. Табаковъ обратился къ начальнику тюрьмы съ просьбой не сажать его въ одиночную камеру. Тотъ поднялъ кулакъ и злобно крикнулъ:

— Въ карцеръ!..

Русскихъ стали распредѣлять по камерамъ.

Г. Богушевскаго вмѣстѣ съ одиннадцатью другими русскими посадили въ камеру, гдѣ было шесть коекъ.

При этомъ тюремный надзиратель объяснилъ, что тюрьма переполнена до послѣднихъ предѣловъ.

— Однихъ русскихъ сидитъ 3,000 человѣкъ, — добавилъ надзиратель.

Вмѣстѣ съ г. Богушевскимъ оказались: г. Табаковъ, который едва не угодилъ въ карцеръ, профессоръ Клоповскій, сынъ полковника Кваръ, раввинъ изъ Кишинева Мерельсонъ, польскій скрипачъ Барцевичъ и нѣсколько евреевъ, фамиліи которыхъ г. Богушевскій не помнитъ.

Тюремный надзиратель отобралъ у арестованныхъ спички и папиросы.

Началась однообразная тюремная жизнь.

Режимъ былъ таковъ:

Въ 5 час. утра приходилъ надзиратель и кричалъ:

— Вставать, умываться!..

Заключенныхъ выводили въ коридоръ, гдѣ тянулись длинными рядами умывальники.

Послѣ умыванья подавали черный кофе безъ сахара и кусокъ хлѣба.

Съ 8-ми час. утра до полудня выпускали на прогулку, при чемъ собираться группами и бесѣдовать не разрѣшалось.

Въ часъ дня давали обѣдъ изъ одного блюда. Обычно картофельный супъ или чечевичную похлебку безъ мяса.

Послѣ обѣда снова выпускали на прогулку до 4-хъ часовъ дня.

Въ 4 часа ежедневно подавался бѣлый супъ, похожій на клейстеръ. Этого супа никто не ѣлъ.

Въ 6 час. вечера давали кофе съ кускомъ хлѣба, затѣмъ стража запирала всѣ камеры до 5-ти час. утра.

Камеры убирали сами заключенные. Между прочимъ, они по очереди должны были выносить традиціонную «парашу».

На четвертый день заключенія къ русскимъ допустили разносчика, который торговалъ бутербродами, сельтерской водой и папиросами.

Разрѣшили курить.

Во время заключенія въ тюрьмѣ мучительно было проводить ночи съ открытыми окнами, которыя заключенные сами не могли закрыть. Окна были устроены такъ, что во время дождя капли попадали на спящихъ.

Вмѣстѣ съ г. Богушевскимъ сидѣлъ одинъ старый еврей, арестованный на нѣмецкомъ курортѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ язвы въ желудкѣ.

Еврей этотъ не могъ ничего ѣсть и сильно страдалъ.

Заключенные потребовали, чтобы былъ приглашенъ врачъ.

На слѣдующій день пришелъ тюремный врачъ, ощупалъ у больного пульсъ и заявилъ:

— Къ сожалѣнію, я безсиленъ помочь. Всѣ медикаменты взяты на войну...

На шестой или седьмой день заключенія русскимъ объявили, что 300 человѣкъ могутъ отправляться на родину.

Конечно, бросились всѣ.

Потомъ кое-какъ намѣтили между собою 300 счастливцевъ.

Русскихъ окружили конвоемъ и повели по городу. На улицахъ стояли толпы народа. Нѣмцы потрясали палками, выкрикивая ругательства по адресу русскихъ.

Когда прошли черезъ весь городъ, раздалась команда:

— Назадъ!..

Русскимъ объяснили, что вышло недоразумѣніе.

Въ данный моментъ нѣтъ поѣздовъ.

Послѣ узнали, что нѣмцы просто хотѣли устроить безплатный спектакль жителямъ Бреславля.

На десятый день пріѣхалъ офицеръ съ какими-то списками. Изъ камеры выгнали г. Богушевскаго, профессора Клоповскаго, раввина Мерельсона и Барцевича.

Имъ объявили, что они свободны и должны въ тотъ же день выѣхать на Калишъ.

Когда пріѣхали въ Калишъ, комендантъ-нѣмецъ приказалъ отправляться въ Острово.

А островскій комендантъ «дружески» посовѣтовалъ:

— Уѣзжайте обратно въ Бреславль. Иначе придется испытать много непріятностей.

Г. Богушевскій вернулся въ Бреславль и узналъ здѣсь, что русскихъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ, гоняютъ на принудительныя работы — рыть валы вокругъ Бреславля.

На бреславльскомъ вокзалѣ г. Богушевскій увидѣлъ товарный поѣздъ съ 700 русскими. Ему сказали, что этотъ поѣздъ отправляется въ Россію.

Г. Богушевскій присоединился къ соотечественникамъ и 4-го августа прибылъ въ пограничную деревушку Вильгельмсгофъ.

Отсюда на лошадяхъ онъ добрался до Скерневицъ.

Возвратившіеся.

Въ концѣ іюля вернулась на родину первая партія русскихъ, бывшихъ въ нѣмецкомъ плѣну.

Съ разрѣшенія нѣмецкихъ властей, они покидали массами Берлинъ и другіе города Германіи, гдѣ были задержаны съ момента объявленія войны.

Одинъ изъ освобожденныхъ, присяжный биржевой маклеръ московской биржи А. М. Мейеръ, разсказалъ о пребываніи своемъ въ дни войны въ Германіи слѣдующее:

— Я пріѣхалъ въ Берлинъ изъ Интерлакена вечеромъ 20-го іюля.

Вокзалы Берлина были окружены возбужденной толпой, которая ожидала прибытія русскихъ съ курортовъ.

Многихъ русскихъ били.

При мнѣ на Ангальтскомъ вокзалѣ былъ избитъ русскій священникъ.

Многіе русскіе, ѣхавшіе съ курортовъ въ Берлинъ, по дорогѣ арестовывались. Сопротивлявшихся били.

Такъ, напримѣръ, возвращавшійся изъ Наугейма московскій фабрикантъ г. Вишнякъ вмѣстѣ съ женою былъ высаженъ изъ вагона на одной изъ промежуточныхъ станцій.

Гг. Вишнякъ было запрещено дотрогиваться до ихъ собственнаго багажа подъ угрозой разстрѣла.

Г-жа Вишнякъ «за ослушаніе» была избита на глазахъ мужа.

Но такъ какъ формальнаго приказа коменданта Берлина о задержаніи русскихъ не было, то въ теченіе первыхъ дней мобилизаціи многіе наши соотечественники пытались выбраться изъ Германіи.

Нѣкоторымъ это удалось, другіе же были задержаны въ Ростокѣ и объявлены на положеніи плѣнныхъ.

Среди этихъ послѣднихъ много москвичей, въ томъ числѣ профессора Гольдштейнъ, Викторовъ, приватъ-доцентъ Моргуліесъ и

директоръ московскаго отдѣленія петроградскаго международнаго банка Форштрегеръ.

Насъ, оставшихся въ Берлинѣ, на 9-й день мобилизаціи обязали жить въ Берлинѣ, не мѣнять адреса впредь до особаго распоряженія и являться каждые три дня въ полицію на повѣрку.

Эти правила распространялись на лицъ, достигшихъ 45-лѣтняго возраста.

Молодые же люди просто-напросто арестовывались и доставлялись коменданту Берлина, который распредѣлялъ ихъ по мѣстамъ заключенія.

Большинство задержанныхъ русскихъ было направлено въ мѣстечко Деберицъ, въ 20-ти верстахъ отъ Берлина.

Тамъ, въ деревянныхъ военныхъ баракахъ, содержалось на арестантскомъ пайкѣ не менѣе 2,000 русскихъ.

Впрочемъ, въ Деберицѣ жить было еще сносно. Обращались съ плѣнными относительно вѣжливо. Всѣмъ было предоставлено право прогулки на плацу между бараками. Имѣвшіе деньги могли покупать продукты у маркитантовъ.

Зато попавшимъ не въ Деберицъ, а въ германскія тюрьмы пришлось совсѣмъ плохо.

Особенно жестоко обращались съ русскими плѣнниками въ каторжной тюрьмѣ Моабитъ.

Здѣсь съ ними разговаривали на «ты».

Спать приходилось на нарахъ, при чемъ днемъ ложиться не давали.

Заключеннымъ приходилось выносить «параши».

Гулять пускали черезъ день.

Заключенныхъ въ тюрьмахъ провоцировали шуцманы, вызывавшіе русскихъ на рѣзкости своими дерзостями.

«Провинившихся» русскихъ сажали въ карцеры.

Словомъ, измывались всячески.

Однажды, утромъ, одному изъ заключенныхъ, петроградцу-инженеру, полицейскіе приказали вынести изъ камеръ рядъ «парашъ». «Параши» были въ ужасномъ состояніи, и принужденный переносить ихъ инженеръ хотѣлъ обмотать себѣ руки носовыми платками.

Сдѣлать это ему не позволили.

— Русская собака, — закричалъ надсмотрщикъ, — не смѣй закрывать руки платкомъ!

Заключеннымъ давали умываться, но полотенецъ не полагалось.

— Утирайтесь нижнимъ бѣльемъ, — предлагали надсмотрщики.

Нѣкоторые русскіе не выдержали и объявили голодовку.

Это подѣйствовало.

Нѣмцы выпустили нѣкоторыхъ голодавшихъ изъ Моабита.

Первые дни послѣ объявленія войны русскимъ было опасно показываться на улицахъ Берлина.

Чернь, подстрекаемая печатью, безчинствовала. Встрѣчныхъ русскихъ били. Отели съ русскими названіями громили.

Во всякомъ русскомъ видѣли шпіона.

Печать поддерживала эти вздорныя подозрѣнія и всячески возбуждала берлинцевъ. Такъ, напримѣръ, въ «Berl Tag.» была напечатана провокаціонная замѣтка, будто русскія бомбистки пытались взорвать какой-то мостъ.

Замѣтка заканчивалась призывомъ «неустанно слѣдить за русскими шпіонами».

Такъ тянулось нѣсколько дней.

Но вотъ въ Берлинѣ узнали объ объявленіи войны Великобританіей.

Вся ненависть толпы перенеслась на англичанъ.

Русскіе на о. Рюгенѣ.

Разсказъ г. Алексѣева.

Шведско-русскій комитетъ избралъ особую комиссію для поѣздки на о. Рюгенъ, съ цѣлью облегчить матеріальное положеніе находившихся тамъ русскихъ плѣнныхъ.

Въ числѣ членовъ комиссіи были, между прочимъ, бывшій швед-

скій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Ставъ и извѣстный шведскій путешественникъ г. Свенъ Геддинъ.

Вмѣстѣ съ комиссіей хотѣли ѣхать г. Алексѣевъ и еще нѣсколько русскихъ.

Нѣмцы категорически отказались допустить на о. Рюгенъ входившихъ въ составъ комиссіи русскихъ.

Тогда г. Алексѣевъ явился на о. Рюгенъ подъ фамиліей одного своего знакомаго шведа.

— Подъѣзжая къ острову Рюгену, — разсказываетъ Алексѣевъ, — мы были поражены раскрывшейся передъ нашими глазами картиной.

На морскомъ пляжѣ курорта Засницъ, приблизительно на протяженіи четырехъ верстъ, были раскинуты палатки.

Здѣсь ютилось около 20,000 русскихъ плѣнныхъ.

Здѣсь были русскіе рабочіе; были русскіе студенты, учившіеся въ германскихъ университетахъ; были, наконецъ, съѣхавшіеся до войны на германскіе курорты больные изъ Россіи и русскіе путешественники.

Нѣкоторыхъ русскихъ, неспособныхъ, по словамъ нѣмцевъ, носить оружіе и работать, военныя власти острова «отпустили».

Нѣмецкіе солдаты штыками и ружейными прикладами загнали ихъ съ пляжа на грузовые пароходы и отправили въ Мальме.

Всѣ остальные русскіе были задержаны на островѣ, въ томъ числѣ женщины и дѣти, очевидно, по мнѣнію нѣмцевъ, «способныя носить оружіе».

Часть русскихъ, въ возрастѣ отъ 18-ти до 47-ми лѣтъ, была позже размѣщена по тюрьмамъ Германіи.

Оставленныхъ на островѣ Рюгенѣ нѣмцы заставили, между прочимъ, работать надъ осушеніемъ болотъ, обѣщавъ заплатить за это по одной маркѣ въ день на человѣка.

По истеченіи недѣли русскіе отправили къ военнымъ властямъ острова депутацію съ предложеніемъ уплатить обѣщанное.

Всѣ депутаты были разстрѣляны.

А принимавшимъ участіе въ осушеніи болотъ русскимъ рабочимъ было объявлено, что ихъ скоро отправятъ на принудительныя работы въ районъ дѣйствующей арміи.

Въ этомъ объявленіи новымъ для русскихъ рабочихъ было только одно:

— Районъ дѣйствующей арміи.

Что же касается принудительныхъ работъ, то ими на островѣ Рюгенѣ заняты были всѣ живущіе тамъ русскіе.

Жили русскіе на островѣ Рюгенѣ въ палаткахъ, дощатыхъ шалашахъ и даже въ землянкахъ.

За малѣйшее возраженіе нѣмецкіе солдаты безпощадно разстрѣливали русскихъ.

Обращеніе нѣмцевъ съ русскими женщинами варварское.

Раздавъ русскимъ плѣннымъ на о. Рюгенѣ нѣсколько тысячъ кронъ, шведско-русская комиссія вернулась въ Стокгольмъ.

Застигнутые врасплохъ.

Разсказъ артиста Имп. театровъ М. Н. Каракаша.

...Война застигла меня и жену мою врасплохъ въ Мюнхенѣ, и мы отправились въ Берлинъ въ надеждѣ пробраться въ Петроградъ.

Въ Берлинъ мы прибыли на второй день войны, утромъ. Не зная Берлина, я очень плохо оріентировался и рѣшилъ обратиться съ вопросомъ, гдѣ помѣщается наше посольство, къ первому попавшемуся полицейскому. Онъ любезно отвѣтилъ, что самъ доведетъ меня. Вскорѣ я очутился въ полицейскомъ участкѣ. Тутъ меня допрашивали и по окончаніи этой процедуры я въ сопровожденіи полицейскаго агента былъ отправленъ въ военную тюрьму. Меня ввели въ огромный дворъ, гдѣ я встрѣтилъ очень много русскихъ. Мы стояли въ полномъ невѣдѣніи, что съ нами будетъ. На всѣ вопросы находившіеся тутъ тюремные сторожа отвѣчали крайне грубо. Атмосфера сразу создалась весьма тяжелая, и всѣ мы чувствовали, что намъ грозитъ большая опасность. Я совершенно не отдавалъ себѣ отчета, что со мной слу-

чилось, и въ глубокомъ отчаянiи думалъ о женѣ, которая осталась въ отелѣ въ полномъ невѣдѣнiи. Въ этотъ моментъ изъ окна изъ-за желѣзной рѣшетки къ моимъ ногамъ упалъ какой-то предметъ. Я нагнулся и увидалъ гребешокъ, на которомъ булавкой была сдѣлана слѣдующая надпись на русскомъ языкѣ: «Я авiаторъ Илья Воробьевъ изъ Полтавы. Передайте Россiи и всѣмъ близкимъ, что завтра въ шесть часовъ утра меня разстрѣляютъ». Когда я съ трудомъ разобралъ эту надпись, голова у меня закружилась и я сдержалъ себя, чтобы не закричать на весь этотъ дворъ, въ которомъ вѣяло средневѣковымъ ужасомъ... Насъ допрашивали по очереди въ грубой, циничной формѣ. Мы могли только отвѣчать на вопросы и никакiя возраженiя не допускались...

Такъ прошли томительные часы, казавшiеся вѣчностью. По окончанiи допроса полицейскiе скомандовали слѣдовать за ними. Насъ вывели на улицу. Тутъ у тюрьмы стояла тысячная толпа, и, увидавъ русскихъ, она закричала, загикала. Нѣмцы стремились прорвать полицейскую цѣпь. На насъ плевали. Показывали кулаки. Въ концѣ-концовъ, дикая толпа прорвалась и многихъ били. Мы шли въ полномъ отчаянiи по улицамъ Берлина, и полицейскiе едва справлялись съ дикой, озвѣрѣвшей ордой. Мы удалялись постепенно отъ центральныхъ улицъ и, наконецъ, доплелись до какого-то большого зданiя, которое по виду говорило за себя. Это была тюрьма. Насъ встрѣтили тюремщики и выстроили по парамъ. Одинъ изъ надзирателей прокричалъ: «Стоять спокойно. Иначе будемъ стрѣлять. Для острастки,—командовалъ надзиратель, — взять двухъ изъ нихъ и показать имъ поподробнѣе нашу тюрьму».

Двоихъ изъ насъ, стоящихъ впереди, куда-то увели, при чемъ тюремщики нагло хохотали и шутили надъ несчастными, которыхъ, какъ потомъ я узналъ, поволокли въ подвалъ и жестоко избили палками, при чемъ одного ранили въ голову, а другому сломали руку.

Послѣ допроса, который производился еще въ болѣе грубой формѣ, насъ ввели въ длинный коридоръ и тутъ подвергли самымъ унизительнымъ обыскамъ, заставивъ насъ раздѣться до-гола. Затѣмъ отъ насъ отобрали всѣ документы и деньги. Тюремщики размѣстили насъ

по камерамъ-клѣткамъ. На полу была солома и стоялъ кувшинъ съ водой. Я изнемогалъ отъ усталости. До меня доходилъ постоянный стукъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, и я сталъ смотрѣть въ крошечное окно черезъ желѣзную рѣшетку. Вскорѣ я увидалъ вагоны, переполненные солдатами. Ихъ отправляли противъ моей родины. Я горько расплакался. Поздно вечеромъ я услыхалъ нѣсколько нерѣшительныхъ словъ, сказанныхъ по-русски. Это былъ мой сосѣдъ. Прошла ужасная ночь. На завтра рано утромъ въ камеру вошелъ незнакомецъ и подалъ кофе. Оказалось, что намъ прислуживаютъ уголовные преступники. Затѣмъ насъ повели на прогулку. Мы ходили по двору гуськомъ, и надъ нами всячески издѣвались. Явился надзиратель и выстроилъ всѣхъ насъ: «Учитесь снимать шляпы,—скомандовалъ онъ,—можетъ явиться инспекторъ». Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ подъ громкій хохотъ и наглыя замѣчанія нѣмцевъ мы снимали и надѣвали шляпы.

Послѣ этого обученія намъ заявили, что мы покинемъ тюрьму, и дѣйствительно насъ повезли на пароходѣ до крѣпости Шпандау, откуда безостановочно насъ гнали форсированнымъ маршемъ. Среди насъ было много стариковъ и больныхъ, и мы ихъ несли на своихъ плечахъ. Измученные мы добрались до военнаго лагеря Дербица. Тутъ насъ размѣстили по баракамъ. Арестованныхъ было не менѣе 3 тыс. человѣкъ, при чемъ тутъ находились не только русскіе, но французы и англичане. Обращеніе съ нами было нѣсколько лучше, особенно со стороны солдатъ. Много было русскихъ рабочихъ, которыхъ съ утра отправляли работать на поля. Мы вставали по командѣ въ 6 часовъ утра, сами себѣ мыли бѣлье и дѣлали всю грязную работу. Черезъ четыре дня явилась комиссія, которая освободила очень многихъ, особенно поляковъ. Затѣмъ эта комиссія смѣнилась военной, во главѣ которой находился нѣкій фонъ-Клейновъ, который, по его словамъ, жилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Россіи. Онъ довольно хорошо говорилъ по-русски. Клейновъ чинилъ допросы каждому въ отдѣльности и облекалъ ихъ въ весьма таинственную форму. Онъ, между прочимъ, спрашивалъ, къ какой политической партіи принадлежитъ данное лицо, интересовался—принималъ ли задержанный участіе въ революціонномъ движеніи и какъ онъ смотритъ на настоящую войну, въ смыслѣ ея конечнаго резуль-

тата. Мнѣ лично, впрочемъ, этотъ Клейновъ такихъ вопросовъ не задавалъ; узнавъ, что я артистъ Императорскихъ театровъ, онъ предложилъ меня устроить на берлинскую сцену, за что я его поблагодарилъ, замѣтивъ, что мечтаю лишь объ одномъ, какъ можно скорѣе вырваться на родину.

Я былъ въ отчаяніи, не имѣя первые дни извѣстій о моей женѣ, которой, однако, мнѣ удалось при помощи одного полицейскаго, взявшаго съ меня взятку, препроводить письмо съ указаніемъ мѣста, гдѣ я нахожусь. Послѣ тяжелыхъ испытаній всѣхъ насъ выпустили изъ Дербица.

Супруга М. Н., артистка Имп. оперы Попова-Каракашъ, немало переволновалась, пока къ ней въ отель явился полицейскій агентъ, сообщившій о томъ, что ея мужъ въ качествѣ военноплѣннаго находится въ Дербицѣ.

Несчастная женщина въ теченіе двухъ дней разыскивала по всѣмъ берлинскимъ тюрьмамъ своего мужа, встрѣчая повсюду самое грубое и наглое отношеніе.

На одной изъ улицъ Берлина г-жу Попову-Каракашъ приняли за француженку и кто-то кулакомъ ударилъ ее въ спину.

Послѣ того, какъ она узнала о мѣстѣ пребыванія своего мужа, она поспѣшила въ Дербицъ и путь отъ Берлина до военнаго лагеря ей пришлось совершить въ купе съ 15 германцами-резервистами. Нетрудно себѣ представить тотъ страхъ и ужасъ, которые пережила молодая артистка.

Послѣдующія поѣздки въ Дербицъ представляли собою многострадальное паломничество русскихъ женщинъ, которыя пріѣзжали въ военный лагерь для свиданій со своими близкими, при чемъ нѣмцы не разрѣшили, чтобы эти свиданія продолжались болѣе 15 минутъ.

Подъ германскимъ конвоемъ.

Разсказъ А. А. Лапухиной.

Возвратившейся изъ Германіи дочери А. А. Лопухина, вмѣстѣ съ теченіе шести дней совершать невольную экскурсію по восточной ея родственницей пришлось подъ конвоемъ нѣмецкихъ солдатъ въ Германіи.

Онѣ выѣхали изъ Базеля въ Берлинъ 19-го іюля; въ Берлинѣ изъ газетъ онѣ узнали, что до Эйдкунена поѣзда будутъ отправляться до 12-ти часовъ дня понедѣльника, 21-го іюля. Однако, въ справедливости этого сообщенія пришлось скоро разочароваться. Въ Гумбиненѣ поѣздъ, въ которомъ онѣ ѣхали, поставили въ тупикъ, а ночью по вагонамъ прошли офицеры и объявили, что русскіе арестованы.

Изъ Гумбинена русскихъ отправили въ Кенигсбергъ. Тамъ съ вокзала подъ конвоемъ солдатъ ихъ повели пѣшкомъ въ замокъ, отстоящій отъ вокзала въ трехъ верстахъ. Въ толпѣ арестованныхъ было немало дѣтей и старыхъ женщинъ. Въ замкѣ ихъ продержали съ 11-ти ч. вечера до 4-хъ часовъ утра подъ открытымъ небомъ во дворѣ; имъ все время пришлось стоять. Часть арестованныхъ въ это время переписывали. Изъ замка ихъ снова отправили на станцію. Во время шествія по улицамъ Кенигсберга толпа сопровождала ихъ, осыпая бранью и стараясь прорваться черезъ конвой. Одному удалось прорваться и нанести ударъ палкою одному изъ русскихъ.

Изъ Кенигсберга русскихъ отправили въ вагонахъ 4-го класса въ Бромбергъ, гдѣ ихъ размѣстили въ школѣ. Школа эта окружена рѣшеткой, и вотъ за этой рѣшеткой все время толпились обыватели, которые, однако, здѣсь были настроены болѣе добродушно. У нихъ русскіе покупали съѣстные припасы. Надо замѣтить, что арестованныхъ русскихъ не кормили; кажется, только разъ накормили за недѣльное путешествіе; на станціяхъ отказывались давать русскимъ ѣду. По-

этому русскимъ приходилось самимъ изыскивать способы къ утоленію голода тамъ, гдѣ было возможно, какъ, напр., въ Бромбергѣ.

Въ Бромбергѣ русскихъ разбудили-было ночью, чтобы отправить дальше, но затѣмъ раздумали, и русскіе снова улеглись. Черезъ нѣкоторое время ихъ посадили въ поѣздъ и отправили на Штеттинъ и далѣе до конечной на сѣверѣ германской желѣзнодорожной станціи; отъ послѣдней пришлось пройти пѣшкомъ до парома, на которомъ перевезли на небольшой островокъ; съ этого островка вскорѣ переправили на островъ Рюгенъ, въ сѣверную часть его. Тамъ русскихъ забралъ шведскій пароходъ и доставилъ въ Швецію.

Русскіе служили во время этой подневольной экскурсіи какъ бы возбудителями воинственнаго духа нѣмецкой толпы и солдатъ.

Въ одномъ мѣстѣ, указывая на задержанныхъ русскихъ, нѣмцы говорили, что это—дезертиры, бѣжавшіе отъ русской революціи, охватившей Россію. Въ другомъ мѣстѣ утверждали, что передъ нѣмцами—русскіе, захваченные въ плѣнъ послѣ боевъ въ пограничныхъ русскихъ областяхъ; при этомъ интересно то, что слухи эти распространялись нѣмецкими солдатами, которые конвоировали съ момента ареста русскихъ и, значитъ, знали, что русскіе ѣхали изъ Берлина. Повидимому, въ этомъ направленіи были даны солдатамъ какія-то указанія.

Сообщеніе о плѣнныхъ вызвало у одного изъ нѣмцевъ, бывшихъ въ толпѣ, недоумѣнный вопросъ:

— Но почему же среди нихъ женщины?

Въ одномъ мѣстѣ про русскихъ распространили даже слухи, что ведутъ не простыхъ плѣнныхъ, а плѣнныхъ казаковъ. Комендантъ одной нѣмецкой станціи, встрѣтившій поѣздъ, удивился, когда увидѣлъ толпу русскихъ, и спросилъ:

— А гдѣ же казаки?

Особенно непріятно было находиться въ рукахъ нѣмцевъ въ первые два дня, когда среди солдатъ много было пьяныхъ. Потомъ запретили продажу спиртныхъ напитковъ.

Иногда солдаты примѣрно прицѣливались въ арестованныхъ русскихъ; но офицеры были еще не любезнѣе. На всѣ вопросы они отвѣчали незнаніемъ. Когда въ отвѣтъ на грубое обращеніе одного офице-

ра кто-то изъ русскихъ отвѣтилъ молчаливымъ угрожающимъ жестомъ, то его заставили простоять нѣсколько часовъ подъ надзоромъ солдатъ отдѣльно отъ остальныхъ русскихъ.

Съ нѣкоторымъ сочувствіемъ относились къ русскимъ лишь польскіе солдаты; но зато они безнадежнѣе смотрѣли на положеніе русскихъ и говорили, что ихъ или разстрѣляютъ, или отправятъ на фортификаціонныя работы.

Эти польскіе солдаты вскорѣ, какъ они сами объ этомъ говорили, были отправлены на французскую границу.

Довольно мрачно смотрѣли нѣмецкіе солдаты и на свое положеніе. Когда русскіе жаловались, что ихъ держатъ въ Германіи, то солдаты отвѣчали:

— Вамъ-то что, васъ задержатъ, да и только, а вотъ насъ всѣхъ теперь перебьютъ.

Особенно рѣзко понизилось настроеніе у нѣмецкихъ солдатъ, когда стало извѣстно, что Англія, объявила войну. Солдаты стали говорить, что имъ теперь ѣсть нечего будетъ. Интересно то, что нѣмецкіе солдаты признавались русскимъ, что уже теперь они получаютъ лишь половинныя порціи.

Но населеніе все же съ энтузіазмомъ провожало войска, украшало вагоны цвѣтами и зеленью; на нѣкоторыхъ вагонахъ виднѣлись надписи: «Nach Peterburg», «Nach Paris» и т. д., а солдаты передъ разставаніемъ съ арестованными русскими высказывали предположеніе, что они, можетъ быть, увидятся съ ними въ Петербургѣ.

Грубое отношеніе къ русскимъ, задержаннымъ въ Германіи, вызвано, повидимому, какъ рѣчью императора Вильгельма съ балкона въ день объявленія войны, такъ и поведеніемъ нѣмецкой печати. О рѣчи Вильгельма вотъ что говорили русскимъ нѣмцы: въ ней были рѣзкіе личные выпады, и когда одна газета напечатала ее полностью, то ее закрыли. Говорятъ, Вильгельмъ между прочимъ сказалъ, что Германія наводнена шпіонами, и выразилъ надежду, что жители будутъ сами бороться съ ними. Стали говорить и писать въ газетахъ, что въ Россіи на улицахъ убиваютъ нѣмцевъ. Въ газетахъ жителямъ пред-

лагалось лично доносить кому слѣдуетъ о русскихъ, проживающихъ въ Германіи.

Когда въ Гумбиненѣ арестовали русскихъ, ихъ было небольшое количество, но затѣмъ понемногу въ Кенигсбергѣ, Бромбергѣ и другихъ мѣстахъ присоединились новыя партіи, и къ концу пребыванія въ Германіи количество задержанныхъ русскихъ возросло до 600. Среди этой партіи было до 80-ти русскихъ рабочихъ съ семьями. Понемногу незамѣтно во время пути уводились небольшими группами рабочіе; какъ потомъ разсказывали, ихъ увели на работу, оторвавъ отъ семей.

Въ результатѣ мытарствъ этой партіи русскихъ одинъ застрѣлился, а двое сошли съ ума.

Наши плѣнные солдаты въ Германіи.

Корреспондентъ датской газеты «Politiken» посѣтилъ нашихъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ нѣмецкомъ городѣ Котбусѣ.

Гор. Котбусъ (Cottbus) насчитываетъ около 50.000 жителей. Расположенъ онъ въ южной части провинціи Бранденбургъ, въ 100 верстахъ отъ Берлина.

Котбусъ явился центральнымъ сборнымъ пунктомъ русскихъ плѣнныхъ солдатъ и въ немъ ихъ всего около 10,000. Всѣхъ имъ размѣстили подъ открытымъ небомъ на ипподромѣ, за чертою города. Ипподромъ окруженъ высокимъ заборомъ и изгородью изъ колючей проволоки.

Датчанина-корреспондента привели въ восторгъ мундиры нашихъ солдатъ. Ихъ землисто-зеленый цвѣтъ прекрасно сливается съ мѣстностью. Почти у всѣхъ солдатъ отличные сапоги.

Пища для плѣнныхъ приготовляется въ походныхъ кухняхъ. Все продовольствіе сдано въ подрядъ нѣмецкому ресторатору.

Порціи состоятъ изъ большихъ кусковъ бѣлаго хлѣба, изъ риса, гороха и картофеля. Мясо даютъ крайне рѣдко.

Самое любимое занятіе плѣнныхъ солдатъ,—пишетъ датчанинъ,—это куреніе. И тутъ торгашескій духъ не измѣнилъ нѣмцамъ. Комендантъ лагеря—прусскій офицеръ—не преминулъ использовать пристрастіе нашихъ солдатиковъ къ «папироскѣ» и открылъ свою собственную табачную лавочку. Въ первое же утро выручка составила 700 марокъ.

Одинъ изъ германскихъ банковъ тутъ же соорудилъ «мѣняльную контору» въ какомъ-то шалашѣ. Вольноопредѣляющагося изъ Варшавы, говорившаго по-нѣмецки, заставили служить переводчикомъ между солдатами и банковскими чиновниками. Возлѣ «конторы» длинная вереница плѣнныхъ, проходящихъ между двумя рядами прусскихъ солдатъ съ винтовками. Всѣ спѣшатъ размѣнять деньги и побѣжать къ лавочнику-коменданту за папиросами. «Курсъ» на русскіе деньги крайне низкій: онъ колеблется между 1 м. 70 пф. и 1 м. 60 пф. за рубль (тогда какъ обычный сейчасъ въ Германіи курсъ рубля—2 м. 14 пф.—2 м. 16 пф.). Словомъ, нѣмецкое начальство наживается за счетъ нашихъ солдатиковъ.

Къ лагерю проведенъ водопроводъ, и на возвышеніи устроенъ душъ. Нѣмцы, всегда считавшіе русскихъ грязными и называвшіе ихъ «schmutzige Russen» (грязные русскіе), удивляются чистоплотности нашихъ солдатъ. Плѣнные массу времени посвящаютъ своему туалету. Многіе изъ нихъ, раздѣвшись до-гола, моютъ въ чанахъ свои рубахи и штаны, и затѣмъ расхаживаютъ подъ теплыми лучами сентябрьскаго солнца въ «костюмѣ Адама», ожидая, пока высохнетъ бѣлье.

Охрану лагеря несутъ «ландштурмисты». Всѣ линейныя войска и ландверъ находятся на поляхъ сраженій. Котбусъ, въ которомъ въ мирное время стоялъ одинъ изъ лучшихъ полковъ германской арміи—7-й Бранденбургскій,—теперь совершенно опустѣлъ, какъ опустѣли и всѣ города Германіи. Остались одни старики, призванные въ ряды «ландштурма». Толстые и неуклюжіе, одѣтые въ темносинія блузы и «шако» (кэпи) допотопнаго образца, съ ружьями наполеоновскихъ временъ и штыками въ видѣ сабель, они съ опереточно-величественнымъ видомъ «охраняютъ» нашихъ плѣнныхъ.

Вмѣстѣ съ нашими солдатами здѣсь находятся и заложники изъ Калиша въ ожиданіи своей печальной участи. Плѣнныхъ русскихъ офицеровъ здѣсь нѣтъ ни одного—они содержатся гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ крѣпости.

На-дняхъ въ Котбусѣ происходилъ аукціонъ казачьихъ лошадей. Сначала германскія военныя власти рѣшили воспользоваться ими для своей арміи, въ которой ощущается большой недостатокъ въ лошадяхъ. Но потомъ, изъ страха, что хорошо дрессированныя казачьи лошади, услышавъ сигналы русской кавалеріи, бросятся къ своимъ, нѣмцы рѣшили распродать ихъ въ частныя руки.

Въ общемъ, грустно смотрѣть на эти тысячи людей, запертыхъ, какъ скотъ, на огромномъ полѣ, лишенныхъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ удобствъ.

Русскіе раненые въ Берлинѣ.

Разсказъ врача I. Литинскаго.

Русскому врачу I. Литинскому удалось получить пропускъ въ берлинскій гарнизонный лазаретъ, гдѣ среди раненыхъ нѣмцевъ помѣщались и русскіе офицеры, и нижніе чины.

Лазаретъ, занимающій очень обширное пространство, состоитъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ и бараковъ. Во второе мое посѣщеніе тамъ помѣщались 632 человѣка. Масса зелени—повсюду мелькаютъ прусскіе раненые въ полосатыхъ халатахъ и маленькихъ круглыхъ военныхъ фуражкахъ.

Русскіе раненые помѣщаются въ 3 баракахъ: 2—для нижнихъ чиновъ и 1—для офицеровъ.

У входа и выхода часовые (съ винтовками), которымъ фельдфебель сообщалъ о состоявшемся разрѣшеніи старшаго врача.

Бараки для нижнихъ чиновъ деревянные, одинъ—побольше, поновѣе, поудобнѣе, другой попроще, похуже. Свѣту достаточно, воздухъ чистый; отопленіе желѣзными печами.

Въ первое мое посѣщеніе кровати для нижнихъ чиновъ были поставлены очень густо, мѣстами—одна къ одной, въ 3 ряда. Многіе раненые были не въ своихъ рубахахъ; тѣло не всегда чистое. Возможно, что нехватало ни рукъ, ни приспособленій, чтобы привести всѣхъ въ надлежащій видъ.

Раненые почти исключительно поляки и орловцы (немного калужанъ) различныхъ возрастовъ.

Съ положеніемъ своимъ люди болѣе или менѣе освоились. Пищей довольны. Въ детали вдаваться было конечно невозможно, такъ какъ я былъ ограниченъ временемъ, особенно же цензурой (фельдфебеля). Во второе мое посѣщеніе мнѣ было поставлено формальнымъ условіемъ говорить исключительно по-нѣмецки, а это отнюдь не способствовало оживленію обмѣна мнѣній.

Всего народа въ обоихъ баракахъ было въ первое мое посѣщеніе, думаю, свыше 150 человѣкъ.

Офицерскій баракъ — тутъ же,—поменьше, но и поуютнѣе; комфорту значительно больше, больные размѣщены гораздо просторнѣе.

Нѣкоторые жаловались на пищу. Пища, говорили они, та же, что и у нижнихъ чиновъ, только съ нѣкоторыми прибавленіями.

Настроеніе бодрое, хотя всѣ и сознаютъ, что по выпускѣ изъ лазарета останутся военноплѣнными въ какомъ-либо лагерѣ до окончанія войны.

Время коротаютъ монотонно—за бесѣдой да за разными играми. Книгъ я не видѣлъ.

Старшаго врача (d-r. Brellman) хвалятъ. Повидимому онъ удѣляетъ имъ немало вниманія.

Закончивъ обходъ, я возвратился къ старшему врачу. Онъ спросилъ меня о вынесенномъ впечатлѣніи и довольны ли раненые пищей. Я заявилъ, что нижніе чины довольны. «Ну, а офицеры?!». Я замялся. Съ видимымъ огорченіемъ онъ спросилъ меня: «Чѣмъ же они недовольны»? Отвѣчать на этотъ вопросъ категорически я счелъ неудобнымъ.

Затѣмъ мы перешли на медицинскія темы.

Я спросилъ о теченіи ранъ. «Въ общемъ очень гладкое. Конечно, не обходится и безъ смертныхъ случаевъ. Еще только вчера умерли

двое. Но, въ общемъ, повторяю, теченіе очень хорошее. Вотъ вчера только выписалось около 50 человѣкъ, при общемъ количествѣ человѣкъ около 200. Много хлопотъ доставляютъ намъ случаи столбняка. Примѣняемъ специфическую сыворотку, дѣлаемъ все, что можемъ, но вы понимаете, что результатъ не всегда отъ насъ зависитъ. Еще три случая осталось.

Но, въ общемъ, вы можете быть увѣрены въ томъ, что лѣченіе примѣняется наивозможно лучшее, что къ этому дѣлу привлечены лучшія медицинскія силы Берлина и что вашихъ раненыхъ мы лѣчимъ точь-въ-точь, какъ нашихъ».

Русскіе раненые въ плѣну.

Разсказъ солдата.

Раненый пулей солдатъ разсказывалъ, какъ онъ пробылъ у нѣмцевъ въ плѣну. Онъ на германской территоріи былъ раненъ въ ногу. Бой былъ жаркій. Пули «летали, какъ мухи». Когда солдата ранили, онъ особой боли не чувствовалъ. Видѣлъ, что изъ ноги кровь течетъ, но это не бѣда,—шелъ дальше и продолжалъ стрѣлять изъ винтовки. Затѣмъ почувствовалъ боль и сталъ пробираться съ товарищами ползкомъ. Ползъ часа полтора. Но вдругъ почувствовалъ боль въ правой рукѣ и кисть руки опустилась. Оказалось, въ руку попала непріятельская пуля, и солдатъ потерялъ способность владѣть винтовкой.

Попалъ онъ къ нѣмцамъ въ плѣнъ.

— Приняли хорошо... Сдѣлали мнѣ перевязку, принесли бѣлыхъ сухарей, сыру галландскаго и кофе. Солдаты дали покурить. Когда бой утихъ, начали разговаривать «маяками». Пруссаки говорили, что они не хотѣли воевать, русскіе ихъ заставили.

— Я сталъ возражать, и въ концѣ-концовъ порѣшили на томъ, что въ войну насъ втянули наши союзники. Полтора сутокъ я пробылъ въ плѣну у нѣмцевъ, затѣмъ русскіе взяли это мѣстечко об-

ратно,—взяли такъ храбро, что нѣмцевъ обратили въ бѣгство, и все, что у нихъ было, нѣмцы оставили. Оставили и плѣнныхъ русскихъ.

— Относятся жители Германіи къ нашимъ по-разному. Въ иное мѣстечко приходишь, никого и ничего нѣтъ, въ другихъ мѣстахъ заставали жителей и они давали намъ ѣсть. Одна женщина давала мнѣ масла; я ей за это даю денегъ, а она не беретъ и только знаетъ, что угощаетъ... Я побоялся ѣсть,—а что если масло и хлѣбъ отравлены,—и заставилъ сначала ѣсть хлѣбъ съ масломъ нѣмку. Она стала ѣсть, вижу, ничего, ну, и я поѣлъ спокойно.

Прусаки-солдаты относятся по-разному. Есть озорники,—на нашихъ плѣнныхъ грозятся штыками. Одного такого озорника замѣтилъ нѣмецкій офицеръ и избилъ его за это плетью. Въ общемъ-же отъ солдатъ пруссаковъ плохого я не видѣлъ.

Проф. М. Гольдштейнъ въ плѣну.

Профессоръ московскаго университета І. М. Гольдштейнъ почти 2 мѣсяца пробылъ въ нѣмецкомъ плѣну въ г. Ростокѣ.

І. М. Гольдштейнъ свое образованіе получилъ въ Германіи.

Онъ, между прочимъ, ученикъ знаменитаго мюнхенскаго профессора Брентано.

— Я,—разсказываетъ І. М. Гольдштейнъ,— былъ до сихъ поръ высокаго мнѣнія о культурѣ нѣмцевъ, но теперь на самомъ себѣ убѣдился, что нѣмецкой культуры не существуетъ и никогда не было.

То, что мы считали культурой, было лишь напускное, для показа.

Война застала меня въ Берлинѣ. Здѣсь русскіе получили 24 часа для того, чтобы покинуть предѣлы Германіи.

И, несмотря на это, уже черезъ 10—14 часовъ русскихъ хватали въ Ней-Стрелицѣ и въ Ростокѣ и сажали подъ-стражу.

Далѣе, въ Берлинѣ нѣмецкія власти объявили путь на Копенгагенъ совершенно свободнымъ.

И какъ-разъ на этомъ пути русскіе были подвргнуты задержанію.

Нѣмцы все время нарушали самымъ грубымъ образомъ свое слово, свои обѣщанія.

Судя по напечатаннымъ разсказамъ вернувшихся раньше меня изъ Германіи въ Россію, нѣмцы въ Ней-Стрелицѣ требовали, чтобы русскіе вышли изъ вагоновъ.

Я считаю опредѣленіе «требовали» слишкомъ мягкимъ.

Обращаясь къ намъ, нѣмецкіе офицеры въ Ней-Стрелицѣ просто кричали:

— Вонъ изъ вагоновъ...

Когда насъ въ Ней-Стрелицѣ повели въ казармы, то заставили итти по очень скверной мостовой и тащить свои чемоданы.

Когда я хотѣлъ выйти на тротуаръ, то получилъ отъ солдата ударъ прикладомъ ружья.

Итти пришлось около 20-ти минутъ.

Когда я пріостановился на минутку, чтобы перевести духъ, нѣмецкій солдатъ опять ударилъ меня прикладомъ.

Эти удары прикладами щедро раздавались и всѣмъ остальнымъ моимъ невольнымъ спутникамъ.

Въ Ростокѣ мы были отданы въ распоряженіе полицейскаго офицера фонъ-Вигерса, грубаго и злобнаго человѣка, который дѣлалъ все, чтобы ухудшить и безъ того тяжелое и невыносимое положеніе наше.

Насъ помѣстили въ комнатѣ размѣровъ 6×9 аршинъ.

Здѣсь спали на соломѣ вповалку 38 человѣкъ.

Спали вмѣстѣ мужчины, женщины, дѣти, здоровые и больные.

Все было грязно и отвратительно.

Жалобы имѣли своимъ единственнымъ послѣдствіемъ грубую ругань.

При этомъ нѣмцы неизмѣнно добавляли:

— Русскіе свиньи привыкли къ грязи у себя дома.

Эти «свиньи» были: русскіе врачи, профессора, сановники въ чинѣ тайнаго совѣтника и т. д.

Зная нѣмецкій языкъ и обычаи страны, я, со своей стороны, пытался сдѣлать что-нибудь для своихъ соотечественниковъ. Но много помощи я принести, конечно, не былъ въ состояніи.

Больше всего меня возмущали издѣвательства нѣмцевъ, которые развлекались тѣмъ, что на глазахъ толпы русскихъ дѣлали театральныя приготовленія къ разстрѣлу. Раздавали солдатамъ боевые патроны, выкатывали пушку, выносили траурные катафалки и т. п.

Конечно, съ дамами дѣлались истерики, да и мужчины чувствовали себя не особенно хорошо.

Все это, видимо, очень нравилось нѣмцамъ, но было безконечно гнусно.

Когда издѣвательства достигли крайнихъ предѣловъ,я обратился къ завѣдующему полиціей съ предупрежденіемъ, что слухи о поведеніи нѣмцевъ могутъ дойти до Россіи. Въ Россіи живетъ много уроженцевъ Мекленбургъ-Стрелица, и русскіе могутъ въ отместку всѣхъ мекленбуржцевъ выдѣлить въ особую группу и создать для нихъ «спеціальный режимъ».

Противъ всякихъ ожиданій, эта угроза подѣйствовала.

По крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ моего разговора съ директоромъ ростокской полиціи обращеніе съ русскими значительно улучшилось.

Между прочимъ, мнѣ пришлось въ Ростокѣ исполнять обязаности, къ которымъ я никогда не готовился.

Одно время я былъ въ Ростокѣ... почтальономъ.

Нѣмцы, отговариваясь тѣмъ, что у нихъ нѣтъ людей, крайне неаккуратно доставляли письма и телеграммы, адресованныя русcскимъ.

Я пытался объясниться съ представителями военнаго вѣдомства, но это ни къ чему ни привело.

Мнѣ предложили самому разносить письма и телеграммы.

Каждый день на нѣсколько часовъ я получалъ свободу и разносилъ письма и телеграммы, адресованныя русскимъ.

Одновременно со мной были отпущены изъ нѣмецкаго плѣна проф. Г. Н. Піоульскій, предсѣдатель владикавказскаго окружнаго суда Артемьевъ и тайный совѣтникъ Заіончковскій.

Письмо изъ Цюриха.

Н. Сперанскаго.

«Пишу вамъ изъ Цюриха, куда насъ отбросило изъ Германіи при попыткѣ пробиться въ Москву. Мы только-что пріѣхали въ Виллахъ, какъ разыгралась сараевская драма. Атмосфера въ Австріи среди отельныхъ гостей сразу сгустилась. Въ соціальныхъ низахъ не чувствовалось тогда никакого желанія мести. Низы горевали, что сезонъ будетъ испорченъ. «Вотъ музыку запретили: гостямъ не будетъ развлеченія, а музыканты-то бѣдные, они-то чѣмъ будутъ кормиться», и т. п. Хозяева же отелей говорили, что они только и дѣлаютъ, что получаютъ телеграммы съ отказомъ отъ комнатъ: не ѣдутъ къ нимъ вѣнскіе гости. Мнѣ это казалось подозрительнымъ, но уѣхали мы все же не въ Москву, а въ южный Тироль.

Въ горахъ политика не чувствовалась.

Но тутъ, какъ громъ, австрійскій ультиматумъ и признаніе сербскаго отвѣта недостаточнымъ. Я рѣшилъ тутъ же ѣхать домой. Но когда я явился въ Мюнхенъ въ Deutsche Bank, чтобы получить деньги по по аккредитиву, то мнѣ денегъ не выдали. «Хотите подождать нѣсколько дней, мы получимъ по этому аккредитиву деньги изъ Вѣны; а сами платить не станемъ».

Пришлось отдать аккредитивъ на комиссію и ждать. И пошли дни, которые не забудутся. Сначала—уличныя демонстраціи съ требованіемъ войны и съ ликованіемъ, что война объявлена. Демонстраціи эти были не дутыя. Не подлежитъ сомнѣнію, что мысль о войнѣ успѣла стать очень популярной въ самыхъ широкихъ кругамъ нѣмецкаго буржуазнаго

общества и у простонародья, которое съ нимъ часто соприкасается, какъ всякіе мелкіе служащіе и прислуга. Буржуазная молодежь прямо торжествовала, и множество народа изъ ея среды пошло добровольцами. Что касается народной массы, то туристъ, какъ я, не имѣетъ права ничего говорить о томъ, какъ она думаетъ. Но такъ какъ пресса въ одинъ голосъ твердила, что Германія стала жертвой заговора и что надо защищаться отъ порабощенія, то и низы въ моментъ объявленія мобилизаціи, повидимому, тоже душевно всколыхнулись и отозвались на призывъ съ жаромъ. Въ общемъ получилась импозантная картина массоваго энергичнаго подъема. Не было ничего похожаго на «шапками закидаемъ». Всѣ говорили, что побѣда можетъ быть куплена только цѣной великихъ жертвъ, но всѣ проникнуты были и увѣренностью въ побѣдѣ. Довѣріе къ правительству и къ арміи безграничное. Я говорю о Германіи. Въ Австріи разговоры больше слышались о томъ, что германская армія—первая на свѣтѣ. Впечатлѣніе на всѣхъ насъ видъ этого военнаго порыва, гдѣ чувствовалась громадная сдержанная сила, произвелъ огромное. И, какъ-никакъ, если все же ближайшая отвѣтственность за войну падаетъ на графа Тиссу и Вильгельма, то нѣмецкая интеллигенція потомъ не будетъ имѣть права бросить въ нихъ камнемъ. Она тоже войны хотѣла и при помощи прессы успѣла пробудить и въ народѣ воинственные инстинкты.

Въ субботу, 1-го августа (нов. ст.), вечеромъ, стало извѣстно, что война объявлена. Въ воскресенье городъ имѣлъ праздничный видъ. Ликовала, впрочемъ, только буржуазная молодежь. У простыхъ людей и у всѣхъ, кто возрастомъ постарше, выраженіе глазъ было напряженное. Къ «наличнымъ» въ Мюнхенѣ русскимъ и французамъ до воскресенья относились только недружелюбно, но страха стать предметомъ насилія еще не чувствовалось.

Но вотъ полиція, съ одной стороны, печатаетъ во всѣхъ газетахъ приглашеніе нѣмецкой публикѣ къ участію въ обнаруженіи иностранныхъ шпіоновъ, которыми-де кишитъ Германія, а съ другой,—въ понедѣльникъ, 3-го августа, спозаранку дала знать домохозяевамъ, что съ водой въ водопроводѣ что-то неладно. Тутъ Мюнхенъ обуяла паника: иностранцы бактеріологически отравили воду. Черезъ нѣсколь-

ко часовъ сама полиція расклеила по городу плакаты съ приглашеніемъ не вѣрить всякимъ tolle Gerüchte. Но взрывъ произошелъ, и мюнхенская толпа закипѣла злобой. Друзья наши прямо намъ посовѣтовали не выходить совсѣмъ безъ нихъ на улицу.

Утромъ во вторникъ въ газетахъ появилось оповѣщаніе, что Италія «неидетъ» и что Англія объявила войну Германіи. Впечатлѣніе эти извѣстія произвели удручающее. Широкая публика все надѣялась, что Италія пойдетъ съ ними, а Англія сохранитъ нейтралитетъ. Разговаривать ни съ кѣмъ изъ нѣмцевъ объ этомъ нельзя было: имъ было прямо внушено: «Съ иностранцами о войнѣ никакъ не разговаривать». Но по лицамъ можно было читать, какъ глубоко ихъ это поразило. Малодушія, однако, не проявлялось: «Правительство, конечно, это предвидѣло и знаетъ, что дѣлаетъ». А по городу къ этому дню уже дано было оповѣщаніе, чтобы частныя лица умѣрили свое рвеніе въ раскрытіи шпіоновъ. Но хотя полиція и просила публику быть насчетъ шпіонажа потише и не утѣснять неподозрительныхъ иностранцевъ, видно было, что иностранцамъ надо всѣмъ скорѣе убираться по-добру, по-здорову.

Намъ телеграфировали, что деньги переведены по телеграфу. Но идетъ день и другой, а денегъ нѣтъ. Является полиція съ обыскомъ и даетъ совѣтъ: уѣзжайте скорѣе черезъ Lindau въ Швейцарію, а то скоро мы принудительно начнемъ высылать. Мы освѣдомились, нельзя ли черезъ Берлинъ въ Копенгагенъ. Нѣтъ. Aus München Alles nach Lindau. Такъ, въ среду, воспользовавшись любезностью того лица, въ домѣ котораго скончался Ал. Ив. Чупровъ и которое дало намъ въ долгъ необходимую сумму денегъ, мы выѣхали въ Lindau. Стоитъ замѣтить, что, несмотря на мобилизацію, пассажирское движеніе совсѣмъ въ Германіи не прерывалось. Ѣхали мы однако до Lindau вмѣсто 3½ часовъ 13,—съ 3-хъ час. дня до 4-хъ ночи,—въ горячкѣ движенія военныхъ поѣздовъ.

Пріѣхавъ ночью въ Lindau, мы узнали, что Швейцарія отказывается дольше пропускать черезъ свою границу русскихъ. Тогда началось наше заточеніе на вокзалѣ. Было насъ человѣкъ сто, пестрая компанія,—группа польскихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, поль-

скіе евреи ремесленники и мелкіе торговцы, жившіе годами въ Мюнхенѣ, но сохранивъ свое обличіе нашего Западнаго края, русскіе учащіеся и потомъ мы, туристы. Кромѣ русскихъ было нѣсколько англичанъ и французовъ и, наконецъ, великолѣпный веселый негръ. Были тутъ и семьи съ малыми дѣтьми,—словомъ, Ноевъ ковчегъ. Сидѣли мы подъ стражей на вокзалѣ съ 4-хъ час. утра до 9-ти веч.: мѣстное военное начальство стерегло насъ, не зная, что съ нами дѣлать. Эта неизвѣстность и была особенно тягостна. А то на обращеніе властей жаловаться не приходилось. Главное начальство,—полковникъ, если не генералъ,—велъ себя прямо какъ джентльменъ въ заботахъ о матеряхъ съ дѣтьми. Добродушно бесѣдовали съ нами и рядовые солдатики. Грубы и противны были только младшіе начальственные чины, да еще буфетная прислуга, хотя къ вечеру съ тѣми, кто хорошо давалъ на чай, она стала опять вѣжливо обращаться. Къ вечеру вышла самая милостивая резолюція: развести насъ по отелямъ, предоставивъ свободу ходить по улицамъ. Но это намъ такъ посчастливилось: другимъ партіямъ, раньше выѣхавшимъ, пришлось много хуже. Послѣ ночи въ вакзалѣ они двѣ ночи ночевали въ купальняхъ на озерѣ, гдѣ спали на полу на голыхъ доскахъ. Намъ было позволено съ вокзала телеграфировать. Мы телеграфировали коллективно послу въ Бернъ, а кромѣ того лично двумъ знакомымъ швейцарцамъ и двумъ знакомымъ нѣмцамъ. Выручилъ насъ тотъ же Мюнхенъ. Нашъ кредиторъ пошелъ въ швейцарское консульство, и консулъ по телеграфу за насъ поручился на предметъ пропуска черезъ границу. Потомъ впрочемъ стали впускать и безъ такихъ ходатайствъ,—по предъявленіи 500 фр. денегъ, и, наконецъ, остатки пропустили такъ, Христа-ради.

Такъ мы и оказались въ Цюрихѣ. Тутъ войны нѣтъ. Кончилось это щемящее чувство пребыванія во вражескомъ станѣ, не чувствуешь на себѣ со всѣхъ сторонъ волчьихъ взглядовъ. Но сказать, что въ Цюрихѣ мы могли вздохнуть свободно,—нѣтъ, этого нельзя. Не то, что надо еще обдумать, какъ пробраться въ Россію. Нѣтъ, я имѣю въ виду, что сейчасъ въ нейтральной Швейцаріи ни одинъ человѣкъ не дышитъ свободно. У всѣхъ грудь стѣснена,

и все населеніе имѣетъ видъ лунатиковъ; ходятъ, исполняютъ свою работу, но все это производится какъ-будто во снѣ. Что-то огромное надвинулось, налегло, придавило, — и никто не знаетъ, какъ все это можетъ кончиться. Опредѣленно швейцарцамъ какъ-будто бояться нечего: какъ-будто обойдутся они и безъ войны, и безъ голодовки. Но угнетаетъ всѣхъ не страхъ опредѣленныхъ опасностей, противъ которыхъ можно бороться, — съ ними и борются, — какая-то общая жуть, особенно сжимающая сердце ночью. «Что-то будетъ, что-то будетъ?»... Всѣ сознаютъ, что то, что происходитъ, не поддается никакимъ предвидѣніямъ, что нельзя теперь никому имѣть никакой увѣренности за участь свою и своихъ близкихъ. И если швейцарцамъ на родинѣ такъ жутко, то намъ вдали отъ родины и того пуще. Но держимся мы пока стойко. Глаза у насъ тоже, какъ у лунатиковъ, но дѣйствуемъ мы хладнокровно. И все же, конечно, какъ вспомнишь, что вырвался изъ Германіи, гдѣ бушуетъ уже звѣриная расовая ненависть, то на свѣтъ глядишь бодрѣе».

Въ австрійскомъ плѣну.

Разсказъ А. Дживелегова.

Въ понедѣльникъ, 21-го іюля, русскихъ, явившихся на Франценсбадскій вокзалъ, чтобы брать билеты, останавливалъ жандармскій офицеръ и въ изысканно вѣжливой формѣ объявлялъ, что ѣхать имъ нельзя. На вопросъ о причинахъ, онъ отвѣчалъ, что началась война между Германіей и Россіей. При этомъ намъ было указано, что въ Франценсбадѣ намъ будетъ гораздо лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ дорогѣ, потому что, — конфиденціально прибавлялъ жандармъ, — «Die Kaserne ist los». То же подтвердили намъ и прокламаціи бюргермейстера, гдѣ говорилось, что мы уѣдемъ, когда захотимъ, лишь только

пройдетъ мобилизаціонная горячка. А три дня спустя началась война между Австріей и Россіей, и все сдѣлалось по-другому.

Жандармъ обходилъ всѣ отели и звалъ русскихъ къ бюргермейстеру. А тамъ всѣхъ находившихся въ призывномъ возрастѣ приглашали сѣсть на извозчика и въ сопровожденіи жандарма ѣхать въ Эгеръ, въ пѣхотныя казармы. Поѣхали всѣ, какъ были: въ пиджакахъ, часто безъ шляпъ, безъ полотенцевъ, безъ зубной щетки, безъ смѣны бѣлья. У многихъ было въ карманѣ по нѣсколько кронъ. Полиція не позволяла зайти домой, захватить необходимое, предупредить близкихъ.

Въ эгерскихъ казармахъ офицеры встрѣчали насъ тоже очень вѣжливо, распредѣляли по просторнымъ, свѣтлымъ камерамъ, изъ которыхъ открывался чудесный видъ на лѣсистые холмы Нѣмецкой Богеміи, на развалины стараго эгерскаго Keiserburga, гдѣ были перебиты въ 1631 году офицеры Валленштейна, на готическіе шпицы ратуши и собора. Но пока мы любовались пейзажемъ, къ намъ пришелъ офицеръ и объявилъ, что всѣ мы считаемся военноплѣнными и, какъ таковые, должны будемъ здѣсь остаться до окончанія войны. Въ камеры принесли много соломы, которая должна была служить намъ всѣмъ постелью. Первая ѣда состояла изъ супа, поданнаго въ кастрюлькахъ, безъ ложекъ. Приходилось брать обѣими руками кастрюльку за ушки, выпивать сначала ея жидкое содержимое, потомъ вытрясать въ ротъ картофелины, и въ заключеніе извлекать пальцами мясо и грызть его самымъ первобытнымъ способомъ. Супъ былъ хорошій, мясо свѣжее, но кастрюли грязны. Въ полдень въ нихъ подавали супъ, утромъ и вечеромъ въ нихъ приносили такую же порцію чернаго, невкуснаго кофе.

Впрочемъ, пищевой режимъ уже на другой день сталъ лучше. Съ разрѣшенія начальства мы вошли въ соглашеніе съ казарменной кантиной и стали получать болѣе разнообразную пищу. Посуду и приборы для ѣды мы себѣ купили. Пива было quantum satis. За все это, конечно, мы платили и не очень дешево. Казенное довольствіе заключалось только въ хлѣбѣ, супѣ и кофе. Сверхъ хлѣба и трехъ кастрюлекъ намъ полагалось по 16 геллеровъ въ день. Мы, конечно,

отъ всего казеннаго отказались, какъ только намъ было объявлено, на что мы имѣемъ право.

Два раза въ день, утромъ и вечеромъ, мы имѣли часовыя прогулки по казарменному плацу. Камеры были заперты, но выходъ въ коридоръ, къ умывальникамъ и прочимъ гигіеническимъ приспособленіямъ, былъ довольно свободный. Вообще, на стѣсненія жаловаться было нельзя. Нехватало только бѣлья, и почти всѣ сами вынуждены были стирать носовые платки, носки и пропитавшіяся потомъ и пылью отъ соломы рубахи.

Русскихъ въ Эгерѣ сидѣло при мнѣ около ста человѣкъ изъ трехъ курортовъ, изъ Праги, Баденбаха и другихъ пунктовъ Богеміи. Народъ былъ тамъ всякій, начиная отъ чернорабочихъ и кончая представителями различныхъ группъ интеллигенціи. Тутъ же находился русскій священникъ изъ Карлсбада со всѣмъ своимъ причтомъ. Кромѣ русскихъ сидѣло около 40 сербовъ, повидимому, народъ все малосостоятельный, потому что жили исключительно на казенный счетъ и питались «aus dem Menage».

Въ первый же день насъ всѣхъ подвергли докторскому осмотру и очень тщательному допросу. Спрашивали о вѣроисповѣданіи, національности, профессіи, политическихъ убѣжденіяхъ, при чемъ о послѣднихъ весьма настойчиво, о семейномъ и имущественномъ положеніи, объ отношеніи къ воинской повинности. Дѣйствительныхъ больныхъ, какихъ на курортахъ было немало, стали выпускать очень скоро. Но первыми выпустили поляковъ и евреевъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ это время были уже заняты нѣмецкими или австрійскими войсками. А когда остальные увидѣли, что имѣется дверь, чрезъ которую можно выходить на волю изъ казармъ, начались хлопоты. Стали очень энергично работать наши дамы, и курортная публика въ концѣ-концовъ вся получила разрѣшеніе вернуться на курорты для «продолженія лѣченія». Дольше, чѣмъ недѣлю, не сидѣлъ никто.

Однако, вернуться во Франценсбадъ было недостаточно. Нужно было вернуться въ Россію. Когда мы задавали этотъ вопросъ бюргермейстеру, онъ очень развязно отвѣчалъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, что мы будемъ сидѣть во Франценсбадѣ до конца войны.

Не помогало и напоминаніе объ его собственной прокламаціи. Но мы были настойчивы. За насъ стали хлопотать врачи, и черезъ три недѣли русскихъ начали выпускать. Сначала женщинъ, дѣтей и стариковъ, потомъ понемногу и мужчинъ призывного возраста. Но въ то время, какъ первымъ давали пропускъ куда угодно, мужчинамъ разрѣшали ѣхать только въ Вѣну подъ предлогомъ продолженія лѣченія. И вотъ 20-го августа изъ Франценсбада двинулся цѣлый поѣздъ, увозившій около 150 человѣкъ русскихъ въ Вѣну. Большинство имѣло пропускъ до самой румынской границы, мужчины должны были получить дальнѣйшее разрѣшеніе въ Вѣнѣ.

Когда мы пріѣхали въ Вѣну, на Franz-Josefsbahnhof, всѣхъ арестовали впредь до повѣрки паспортовъ. Когда пять часовъ спустя процедура кончилась, то шестеро мужчинъ оказались снова задержаны. Намъ объявили, что мы должны подвергнуться допросу въ полиціи и лишь тогда можемъ быть отпущены. Но насъ привезли прямо въ домъ предварительнаго заключенія, Polizeigefangniss; тамъ отобрали всѣ вещи, а намъ велѣли итти наверхъ, въ тюремныя помѣщенія.

По дорогѣ насъ свели въ одиночную камеру и записали наши заказы насчетъ ѣды.

Наша камера была не одиночная. Когда открылась дверь и мы вошли, то очутились въ самомъ разнообразномъ обществѣ. Первой бросилась въ глаза желтая японская физіономія съ добрыми-предобрыми узкими глазами. Въ одномъ углу говорили по-французски, въ другомъ—по-англійски; за столомъ двое играли въ карты и раздавалось энергичное: «Пся кревь!» Когда кончились взаимныя привѣтствія, оказалось, что насъ всѣхъ—около 30-ти человѣкъ: русскихъ, поляковъ, евреевъ, армянъ, англичанъ, французовъ, сербовъ, боснійцевъ, японцевъ. Намъ сказали, что двѣ огромныхъ камеры, въ которыхъ мы находимся,—нашъ салонъ, спальня имѣется особо: каждому полагается кровать съ матрацомъ, подушкой и бѣльемъ. Умывальникъ особо въ коридорѣ. Клозеты, тоже промывные, имѣются въ каждой камерѣ, какъ въ денныхъ, такъ и въ ночныхъ. Прогулокъ не полагается. Свѣдѣнія даются легко. Изъ тюрьмы либо освобождаютъ, либо переводятъ

въ казармы, гдѣ режимъ свободнѣе, но удобствъ нѣтъ никакихъ: спать приходится на соломѣ. А изъ казармъ разсылаютъ по разнымъ городамъ имперіи и употребляютъ на разныя, преимущественно полевыя работы.

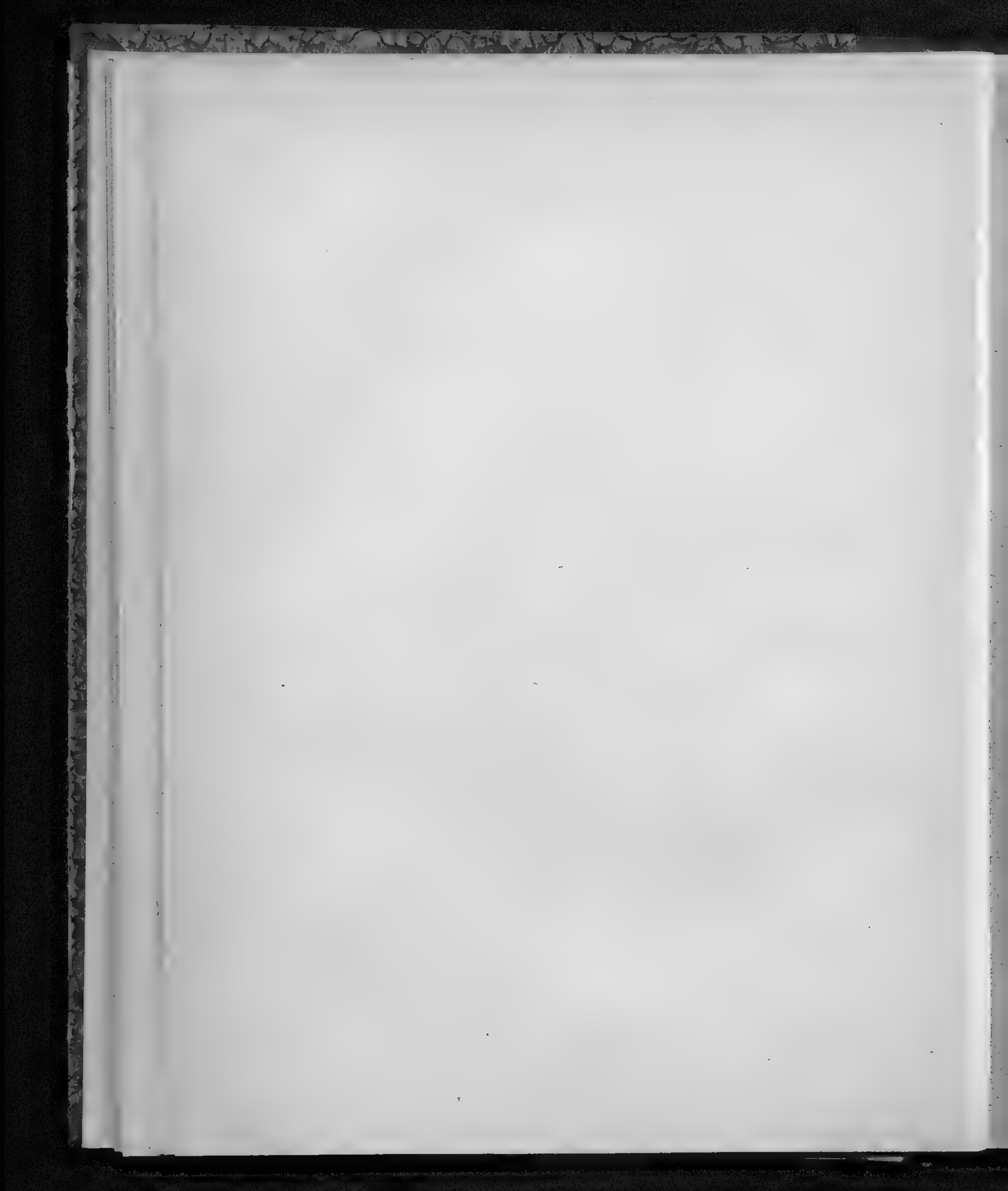
Дни, которые мы провели въ тюрьмѣ, были очень интересны, потому что интересны были товарищи по сидкѣ. Но сидѣть было нѣсколько жутко отъ перспективы попасть въ казармы и дальше. Къ счастью, наши жены, оставшіяся на свободѣ, не теряли времени. Былъ приглашенъ адвокатъ, который выхлопоталъ намъ быстрый врачебный осмотръ и быстрый допросъ у комиссара. То и другое было благопріятно, и насъ уже черезъ два дня выпустили, взявъ съ насъ подписку немедленно явиться, sich melden, въ полицейскіе участки.

Тамъ намъ была прочитана бумага, которую намъ предложили подписать. Въ ней мы обязывались не посылать никакихъ писемъ за границу, никакихъ телеграммъ даже въ Австрію, не разговаривать по телефону даже въ Вѣнѣ, не выходить за предѣлы города и не приближаться къ зданіямъ, имѣющимъ отношеніе къ войнѣ: казармамъ, военнымъ швальнямъ, военнымъ пекарнямъ и т. д., не разговаривать на улицахъ громко по-русски, по-французски, по-англійски, и каждую недѣлю возобновлять явку.

Но мы хотѣли ѣхать дальше. Нашъ адвокатъ, въ концѣ-концовъ, выхлопоталъ намъ разрѣшеніе, и послѣ девятидневнаго пребыванія въ Вѣнѣ мы собрались выѣхать на Будапештъ и Румынію. Но двое моихъ товарищей были вновь арестованы уже на Вѣнскомъ вокзалѣ, и въ Будапештъ я попалъ вдвоемъ съ женою. Тамъ мнѣ было заявлено, что австрійскій пропускъ ни въ какой мѣрѣ не обязателенъ для Венгріи и что если я немедленно не уѣду назадъ, то буду арестованъ и отправленъ въ венгерскую провинцію. Колебаться не приходилось. Въ ту же ночь мы выѣхали обратно въ Вѣну, не останавливаясь проѣхали на Швейцарію. Въ Буксѣ, на границѣ, жандарму очень хотѣлось еще разъ задержать меня, но паспортъ австрійскаго департамента полиціи былъ очень краснорѣчивъ. Послѣднія формальности были кончены, и мы скоро очутились по ту сторону Рейна, въ нейтраль-

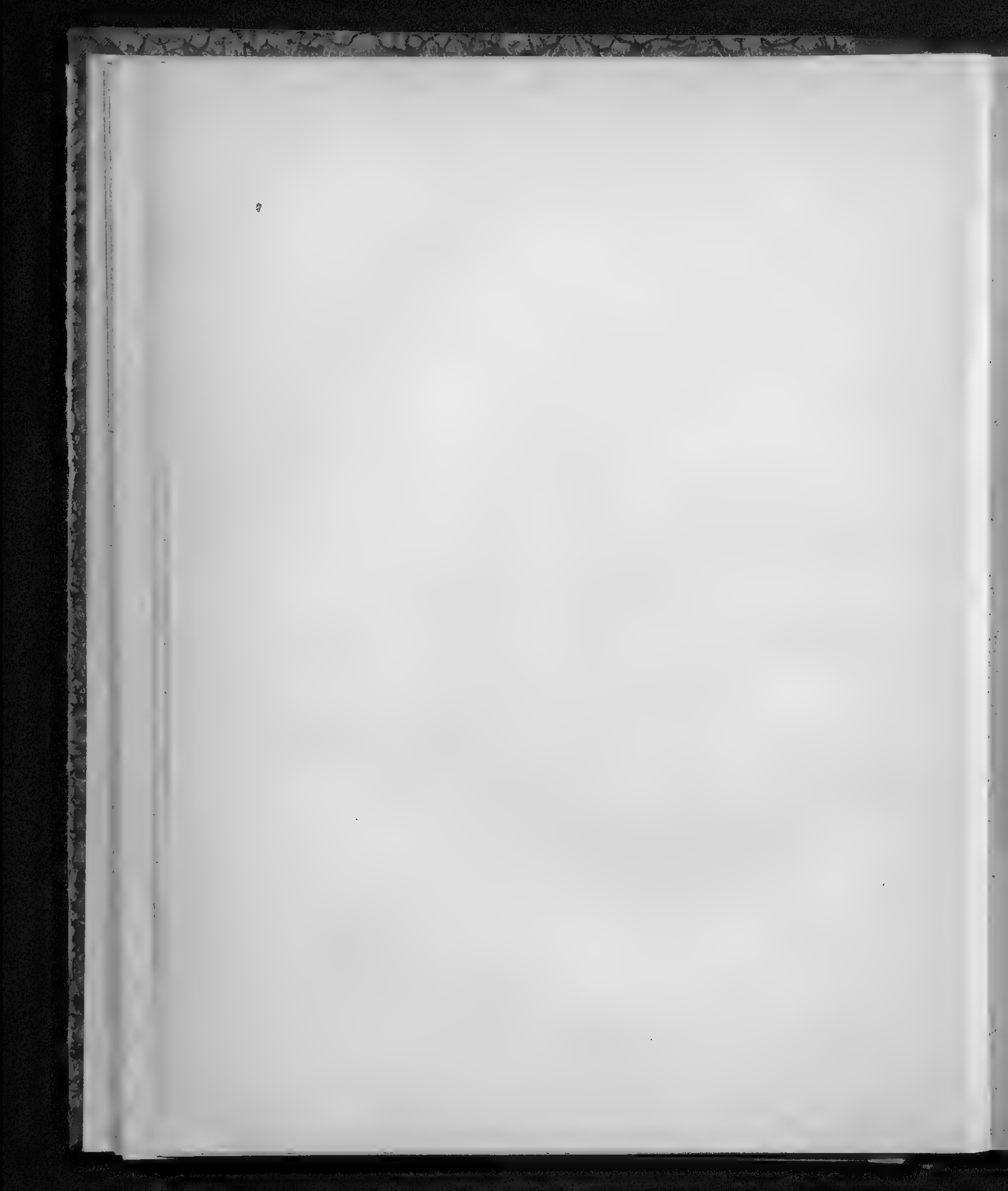
ной странѣ, гдѣ могли говорить на какомъ угодно языкѣ и не скрывать своихъ симпатій и антипатій.

Только тотъ, кто пережилъ кошмаръ подневольнаго пребыванія во вражеской странѣ, пойметъ, какъ легко дышалось, когда мы смотрѣли на чудесные пейзажи австрійскаго Форарльберга уже съ другого берега Рейна.

II.

Въ пути.

Изъ Германіи въ Россію.

Разсказъ нашего бывшаго посла въ Берлинѣ
С. Н. Свербеева.

— При первыхъ извѣстіяхъ о назрѣвшемъ австро - сербскомъ конфликтѣ мнѣ пришлось прервать свой отпускъ и вернуться изъ Тульской губ. въ Берлинъ. 11 іюля я получилъ возможность ознакомиться съ текстомъ австрійскаго ультиматума, и сомнѣній въ истинѣ конфликта у меня не оставалось. Скажу больше, вопреки моимъ ожиданіямъ, событія развертывались болѣе медленнымъ темпомъ.

Убѣжденіе въ неизбѣжности вооруженнаго столкновенія во мнѣ окончательно окрѣпло послѣ опубликованія австрійскими газетами сербскаго отвѣта на ультиматумъ, при чемъ вѣнскія газеты снабдили этотъ отвѣтъ своими комментаріями.

Сомнѣніямъ не оставалось мѣста, и мы приготовились къ худшему. Впрочемъ, послѣдующія событія превзошли наши ожиданія, такъ какъ никто не могъ предугадать тѣхъ возмутительныхъ сценъ, которыя пришлось потомъ видѣть.

Демонстраціи передъ зданіемъ нашего посольства начались еще до моего пріѣзда. Первая изъ нихъ произошла 13 іюля, когда громадная толпа запрудила всю улицу передъ нашимъ домомъ. Раздавались оскорбительные возгласы по адресу Россіи. Демонстрація продолжалась до двухъ часовъ ночи, когда секретарь посольства позвонилъ полицейскому комиссару и просилъ прислать нарядъ для прекращенія демонстраціи.

Антирусскія демонстраціи продолжались и въ послѣдующіе дни. Не

знаю, чему приписать такое настроеніе берлинцевъ—была ли здѣсь боязнь войны или дѣйствительное озлобленіе вслѣдствіе обработки общественнаго мнѣнія газетами, которыя на всѣ лады доказывали, что зачинщица міровой войны — Россія.

Любопытно лишь одно — демонстраціи направлялись лишь противъ Россіи, но не Франціи. Въ первое время въ Берлинѣ разсчитывали, что Франція не вмѣшается въ вооруженное столкновеніе, и потому въ толпѣ раздавались даже одобрительные возгласы по адресу русской союзницы. Было ли подобное мнѣніе о локализаціи столкновенія между Германіей и Россіей и въ высшихъ кругахъ, трудно сказать. Зато вполнѣ опредѣленно можно утверждать, что нейтралитетъ Италіи и вмѣшательство Англіи были неожиданностью для Берлина и смѣшали всѣ карты нашихъ западныхъ сосѣдей.

Тѣмъ сильнѣе стало озлобленіе противъ Россіи, которую, повторяю, нѣмецкій народъ, какъ ему внушено газетами, считаетъ главной виновницей войны.

Хотѣли ли нѣмцы войны?—На это трудно отвѣтить. Можно лишь сказать, что въ широкихъ общественныхъ кругахъ война крайне непопулярна, такъ какъ тамъ вполнѣ отчетливо сознаютъ, что война грозитъ полнымъ разореніемъ намецкому благосостоянію.

На улицахъ приходилось наблюдать какъ-будто настроеніе энтузіазма. По Unter den Linden ходили толпы манифестантовъ съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ. Создавалось впечатлѣніе подъема, но при болѣе близкомъ ознакомленіи съ составомъ толпы оказывалось, что она состоитъ только изъ мальчишекъ и юныхъ студентовъ, которые поютъ патріотическія пѣсни какъ школьники подъ руководствомъ своихъ учителей. Но подлиннаго энтузіазма въ пользу войны мы въ Берлинѣ не наблюдали, несмотря на шовинистскіе зовы газетъ.

Агитація газетъ сыграла извѣстную роль въ озлобленіе берлинцевъ, которое во всей полнотѣ проявилось при нашемъ отъѣздѣ изъ Берлина.

Отъѣздъ былъ назначенъ на воскресенье въ 12 часовъ. Часть нашихъ чиновъ выѣхала на вокзалъ изъ своихъ квартиръ, часть должна была ѣхать изъ посольства. Съ утра передъ нашимъ домомъ

собралась толпа. Во избѣжаніе недоразумѣній, ворота были закрыты. Ихъ открыли лишь тогда, когда мы усѣлись въ автомобили. Я ѣхалъ впереди на автомобилѣ американскаго посла. Меня толпа не задѣла. Раздавались лишь враждебные возгласы. Но пассажиры слѣдующихъ автомобилей были жестоко избиты толпой.

Хотя Берлинъ офиціально опровергъ фактъ избіенія чиновъ русскаго посольства, но это было въ дѣйствительности. Толпа избила палками не только мужчинъ, но и дамъ. Серьезнѣе другихъ пострадалъ г. Храповицкій—его избили въ кровь. Въ толпѣ, избивавшей русскихъ, была не только берлинская чернь,—преобладали интеллигенты.

Безцеремонное отношеніе къ чинамъ русскаго посольства проявилось еще и въ арестахъ нѣкоторыхъ офиціальныхъ представителей Россіи. На улицѣ были арестованы: секретарь военнаго агента А. А. Голембіовскій, секретарь генеральнаго консульства Н. Н. Субботинъ и нѣкоторые другіе. Послѣ предъявленія своихъ документовъ всѣ были освобождены. Съ нашимъ поѣздомъ вернулись въ Петроградъ всѣ чины посольства, кромѣ посланника г. Лермонтова, который задержался въ Копенгагенѣ, и вице-консула г. Павловича, который оставленъ въ Стокгольмѣ для помощи тамошнему консулу. Неизвѣстна мнѣ судьба нашихъ консуловъ—успѣли ли они выбраться изъ Германіи. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній и о генералѣ Торнау. Ему былъ приготовленъ вагонъ до Копенгагена, но онъ не явился къ поѣзду. Предполагаютъ, что онъ арестованъ.

Изъ Берлина мы ѣхали довольно сносно. Правда, на вокзалѣ былъ сплошной адъ, полный безпорядокъ, но берлинцы были заняты проводами высокихъ особъ, и нашъ отъѣздъ прошелъ незамѣченнымъ.

Намъ былъ предоставленъ поѣздъ на 80 чел., точно такъ же, какъ и для гр. Пурталеса въ Петроградѣ. Это дало намъ возможность размѣститься не только самимъ, но и помѣстить нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ,—преимущественно больныхъ дамъ съ дѣтьми. Тѣхъ издѣвательствъ, которымъ подвергались наши соотечественники, мы, конечно, не испытали. Но въ пути намъ не было предоставлено никакихъ удобствъ, и намъ отказывали даже въ стаканѣ воды. Вообще, и въ дорогѣ съ нами были едва ли любезны...

Въ Даніи и Швеціи мы встрѣтили самое радушное и сердечное отношеніе. Въ Копенгагенъ мы пріѣхали поздно вечеромъ, шелъ дождь, но, несмотря на это, на вокзалѣ собралась громадная толпа, устроившая намъ оваціи. Когда мы уѣзжали изъ Стокгольма, вся станція махала платками, раздавались сердечные возгласы, свидѣтельствующіе о дружескомъ отношеніи шведовъ къ русскимъ. Наши дамы отправились въ Стокгольмѣ въ казармы къ своимъ несчастнымъ соотечественникамъ, застрявшимъ здѣсь по дорогѣ въ Россію. Было взято съ собой молоко, хлѣбъ, но все это оказалось лишнимъ, такъ какъ шведы великолѣпно накормили всѣхъ русскихъ, не взявъ никакой платы. Въ Стокгольмѣ было составлено три адреса шведскому народу въ благодарность за любезный пріемъ русскихъ. Мы отправили еще четвертый—отъ имени всѣхъ русскихъ.

Между прочимъ, въ стокгольмскихъ газетахъ мы прочли рядъ невѣрныхъ сообщеній изъ Россіи. Можно вообразить, что пишется сейчасъ въ берлинскихъ газетахъ. Въ послѣдніе дни въ Берлинѣ я былъ лишенъ возможности знакомиться съ газетами, такъ какъ у меня все посольство было переполнено русскими, стремившимися на родину. Было переполнено все: и передняя, и ванна. Письма писали на подоконникахъ, на спинахъ другъ у друга. Я привезъ въ Петроградъ болѣе тысячи писемъ, переданныхъ мнѣ оставшимися въ Берлинѣ русскими. Въ этихъ письмахъ въ яркихъ краскахъ описаны мытарства русскихъ подданныхъ, очутившихся въ моментъ объявленія войны въ Германіи. Объ ихъ мученіяхъ могу сказать лишь одно то, что пишется сейчасъ въ русскихъ газетахъ, является лишь блѣдной и слабой копіей происходившаго въ дѣйствительности.

Изъ пережитаго за границей.

Разсказъ К. Станиславскаго.

I.

Длинный рядъ пережитыхъ нами тяжелыхъ дней, полныхъ жуткими, а иногда и страшными впечатлѣніями, начался еще въ Маріенбадѣ, гдѣ насъ застало объявленіе войны Австріей Сербіи, гдѣ на нашихъ глазахъ происходила спѣшная мобилизація, гдѣ отношенія къ русскимъ обитателямъ курорта сразу круто измѣнились, атмосфера быстро насытилась подозрительностью и враждою.

Но это было лишь блѣдное начало по сравненію съ тѣмъ, что ждало насъ впереди, съ момента нашего отъѣзда изъ Мюнхена.

Прочно врѣзался въ память огромный мюнхенскій вокзалъ. Въ немъ—тихо-тихо, хотя онъ переполненъ. Какое-то настроеніе угрюмо-торжественное. Несчетные поѣзда съ солдатами и пушками. Такое впечатлѣніе, что кругомъ—какая-то сплошная сталь. Даже одѣтые въ однотонные сѣрые мундиры баварскіе солдаты кажутся изъ стали. И стальное небо. Мертвенная тишина. А толпа отъѣзжающихъ все растетъ. И недоумѣваешь, куда же помѣстится вся эта огромная и все растущая толпа. Преобладаютъ русскіе. Но не слышно звука русской рѣчи. Каждый боится проронить слово, чтобы не обратить вниманія, не возбуждать подозрѣнія. Вѣдь Мюнхенъ—во власти шпіономаніи. И жертвы этой маніи—русскіе.

Прошло полтора часа томительнаго и молчаливаго ожиданія отхода поѣзда. Иногда глубокую тишину вдругъ прорѣзалъ рѣзкій военный окрикъ, и опять все затихало. Потомъ откуда-то какіе-то побѣдоносные крики. Это прокричали отъѣзжающіе солдаты. Тишина словно поглотила торопливо эти крики, и опять мертвенно тихо. Въ стекла вокзала смотритъ зловѣщій закатъ. Густыя сумерки. И кажется, что всюду витаетъ смерть...

Люди близкіе стоятъ рядомъ, но не обмѣниваются и словомъ. Придумываешь себѣ какое-нибудь занятіе, что-то будто бы внимательно разглядываешь, только бы имѣть право молчать и этимъ упорнымъ молчаніемъ не возбуждать вниманіе грубой публики 3-го класса. Направо, налѣво—какія-то подозрительныя фигуры. Кажется, что это—сыщики. А съ сыщиками уже приходилось имѣть дѣло въ мюнхенской гостиницѣ.

Наконецъ, нашъ поѣздъ отошелъ подъ грубые, озлобленные крики.

Рядомъ съ нами сидятъ въ вагонѣ захмелѣвшіе баварскіе резервисты. Всю дорогу пьютъ пиво, хмелѣютъ все больше, поютъ военныя пѣсни, машутъ платками проѣзжающимъ мимо поѣздамъ. Наше упрямое безмолвіе становится, кажется, подозрительнымъ. Дамы начинаютъ о чемъ-то шептаться. Это перешептываніе еще подозрительнѣе... Жара нестерпимая. Мучаютъ жажда и голодъ...

Остановка. Всѣ заметались. Ужъ не Линдау - ли, ближайшая цѣль нашего путешествія? Я рискую спросить объ этомъ своего сосѣда, несомнѣнно, сыщика. Онъ, оказывается, знаетъ по - русски, знаетъ также, кто я. Другой сыщикъ чего - то смѣется. Оказывается, до Линдау еще далеко. Это—только Иммерштадтъ.

Вся станція набита полупьяными резервистами. Масса военныхъ. Вдругъ какой-то рѣзкій крикъ. На русскаго, вылѣзшаго изъ вагона, налетѣлъ военный, машетъ передъ самымъ его носомъ пистолетомъ. Что-то прокричалъ. И заколыхалось море голосовъ: «Russen... Spionen!». Такъ и гудятъ всюду эти слова. Забѣгали по станціи солдаты съ ружьями. Словно началась атака непріятеля. Откуда - то выскочилъ патруль съ обнаженными саблями. Въ нашъ вагонъ съ двухъ сторонъ врываются солдаты и на тѣхъ же штампованныхъ, военныхъ нотахъ кричатъ: «Hrraus! Russische Spionen! Hrraus!». Не забуду озвѣрѣвшаго лица солдата съ синими губами, который подбѣжалъ ко мнѣ.

— Кто вы?

— Русскій...

— Hrraus!

Багажъ летитъ въ окно. Насъ выталкиваютъ. Вся станція реветъ. Какіе - то люди въ азартѣ лѣзутъ на окна, на столбы, только бы получше разглядѣть насъ. Яркая картинка озвѣрѣнія и людского безумія...

Къ намъ подбѣгаетъ еще солдатъ и кричитъ, чтобы мы бросили багажъ. Насъ сталкиваютъ въ кучу. Солдаты продолжаютъ обходъ вагоновъ. Группа плѣнниковъ все растетъ. Растетъ и вой толпы. Толпа громко считаетъ, сколько поймали шпіоновъ. Потому въ ея глазахъ всѣ мы—несомнѣнные шпіоны. Тѣснымъ кольцомъ окружилъ насъ взводъ солдатъ со штыками. Солдаты то-и-дѣло направляютъ ружья. Кого-то ждутъ. Приходятъ какіе-то высшіе чины съ обнаженными саблями. Осмотрятъ насъ и проходятъ куда-то дальше.

Какъ мы потомъ узнали, уже истекъ срокъ, назначенный для отъѣзда иностранцевъ изъ Германіи, и послѣ этого срока мы, русскіе, считались военноплѣнными. Страшное слово сказано. Мы были тутъ первыми военноплѣнными, и потому нами, какъ новинкою, насладились во-всю. Чувство у насъ жуткое...

II.

Насъ построили парами. Часть солдатъ осталась на платформѣ, другая окружила насъ. И мы подъ этимъ прикрытіемъ благополучно прошли. Тѣ же, которые не были прикрыты, получали плевки, толчки и удары. Усердствовали главнымъ образомъ резервисты.

Насъ ввели въ маленькую комнату съ большими стеклянными окнами, почти во всю стѣну, съ двухъ сторонъ. Къ окнамъ этимъ прильнула ожесточенная толпа. Одни взбирались на плечи другимъ, чтобы лучше разсмотрѣть «русскихъ шпіоновъ»... Иногда во снѣ бываютъ такіе кошмары... Цѣлая стѣна человѣческихъ лицъ, и лица эти—уже не человѣческія, а какія-то звѣриныя. Налѣво—все больше мужчины резервисты, направо—женскія лица, впрочемъ не въ меньшей мѣрѣ озвѣрѣвшія. Особенно одно лицо выдѣлялось въ этой живой стѣнѣ своимъ яростнымъ выраженіемъ. Странно и отрадно, какъ легко очеловѣчивается звѣрь въ человѣкѣ... Стоило нашей спутницѣ Л. Я. Гуревичъ, извѣстной петроградской журналисткѣ, взглянуть ласково въ это лицо, потерявшее-было обликъ человѣческій, стоило ей улыбнуться своей доброй улыбкой, покачать съ полушутливымъ укоромъ

головою,—и «звѣрь» сконфузился, женщина затихла и больше уже ни разу не поддавалась соблазну жестокосердія.

Между тѣмъ въ комнатѣ, куда насъ загнали, начались какія-то жуткія приготовленія. Въ полураскрытыя окна и двери просунулись ружья. Стали зачѣмъ-то передвигать и переставлять столы, то такъ поставятъ, то этакъ. Все время входили и выходили какіе-то военные. За дверями на нѣсколько минутъ какъ-будто затихнетъ, потомъ опять—стонъ, визгъ и ревъ. И въ дверь влетали, часто тутъ же падая, новые плѣнники. То вбросили къ намъ сербку съ растрепанными волосами, за которые ее хватали резервисты, то беременную француженку, горько плакавшую. Иногда, когда дверь была отворена, явственно доносились ужасные звуки ударовъ. Кого-то били. Но я долженъ подчеркнуть,—тотчасъ же раздавался все тотъ же, уже такъ намъ знакомый военный окрикъ, призывалъ онъ къ порядку, и эксцессы прекращались. Опять на время возстановлялась тишина.

Долженъ вообще указать, что и тутъ, и раньше, въ Мюнхенѣ дурно вела себя по отношенію къ не-нѣмцамъ только толпа. Къ огорченію, не представляла исключенія и нѣмецкая интеллигенція. Но всѣ носящіе мундиръ, и военные, и чиновники, очень, правда, цѣплялись за всякія формальности, и иной разъ этотъ персоналъ въ формальностяхъ доводилъ до издѣвательства, былъ до тупости строгъ. Но съ нами были корректны.

Насъ разставили по панели комнаты, какъ-разъ противъ ружей, торчавшихъ въ окна. Закружились въ головѣ мысли о разстрѣлѣ. И странно, всѣми нами точно овладѣло какое-то спокойствіе. Во всякомъ случаѣ, было почему-то спокойнѣе, чѣмъ когда мы мыкались по вокзаламъ и вагонамъ. Я даже пощупалъ у себя пульсъ,—онъ былъ ровный и четкій. И такое спокойствіе было, кажется мнѣ, во всѣхъ. На секунду почему-то мелькнула у меня мысль: какъ это имъ не жаль хорошей панели? Вѣдь, когда будутъ насъ разстрѣливать, ее непремѣнно испортятъ. Потомъ я сталъ соображать, что если будетъ разстрѣливающихъ много, то смерть явится мгновенно. Но если шесть человѣкъ будутъ стрѣлять въ 50,—торчали въ окна шесть ружей,—то это будетъ уже не разстрѣлъ, а просто бойня... Мысленно я тутъ

же рѣшилъ, что въ этой комнатѣ съ панелью насъ разстрѣливать не станутъ, а поведутъ направо, на улицу, черезъ ревущую толпу, которая прилипла къ окнамъ. Тамъ—казармы, тамъ—поле...

Я вспомнилъ, что при мнѣ—свидѣтельство, которое мнѣ дала въ Мюнхенѣ наша миссія и въ которомъ удостовѣрялось, кто я, упоминалось и о томъ, что я игралъ въ присутствіи Вильгельма. Я рѣшилъ, что пришелъ моментъ попробовать воспользоваться этимъ документомъ, протянулъ бумагу одному военному, который мнѣ показался наиболѣе въ этой вооруженной толпѣ добродушнымъ. Бумага пошла по рукамъ. Военные заглядывали въ листъ, переглядывались между собою съ какимъ-то многозначительнымъ выраженіемъ. И намъ показалось, что настроеніе по отношенію къ намъ измѣнилось, стало помягче и потише...

Пришелъ офицеръ, прекрасно говорившій по-русски. Онъ сталъ о чемъ-то разспрашивать, что-то переводить другимъ, потомъ поспѣшно вышелъ. Уходя, онъ намъ заявилъ, что насъ держатъ потому, что идетъ важный переговоръ по телефону чуть-что не съ самимъ баварскимъ королемъ, и этотъ телефонный переговоръ долженъ рѣшить нашу участь.

III.

Долго простояли мы въ этой комнатѣ, на виду у толпы за большими окнами. Наконецъ, вышелъ приказъ—выходить, но по пяти человѣкъ. Пропустятъ пятерыхъ, и дверь опять на минуту затворится. Страшила мысль: что-то съ нами сдѣлаютъ резервисты и вообще вся эта толпа?.. Но толпѣ, должно-быть, уже наскучило забавляться жестокимъ зрѣлищемъ, она успѣла почти разойтись. Вѣдь была уже полночь. Насъ провели на платформу, посадили въ скверный вагонъ. И повезли... назадъ. «Вѣроятно, въ Мюнхенъ», подумали мы. Но всѣ мы такъ устали, такъ были измучены наши нервы, что было намъ уже совершенно безразлично. Везите, куда хотите, въ Мюнхенъ,—чтожъ, хотя въ Мюнхенъ...

Въ вагонахъ почти вся русская учащаяся молодежь, студенты,

экскурсанты. Сажали въ отдѣленіе по шести человѣкъ пассажировъ и стражу изъ двухъ резервистовъ. На долю нашего отдѣленія достался въ качествѣ стражи милый, ласковый баварскій крестьянинъ. Очень скоро съ него спала вся начальническая строгость, и онъ добродушно съ нами разговаривалъ, показывалъ чрезъ вагонное окошечко на огоньки въ его домикѣ, гдѣ онъ еще такъ недавно мирно жилъ, разсказывалъ, кто тамъ теперь остался.

Поѣздъ остановился. Нѣсколько времени дверцы вагоновъ оставались запертыми. Потомъ послышались военные окрики, грохотъ шаговъ марширующаго отряда. Дверцы распахиваются, раздается команда. Насъ высаживаютъ. Это—станція Кемпфенъ. Ночь. Станція тускло освѣщена. На станціи—абсолютно никого, кромѣ взвода солдатъ. Среди нихъ выдѣляется пренахальный толстякъ,—баварскій унтеръ-офицеръ или что-то еще въ этомъ родѣ. По его командѣ взводъ окружаетъ насъ. Но мы не двигаемся. Ждутъ кого-то, какое-то высокое начальство. А пока унтеръ-офицеръ вмѣстѣ съ солдатами глумится надъ нами. Говорятъ они на какомъ-то непонятномъ намъ жаргонѣ. Наконецъ, приходятъ какіе-то офицеры, рѣзко кричатъ, опять объявляютъ насъ военноплѣнными и предупреждаютъ, что при малѣйшемъ неповиновеніи въ насъ будутъ стрѣлять.

Долго пришлось намъ такъ стоять. Наконецъ, построили насъ по четыре въ рядъ,—непремѣнно по четыре,—и повели въ какую-то комнату. Опять, какъ въ Иммерштадтѣ, стали зачѣмъ-то передвигать столы, опять къ чему-то готовились. Солдаты сказали офицеру, что не у всѣхъ у нихъ есть патроны. Но наши нервы уже слишкомъ притупились, ничего уже не пугало, даже эти слова, о недостаткѣ патроновъ, очевидно, нужныхъ для разстрѣла. Наконецъ, вошелъ «онъ», кого все время ждали, главный начальникъ, въ чьихъ рукахъ—наша жизнь и наша судьба. Онъ—толстый, большой, некрасивый, но бритое его лицо съ большимъ носомъ пріятное. Въ обхожденіи очень мало похожъ на другихъ. Къ намъ обратился съ изысканной вѣжливостью вмѣсто того рѣзкаго окрика, къ которому насъ уже пріучили его предшественники во власти надъ нами. Онъ началъ-было что-то въ родѣ рѣчи къ намъ, но скоро прервалъ ее и спросилъ у унтеръ-офице-

ра, къ чему нарядъ. Приказалъ отпустить всѣхъ солдатъ, кромѣ четырехъ часовыхъ, которые и были поставлены у двухъ дверей. Просто и ласково онъ объяснилъ намъ, что мы пропустили означенный для выѣзда изъ Германіи срокъ и потому теперь считаемся военноплѣнными. Но намъ не грозитъ ничего страшнаго. Онъ поговоритъ по телефону съ властями въ Линдау и со швейцарскими властями въ пограничномъ Роршахѣ. Навѣрное, свободная Швейцарія не откажется насъ принять. Но мы должны выдать подписку, что обязуемся или остаться на швейцарскомъ берегу, или же, если это намъ не удастся, объявиться первому попавшемуся нѣмецкому солдату и сказать, чтобы онъ насъ арестовалъ. Тогда насъ будутъ содержать какъ военноплѣнныхъ въ казармахъ. На все это дается 24-хъ часовой срокъ. Но если мы этотъ срокъ пропустимъ, насъ будутъ уже разсматривать какъ бѣжавшихъ и поступятъ съ нами согласно законамъ военнаго времени. Сказавъ эту рѣчь, баварецъ приказалъ отпереть намъ залъ перваго класса, разрѣшилъ тутъ ѣсть и отдыхать до 6 часовъ утра, когда отойдетъ нашъ поѣздъ на Линдау.

Сначала вся буфетная прислуга и особенно хозяйка-буфетчица были болѣе чѣмъ нелюбезны, возмущались тѣмъ, что имъ приходится изъза «шпіоновъ» не спать ночь, работать. Но въ каждомъ человѣкѣ живетъ человѣкъ, какъ онъ ни озвѣрѣлъ. Хозяйка понемногу смягчилась, сложила гнѣвъ на милость. Я уложилъ жену спать на двухъ составленныхъ стульяхъ, самъ сталъ писать телеграммы въ швецарское посольство, ко всѣмъ знакомымъ въ Швейцаріи, хлопоча о нашемъ пропускѣ туда. Хозяйка подошла, заговорила. Потомъ пришелъ ея мужъ, призывавшійся резервистомъ; пришелъ, окончивъ свое дежурство, толстый унтеръ-офицеръ, который еще такъ недавно глумился надъ нами и позволялъ себѣ всякія грубыя выходки. Они подсѣли къ намъ, заговорили, вооружившись кружками пива, и оба оказались премилыми и предобродушными людьми. Простились мы съ ними уже какъ съ добрыми друзьями. Хозяйка буфета даже поднесла моей женѣ два цвѣтка и потребовала, чтобы та непремѣнно приняла ихъ отъ нея. Эта смѣна звѣря человѣкомъ, можетъ быть, одно изъ самыхъ сильныхъ и вмѣстѣ поучительныхъ впечатлѣній въ нашей эпопеѣ.

Пришелъ нашъ ласковый начальникъ. Онъ сказалъ, что Швейцарія насъ, вѣроятно, приметъ, впуститъ всѣхъ, кромѣ студентовъ, которыхъ она боится, но и имъ удастся выхлопотать разрѣшеніе. Стало поспокойнѣе на душѣ. Свѣтало. Мѣнялись караулы. Пришелъ новый начальникъ и отобралъ подписку. Прежде чѣмъ подписывать, я и ѣхавшій вмѣстѣ съ нами В. И. Качаловъ попросили намъ выяснить, съ какого момента начинается счетъ 24-хъ часовъ, данныхъ для отъѣзда въ Швейцарію. Казалось несомнѣннымъ, что счетъ надо вести съ момента подписанія бумаги, т.-е. съ 6 час. утра этого дня. Но новый начальникъ съ такимъ толкованіемъ не соглашался и рѣшилъ, что срокъ начинается съ того момента, какъ мы были взяты въ плѣнъ, т.-е. съ 10 час. вечера предыдущаго дня. При такомъ оригинальномъ счетѣ времени оставалось мало, трудно было обернуться. Но спорить не приходилось. Бумагу подписали. Дежурный сталъ зачѣмъ-то раздавать всѣмъ солдатамъ патроны. Начинавшее-было проясняться настроеніе опять стало мрачнымъ.

IV.

Свѣтали. Кто спалъ на составленныхъ стульяхъ, кто, свернувшись, на полу. Откуда-то привели еще новыхъ резервистовъ. Они жадно прильнули къ стекламъ большого окна, силясь разглядѣть насъ при слабомъ свѣтѣ. Наконецъ, знакомые выкрики на специфическихъ нѣмецко-военныхъ ноткахъ. Намъ приказано вставать и строиться. Когда мы «построились», насъ повели мимо резервистовъ, зло смотрѣвшихъ намъ вслѣдъ, на станцію. Подвели къ поѣзду, состоявшему исключительно изъ вагоновъ четвертаго класса. Разрѣшили осмотрѣть нашъ багажъ. Оказалось, что онъ въ поразительномъ порядкѣ сложенъ въ вагонахъ. Насъ посадили въ большой вагонъ четвертаго класса съ длинными скамьями. Поѣздъ тронулся. И настроеніе въ вагонѣ сразу измѣнилось. Всѣхъ окрылила надежда. Молодежь не могла удержаться отъ громкихъ разговоровъ, шутокъ. Гдѣ-то звенѣлъ смѣхъ, кто-то даже попробовалъ затянуть пѣсню. Я. и В. И. Качаловъ едва могли

остановить развеселившихся юныхъ нашихъ спутниковъ: такое веселье могло вѣдь очень обозлить нѣмцевъ, въ расчеты которыхъ, несомнѣнно, входило какъ можно болѣе насъ напугать, нагнать страхъ...

Поѣздъ еле плелся, останавливался на всѣхъ самыхъ крохотныхъ станціяхъ. Намъ обѣщали, что пріѣдемъ къ мѣсту въ 8,—шелъ уже одиннадцатый часъ. А опозданіе грозило намъ самыми большими непріятностями. Мы могли пропустить срокъ для выѣзда изъ предѣловъ Германіи, это могло быть для насъ роковымъ... И только швейцарскій пароходъ и швейцарскій берегъ въ перспективѣ поддерживали ставшую снова падать бодрость. Наконецъ, поѣздъ подошелъ къ Линдау. Остановились, долго-долго стоимъ. Вагона не отпираютъ. Опять знакомое острое томленіе ожиданія, опять тяжелый шумъ шаговъ на станціи,—идетъ какой-то взводъ. И опять громкіе окрики какого-то молодого, звонкаго голоса.

Пришелъ юный офицеръ, только-что надѣвшій мундиръ, хорошенькій, аккуратный и щеголеватый. На киверѣ съ пикой—чехольчикъ изъ матеріи. Онъ по профессіи—адвокатъ. И потому большой любитель произносить рѣчи. Весь смыслъ его рѣчи тотъ, что мы—военноплѣнные, что мы и такъ уже предостаточно знаемъ. Говорилъ офицеръ-адвокатъ свою рѣчь какъ заправскій актеръ, щеголяя четкостью дикціи и, какъ полагается нѣмецкому декламатору, нараспѣвъ. Иногда вплеталъ онъ въ свою рѣчь нотки трагическія, главнымъ же рессурсомъ для произведенія эффекта была все та же высокая военная нотка. Мы отслушали рѣчь, и насъ высадили изъ вагоновъ. Тутъ намъ было объявлено, что женщины свободны, могутъ итти, куда хотятъ, мужчины же будутъ отведены въ крѣпость. Моя жена отказалась уходить, заявивъ, что раздѣлитъ участь мужчинъ. Противъ этого не возражали. Бывшую съ нами Л. Я. Гуревичъ мы убѣдили воспользоваться предложенной свободой и ѣхать хлопотать за насъ, передали ей всѣ письма и телеграммы, которыя написали за ночь. Нашъ багажъ уложили на телѣжку и мы подъ проливнымъ дождемъ тронулись, окруженные солдатами. Насъ повели по улицамъ между двухъ шпалеръ народа, который желалъ посмотрѣть «русскихъ шпіоновъ». Но лица у

этой линдауской толпы были уже иныя,—было на этихъ лицахъ написано сожалѣніе и участіе.

Вели насъ довольно долго. Привели къ крѣпости. Ворота со скрипомъ отворились. Очень большой плацъ, окруженный каменными постройками. На немъ—солдаты; всякаго рода оружія. Идетъ ученье. Такъ и казалось, что демонстрируютъ передъ нами всю ловкость и силу нѣмецкаго солдата. «Вотъ пойдите и разскажите своимъ. Пусть знаютъ»,—точно говорили намъ.

Ввели въ огромный сарай, гдѣ по угламъ свaленъ какой-то хламъ. Дверь оставили отворенной,—можетъ быть, чтобы мы не переставали быть подъ впечатлѣніемъ производившихся на плацу грозныхъ эволюцій. Сарай окружили конвойные. Внутри сарая оказались партіи русскихъ, которые ѣхали съ нами до Кемпфена и оттуда отпущены, когда насъ тамъ арестовали. Нашлось довольно много знакомыхъ: нѣсколько участниковъ далькрозовской школы въ Геллерау, нѣсколько москвичей, петербуржцевъ. Былъ тутъ между прочимъ мюнхенскій художникъ В. В. Кандинскій. Одинъ петербуржецъ былъ въ особенно сильномъ отчаяніи: его съ двумя малолѣтними сыновьями заарестовали здѣсь, жену съ другими дѣтьми куда-то отправили. Встрѣча была чисто русская, довольно шумная. Заговорили, заволновались. И тотчасъ же знакомый окрикъ: мы—военноплѣнные и должны себя сооотвѣтственно вести. Принесли ѣсть,—хлѣба и воды. Осмотрѣли наши паспорта и объявили, что будутъ уводить маленькими группами, чтобы раздѣвать и обыскивать. Увели такъ первую группу,—трехъ мужчинъ и трехъ женщинъ. Размѣстили ихъ въ разныхъ камерахъ. И тамъ дѣйствительно раздѣвали и обыскивали. Приставленныя къ осмотру женщинъ молодыя дѣвушки, какъ мнѣ разказывали потомъ подвергавшіяся обыску, все время очень смущались, что имъ приходится принимать участіе въ такой операціи, конфузились и извинялись. Такъ обыскали группы четыре и перестали. До меня, слава Богу, чередъ не дошелъ.

Пришелъ маленькій бритый офицерикъ, почти юноша, тоже, какъ оказалось, адвокатъ, тоже въ мундирѣ съ иголочки и тоже очень многорѣчивый. Этотъ говорилъ рѣчь по каждому поводу. Въ формѣ очень ви-

тіеватой онъ предложилъ желающимъ написать открытыя письма роднымъ, но обязательно на нѣмецкомъ языкѣ, предупредивъ, что они подвергнутся военной цензурѣ. Всѣ формальности намекали, что это—послѣднее прощаніе наше съ близкими, что впереди—долгое заключеніе, если не что-нибудь похуже...

Появился какой-то высшій военный чинъ, толстый, съ пивнымъ посомъ, и произнесъ энергичную рѣчь на тему, что мы—военноплѣнные... Сколько выслушали мы такихъ рѣчей! Еще начальство,—худой, стройный офицеръ съ моноклемъ въ глазу, точно сорвавшійся со страницы «Симплициссимуса», по-военному дерзко-франтовый, рѣзко бросавшій какія-то скомканныя фразы. Онъ занялся осмотромъ нашихъ вещей. Пока осматривали вещи, мы писали почтовыя карточки и передавали ихъ одному изъ офицеровъ.

И вдругъ слухъ, съ каждой минутой все болѣе настойчивый, что насъ здѣсь не законопатятъ, но отведутъ на корабль, чтобы ѣхать въ Швейцарію. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ обращеніе съ нами офицеровъ измѣнилось очень замѣтно. Еще немного,—и они стали даже очаровательно-любезными. Стали кокетничать своей гуманностью, своей изысканностью въ любезности. Одна изъ бывшихъ съ нами барышень пожаловалась, что очень жарко. Офицеръ-адвокатъ эффектнымъ жестомъ вынулъ изъ ноженъ саблю, чтобы ею отворить помѣщавшееся высоко окно, и такимъ же эффектнымъ жестомъ вложилъ затѣмъ въ ножны. Потомъ онъ всталъ на стулъ и произнесъ рѣчь, но ужъ шутливую, въ родѣ того, какъ нѣмцы говорятъ за обѣдами спичи. Онъ сталъ говорить о томъ, что стоитъ ли отправлять почтовыя карточки, разъ мы получили свободу, что вѣдь этакъ только напугаемъ своихъ родныхъ. Не лучше ли разорвать и бросить? Мы согласились. Тогда онъ вынулъ изъ кармана большой ножъ, надрѣзалъ сверху и снизу довольно толстую пачку и передалъ солдату. Тотъ разорвалъ пачку.

Я стоялъ рядомъ съ офицеромъ изъ «Симплициссимуса». И мнѣ показалось, что онъ слѣдитъ, какое впечатлѣніе производятъ на меня эволюціи на плацу, чувствую ли я достаточно глубоко, на какой высотѣ совершенства нѣмецкіе солдаты. Ему предстояло большое удовольствіе. Двѣнадцать отборныхъ солдатъ проходили какъ-разъ мимо

него. Поравнявшись, они какъ одинъ человѣкъ подняли правую ногу, какъ одинъ человѣкъ повернули вправо голову и впились глазами въ офицера. Въ такой неестественной позѣ они замерли, пока офицеръ, выдержавъ паузу, не приложилъ пальца къ козырьку. Видно было, что вся эта картина наполнила его сердце великой гордостью.

Должно-быть, то, что было продѣлано, было высшей школой военной выправки.

Опять насъ выстроили по четыре въ рядъ, предупредивъ, что если кто сдѣлаетъ хоть шагъ въ сторону, будутъ стрѣлять. Окружили солдатами и повели по улицамъ, опять чрезъ стоявшую шпалерами толпу. Мы проходили мимо какого-то кафэ. Тутъ насъ ждала уже толпа свѣтская, нарядная. Всѣ навели на насъ бинокли, лорнеты и жадно разсматривали «русскихъ шпіоновъ».

Подошли къ пристани. Изъ какого-то домика вышелъ большой, толстый пасторъ со славнымъ лицомъ. Онъ потомъ сыгралъ въ нашей судьбѣ довольно большую роль. Онъ—другъ художника Кандинскаго и поѣхалъ вмѣстѣ съ послѣднимъ, чтобы проводить его до Роршаха, гдѣ у пастора—имѣніе. Это былъ совсѣмъ пасторъ изъ мелодрамы, являющійся въ роковой моментъ и приводящій всѣ ея тяжкія перипетіи къ благополучному окончанію.

Онъ присоединился къ нашей толпѣ и пошелъ съ нею на пристань. Тутъ стоялъ нѣмецкій пароходъ. Насъ стали на него сажать. Вдругъ пасторъ что-то очень заволновался, съ большимъ темпераментомъ, котораго еще за секунду немыслимо было ожидать отъ этого тучнаго и спокойнаго человѣка, сталъ что-то доказывать офицеру. Онъ убѣждалъ офицера, что вышла путаница, говорилъ о какомъ-то заказанномъ обѣдѣ на тридцать кувертовъ, еще о чемъ-то. Мы не могли понять, въ чемъ дѣло; не понималъ, видимо, и офицеръ. А пасторъ горячился все больше и все сильнѣе запутывалъ офицера. Наконецъ, офицеръ махнулъ рукой и приказалъ, чтобы мы шли назадъ съ парохода. Это повергло насъ въ полное отчаяніе. Казалось, надежда ступить скоро на спасительный швейцарскій берегъ Боденскаго озера рухнула. И какъ будто пасторъ былъ тому виной...

Подъ проливнымъ дождемъ насъ свели на улицу. И мы тамъ стоя-

ли въ тревожномъ и тоскливомъ ожиданіи. Я стоялъ какъ разъ подлѣ пастора. Видѣлъ, какъ къ нему подбѣжалъ какой-то лакей и тоже сталъ говорить о заказанномъ обѣдѣ, о таинственныхъ 30-ти кувертахъ. Потомъ мы узнали, что эти «тридцать кувертовъ» были нашими спасителями, что это была уловка, придуманная милымъ нашимъ пасторомъ. Если бы мы отошли въ Швейцарію на нѣмецкомъ пароходѣ,— Швейцарія не приняла бы насъ. Пасторъ это зналъ и хотѣлъ какъ-нибудь выгадать время, не допустить нашей отправки на нѣмецкомъ пароходѣ. А такъ какъ нѣмецкій офицеръ настаивалъ, чтобы мы ѣхали немедленно, то пасторъ и рѣшилъ его запутать, сочинилъ что-то, припуталъ какимъ-то образомъ тридцать кувертовъ. И мы были спасены. Безъ этого мы, возвращенные отъ швейцарскаго берега назадъ на германскій, застряли бы надолго въ Линдау въ качествѣ военноплѣнныхъ...

Прошелъ часъ. Подошелъ швейцарскій пароходъ. Мы перебрались на него. Пароходъ сталъ отходить отъ нѣмецкаго берега. Пасторъ, счастливый, что ему удался его спасительный планъ, такъ и свѣтился радостью.

V.

Мысленно прощаемся мы съ такъ сурово обошедшейся съ нами Германіей. И не чувство злобы у меня на душѣ къ этой странѣ, гдѣ у меня было столько друзей по моему искусству, но чувство жалости, что вырастила она у себя цѣлую новую породу людей съ каменными сердцами...

Пароходъ присталъ къ швейцарскому берегу. Полные надеждъ сходимъ мы. Но у послѣдняго трапа — остановка. Опять насъ не пускаютъ, опять разсматриваютъ наши паспорта. Уводятъ каждаго отдѣльно въ какое-то помѣщеніе, спрашиваютъ, сколько у кого съ собой денегъ. И такое чувство, что не въ Швейцаріи мы, но попали снова въ Германію...

Но не приходится винить Швейцарію. Нужно встать въ ея очень трудное положеніе. Ей приходится принимать первый транспортъ русскихъ, и транспортъ большой, и въ большинствѣ все это—полуголодные

люди. А совсѣмъ близю Линдау, и оттуда слѣдятъ нѣмцы, готовые послать упрекъ въ излишней любезности къ ихъ врагамъ. Чудится обвиненіе въ нарушеніи нейтралитета. И когда я вдумываюсь въ то, что дѣлали съ нами въ пограничномъ Роршахѣ, все больше мнѣ кажется, что было это лишь особымъ маневромъ, чтобы дать русской толпѣ незамѣтно растаять въ Швейцаріи. Но этотъ маневръ намъ пришлось испытать на своей спинѣ.

Проходятъ нѣсколько часовъ мучительнаго ожиданія. Насъ шатаетъ между надеждой и отчаяніемъ, что вернутъ обратно въ Германію. А уже сгустились сумерки. Рѣшенія нашей судьбы все еще нѣтъ. Насъ привели подъ конвоемъ въ какое-то большое третьяго сорта кафэ, чтобы мы поѣли и отдохнули, пока бернскій бундесратъ занимается вопросомъ о томъ, какъ съ нами быть. Такъ мы прождали до 11 час. вечера. Бундесратъ все продолжалъ, говорили намъ, свое совѣщаніе. Наконецъ, насъ отпустили по гостиницамъ, спать, но обязавъ завтра въ девять опять притти и узнать рѣшеніе. Такъ прошло три дня. То насъ отпускали внутрь Швейцаріи, то возвращали въ Германію... Затѣмъ частнымъ образомъ стали отдавать по гостиницамъ паспорта, и, такимъ образомъ, русская толпа незамѣтно разсѣялась, разсыпалась по Швейцаріи. Въ этомъ незамѣтномъ распыленіи, думается мнѣ, и была истинная цѣль всего того, что съ нами продѣлали въ Роршахѣ.

Мы проѣхали въ Бернъ. Онъ имѣлъ видъ совершенно опустошеннаго города. Совсѣмъ не видно взрослыхъ мужчинъ. Только женщины да дѣти. И по опустѣвшему городу проносились автомобили съ военными, проходили взводы швейцарскихъ солдатъ. Видъ у нихъ великолѣпный. Народъ все очень рослый, сильный, какъ на подборъ.

Положеніе наше въ Бернѣ было тяжелое. Сидѣли безъ денегъ, такъ какъ иностранныхъ денегъ не мѣняли, даже французскихъ, по аккредитивамъ почти ничего не выплачивали. Долженъ тутъ же отмѣтить, что отношеніе къ намъ, русскимъ, въ Швейцаріи было безупречное. Правда, въ германской Швейцаріи всѣ симпатіи, повидимому, на сторонѣ Германіи. Но съ нами обращались съ полной предупредительностью, дѣлали все, что нужно, все, что диктовалось сознаніемъ

своего долга передъ застрявшими тутъ мирными иностранцами. Не было, пожалуй, въ швейцарскихъ отношеніяхъ къ намъ теплоты, трогательной сердечности. Но корректность была полная. Наша маленькая миссія была застигнута событіями поистинѣ врасплохъ. Въ первые дни совершенно растерялась передъ необходимостью кормить и затѣмъ переправить какъ-нибудь на родину тысячи и тысячи русскихъ туристовъ. Миссія стала увеличивать свой персоналъ, при чемъ привлекала всѣхъ, кого могла. Такъ, сталъ работать въ миссіи Бубновъ изъ мюнхенскаго посольства, фонъ-Фелькнеръ изъ Франкфурта, Волконскій изъ Рима. Приняли въ работѣ миссіи и многіе добровольцы. Много дѣлалъ для примѣра для русскихъ мѣстный профессоръ Рейхесбергъ; принялъ большое участіе въ работѣ по организаціи помощи одинъ присяжный повѣренный изъ Харькова. Вблизи миссіи—скверъ, и въ немъ зданіе какого-то театра или кафешантана. Это помѣщеніе было отведено для русскихъ, и каждый день сходились они сюда, получали горячую пищу, молоко. Сюда же стали являться швейцарцы со своими пожертвованіями натурой. Кто принесетъ курицу, кто—барана, бобовъ и т. д. Конечно, положеніе большинства русскихъ было ужасающее. Двѣ московскихъ балерины были принуждены, чтобы какъ-нибудь прокормиться, поступить въ труппу бродячаго цирка и тамъ танцовать. На одной аристократкѣ ея роскошное платье, единственное, какое уцѣлѣло, обратилось въ настоящіе лохмотья. А въ карманѣ у нея—буквально ни гроша...

Не безъ зависти поглядывали мы на застрявшихъ англичанъ. Какую заботу проявило по отношенію къ нимъ ихъ правительство! Оно организовало быстро спеціальные для нихъ поѣзда до Ламанша, прислало артельщиковъ съ тючками золота. На каждые двадцать человѣкъ былъ присланъ докторъ. Пріѣхали даже спеціальные экспедиторы, чтобы отправить въ Англію багажъ застрявшихъ въ Швейцаріи...

Послѣ долгихъ мытарствъ, обусловливавшихся и безденежьемъ, и неизвѣстностью, какъ добраться до родины, какіе пути открыты туда и сколько-нибудь безопасны, мы, наконецъ, рѣшили ѣхать моремъ черезъ Марсель, хотя и добраться до Марселя было далеко не легко и путь отъ Марселя былъ далеко не обезпеченъ отъ всякихъ

опасностей и жуткихъ случайностей. Но выбирать и медлить не приходилось.

Въ Ліонъ мы пріѣхали ночью. Это были какъ-разъ тѣ дни, когда нѣмцы стали двигаться къ югу Франціи. Настроеніе въ Ліонѣ—угнетенное. И это настроеніе еще увеличивали все прибывавшіе транспорты раненыхъ. Гарсонъ въ отелѣ разсказалъ намъ, что взятъ какой-то городъ, а онъ—только въ ста километрахъ отъ Ліона, что, значитъ, не сегодня—завтра врагъ—у воротъ Ліона. Потомъ оказалось, что вся тревога была по недоразумѣнію. Два городка во Франціи носятъ одинаковое имя. Одинъ изъ нихъ—близъ Парижа, другой—подъ Ліономъ. Вѣсти касались перваго...

Наконецъ, мы въ Марселѣ. Тутъ—картина совершенно иная. Выпалъ къ тому же отличный солнечный день. Всѣ улицы полны, чрезвычайное оживленіе. Нарядная, чисто-парижская толпа. Постоянно проходятъ войска, и улица устраиваетъ имъ самыя восторженныя оваціи. Клики, аплодисменты, цвѣты. Особенно сильны стали оваціи, когда появились туркосы изъ Марокко. Красивыя, картинныя лица, красивые костюмы, великолѣпные кони. Было въ этихъ заморскихъ войскахъ что-то оперное. Точно перенесли на улицу Марселя актъ изъ «Аиды». Марсельцы встрѣчаютъ ихъ ликующе. И такъ же восторженно отвѣчаютъ туркосы, кричатъ, что Франція можетъ быть спокойна. Они опрокинутъ нѣмца!..

Вотъ мы и на пароходѣ. До Мальты—бурно. Отъ Мальты море тихое; ѣдемъ очень хорошо, но все время мучаетъ вопросъ о Дарданеллахъ. Пропустятъ—не пропустятъ... Между Мальтой и Архипелагомъ—много французскихъ и англійскихъ военныхъ судовъ. Чѣмъ ближе къ Дарданелламъ, тѣмъ этихъ судовъ все больше. Доѣхали до Смирны. Настроеніе тамъ напряженное. Но все-таки часть нашихъ пассажировъ рискнула сойти на берегъ, побывать въ турецкомъ городѣ. Вотъ и Дарданеллы. Мы прошли мимо двухъ фортовъ, стали сигнализировать. Намъ отвѣтили, что уже поздно, что нужно ждать восхода солнца, хотя былъ еще далеко не вечеръ. Мы стали на якорь, такъ простояли остатокъ дня и всю ночь. Явился пилотъ, чтобы вести насъ мимо минныхъ загражденій. Вдругъ на всемъ ходу турецкій

крейсеръ даетъ сигналъ остановиться. Объявляетъ, что насъ пропустятъ при условіи, если капитанъ возьметъ на бортъ турецкихъ солдатъ и офицера. Это—противъ всякихъ правилъ. Но о правилахъ думать не приходится. Капитанъ соглашается. На нашъ пароходъ входятъ солдаты въ красныхъ фескахъ. Расхаживаютъ по всѣмъ направленіямъ, зачѣмъ-то заглядываютъ въ каюты... Турецкіе офицеры запечатываютъ аппараты безпроволочнаго телеграфа. Когда мы миновали Дарданеллы, турки сошли съ парохода. Мы пристали къ Константинополю. Настроеніе — крайне напряженное. Атмосфера парохода насыщается всякими тревожными слухами. Хотя русскій консулъ, явившійся на пароходъ, и рекомендовалъ не сходить на берегъ, нѣкоторые изъ пассажировъ все-таки сошли, побывали въ городѣ. Вернувшись, разсказывали, что въ Константинополѣ—чрезвычайное оживленіе, мобилизація въ полномъ ходу. Капитанъ нашъ рѣшилъ не медлить въ Константинополѣ, и въ тотъ же день мы отошли. Прошли первую линію минныхъ загражденій. Опять остановка. Опять вошли офицеры, но уже для того, чтобы распечатать безпроволочный телеграфъ. Пошли дальше. Вдругъ какое-то волненіе. Выстрѣлы изъ пушки. Мы зашли за указанную для торговыхъ судовъ линію. Вдали показалось громадное военное судно. Оказалось, что это — пресловутый «Гебенъ», возвращающійся изъ Чернаго моря, куда онъ выходитъ каждый день для какихъ-то эволюцій. Вокругъ «Гебена», который всѣ продолжаютъ такъ именовать, хотя онъ оффиціально переименованъ на турецкій ладъ,—цѣлая свита крейсеровъ, миноносцевъ. Очевидно, мы остановлены, чтобы дать пройти этому великану. Кажется, что «Гебенъ» идетъ прямо на насъ. Но посторониться мы не можемъ, такъ какъ прижаты почти вплотную къ миннымъ загражденіямъ. Сдѣлаемъ шагъ,—взлетимъ на воздухъ. «Гебенъ» идетъ, такъ сказать, напроломъ, не держась полагающейся стороны. И проходитъ мимо насъ почти бортъ къ борту. На пароходѣ—высшее напряженіе тревоги и страха. И, какъ объяснилъ потомъ мнѣ капитанъ, мы дѣйствительно были на волосъ отъ гибели. Зато мы имѣли возможность разглядѣть команду на «Гебенѣ». Офицеры—въ нѣмецкой формѣ. Устроенный съ «Гебеномъ» маскарадъ, очевидно, уже не считается нужнымъ продолжать.

Когда мы поравнялись, вся команда, точно одинъ человѣкъ, повернулась къ намъ спиной и сдѣлала непристойный жестъ. Такъ германцы хотѣли, способомъ чисто ребяческимъ, выразить намъ, русскимъ, свое презрѣніе.

Наконецъ, мы вышли изъ Босфора. Ширь Чернаго моря. На слѣдующій день мы—въ Одессѣ. На пароходъ нашъ вошелъ нашъ русскій офицеръ, привѣтствуетъ насъ съ благополучнымъ возвращеніемъ, приноситъ вѣсть, что взятъ Ярославъ. Пароходъ огласился звуками гимна. Потомъ поютъ «Марсельезу». На утро мы подходимъ къ берегу, сходимъ на русскую землю. Кончился этотъ долгій и мучительный путь, кончились эти жестокія недѣли за границей. Мы—дома, мы—въ Россіи.

Въ Одессѣ тревожно. Ходятъ волнующіе слухи: возможна бомбардировка города, потому что не сегодня—завтра, Турція ввяжется въ войну и ея флотъ, въ центрѣ котораго—нѣмецкій броненосецъ, бросится къ черноморской красавицѣ. При такихъ условіяхъ оставаться въ Одессѣ, какъ ни велика потребность отдохнуть, не приходится. И мы на слѣдующій день тронулись въ путь въ Москву.

К. Станиславскій.

Отъ Вѣны до Петрограда.

Впечатлѣнія очевидца.

15 іюля я выѣхалъ изъ Рима, а 17 былъ уже въ Вѣнѣ. Пріѣхалъ туда я утромъ и разсчитывалъ тотчасъ же съ другого вокзала отправиться въ Петроградъ. На почтѣ на мое имя лежала телеграмма съ извѣщеніемъ о переводѣ денегъ на Wiener-Bank-Verein. Безъ полученія этихъ денегъ я не могъ ѣхать дальше. Я поѣхалъ въ банкъ, но тамъ денегъ не оказалось. Пришлось остаться. На другой день я поѣхалъ опять, но уже съ твердой увѣренностью получить деньги, но на этотъ разъ меня приняли суше и прямо сказали, что никакихъ

денегъ изъ Россіи нѣтъ. Я опять поѣхалъ на третій день. Тогда мнѣ уже сказали, что никакихъ денегъ изъ Россіи не будетъ. Оставалось только обратиться къ генеральному консулу. Въ консульствѣ было очень много народа. Всѣ получали на дорогу безплатные билеты и даже деньги. Выслушавъ меня, консулъ сказалъ, что денегъ я уже навѣрное не получу совсѣмъ, и предложилъ мнѣ помощь и безплатные билеты до Волочиска, совѣтуя ѣхать немедленно. Это было 19 іюля. Съ Nordbahn поѣзда отправлялись каждыя четверть часа. Ѣхали преимущественно русскіе туристы и австрійскіе новобранцы. Послѣдніе были всѣ страшно пьяны и привѣтствовали себя жидкими hoch. Вся Вѣна въ этотъ день была въ слезахъ. На войну были призваны старые и малые. Не было ни одного семейства, изъ котораго бы не взяли въ солдаты. Какъ я слышалъ, въ этотъ день было отправлено около полутораста поѣздовъ. На промежуточныхъ станціяхъ до Кракова поѣзда наполнялись новобранцами. Всѣ коридоры и площадки были набиты биткомъ. Пройти по поѣзду не было никакой возможности даже кондуктору. Такъ я проѣхалъ около сорока часовъ и 21 іюля, утромъ, пріѣхалъ въ австрійскій Подволочискъ. Здѣсь насъ высадили, отобрали паспорта и сказали, что русская граница закрыта. На нашъ вопросъ, почему же намъ продавали билеты и даже не предупредили раньше?—намъ отвѣтили, что русскіе не хотятъ насъ принимать, что они противъ нашего перехода черезъ границу ничего не имѣютъ, но русскіе будутъ въ насъ стрѣлять. Я сказалъ, что мнѣ пріятнѣе умереть отъ русской пули, нежели оставаться здѣсь. Тогда они формально приказали «брать билеты и ѣхать обратно въ Вѣну». Долженъ оговориться, что со мной въ поѣздѣ пріѣхали одинъ докторъ и четверо русскихъ студентовъ изъ Граца. Мы поѣхали обратно, рѣшивъ обратиться къ консулу въ Лембергѣ. Сѣли мы безъ билетовъ въ III классъ. Хотя деньги у насъ и были, но надъ нами уже висѣлъ призракъ страшной нужды въ чужой враждебной странѣ. Мы имѣли возможность убѣдиться, что на гуманное отношеніе намъ разсчитывать нечего. Днемъ мы пріѣхали въ Лембергъ (собственно говоря, были высажены въ Лембергѣ). Моя сестра, воспитанница Смольнаго института, и студенты остались на перронѣ, а меня и доктора

portier привелъ къ начальнику станціи. Докторъ объяснилъ ему наше положеніе и назвалъ меня. Portier перебилъ и что-то началъ говорить, смѣшивая польскія и нѣмецкія слова, повидимому, противъ насъ. Начальникъ станціи рѣзко оборвалъ его и вышелъ въ другую комнату.

— Что же вы стоите?—закричалъ намъ portier.—Больше ничего!

— Какъ ничего?—спросили мы.

— Да такъ, уходите. Только больше не вздумайте безъ билетовъ по дорогѣ ѣздить. Ступайте къ своему консулу, онъ вамъ дастъ билеты.

— А гдѣ живетъ консулъ?

— Улица Андрея Потоцкаго. Тамъ знаютъ.

Мы съ докторомъ поѣхали къ консулу. Пріѣхавъ по указанному адресу, мы узнали, что онъ живетъ совсѣмъ въ другой части—на Rinkenplatz.

У дома консула стояли конные и пѣшіе жандармы.

— Я ничего не могу для васъ сдѣлать, господа,—были первыя слова консула.—Сегодня у меня перебывало уже нѣсколько сотъ человѣкъ. Я получаю въ годъ тысячу кронъ для раздачи пособій. Сегодня роздалъ все, даже свое. Вотъ завтра получу кредитъ на полугодіе—пятьсотъ кронъ. Сколько же я могу раздавать?—по десяти кронъ не болѣе. Билетовъ у меня нѣтъ. Я самъ почти, какъ плѣнный. Слуга мой взятъ въ солдаты, а секретарь арестованъ. Мои бумаги съ почты мнѣ возвращаютъ обратно: телеграммъ не только шифрованныхъ, но даже и простыхъ не принимаютъ. Я хотѣлъ сообщить въ Вѣну, чтобы больше не посылали на Волочискъ, такъ какъ граница закрыта, такъ и этого не хотятъ сообщить. Хотите, оставайтесь здѣсь, моя квартира къ вашимъ услугамъ.

Теперь, вѣроятно, консулъ уже арестованъ. Городъ Лембергъ сейчасъ превращенъ въ военный лагерь. Вездѣ по улицамъ ходятъ патрули и солдаты съ музыкой. Шпіоны и сыщики у каждаго магазина, на каждомъ углу. Нигдѣ я не видѣлъ ихъ такъ много, какъ въ Львовѣ (Лембергѣ). Да, я чуть не забылъ сказать, что консулъ показалъ намъ желѣзнодорожную карту и совѣтовалъ ѣхать черезъ Румынію. «Это единственная возможность», сказалъ онъ.

Мы вышли. Докторъ успѣлъ уже сѣсть въ экипажъ, какъ около меня очутился австрійскій офицеръ и схватилъ за руку. Насъ повели въ тотъ же домъ, гдѣ живетъ консулъ (быть-можетъ, онъ изъ окна видѣлъ нашъ арестъ?..) и произвели обыскъ подъ угрозой револьвера. Послѣ этого насъ отправили въ жандармское управленіе въ сопровожденіи главнаго агента полиціи и конвоя съ обнаженными шашками. Здѣсь насъ подвергли допросу и вторичному обыску, который производили солдаты.

Докторъ объяснилъ, что онъ русскій врачъ, хотя и окончилъ высшее училище въ Австріи. Практиковалъ въ Вѣнѣ и извѣстенъ всѣмъ вѣнскимъ профессорамъ. За меня объяснялся докторъ, такъ какъ я не владѣю ни нѣмецкимъ, ни польскимъ языками.

— Вы куда?

— Въ Петроградъ, — отвѣтилъ я.

— Гдѣ всегда живете?

— Въ Петроградѣ.

— Такъ, а откуда сейчасъ ѣдете?

— Изъ Вѣны.

— А въ Вѣну откуда пріѣхали?

— Изъ Италіи.

— А какъ проѣзжали въ Италію?

— Черезъ Вѣну.

— Останавливались?

— Да.

— На сколько времени?

— На три дня.

— Ну, конечно, это онъ, — сказалъ главный агентъ. Онъ пошептался съ офицеромъ.

— Ваше имя?

— Я назвалъ себя.

— Fürst russiche! Панъ-князь,—воскликнулъ онъ. Онъ началъ читать паспорта. Намъ тотчасъ же подали стулья и насъ окружили солдаты. А черезъ пять минутъ уже звонили шефу полиціи, что «арестовали двухъ важныхъ преступниковъ, переодѣтыхъ оберъ-лей-

тенантовъ, изъ которыхъ одинъ князь, а другой выдаетъ себя за доктора». Здѣсь насъ продержали еще нѣсколько часовъ. Затѣмъ повели съ конвоемъ въ какой-то домъ, гдѣ держали около получаса на лѣстницѣ и, наконецъ, только вечеромъ мы попали въ управленіе шефа полиціи, гдѣ послѣ всевозможныхъ допросовъ (къ намъ скоро присоединили мою сестру и студентовъ) намъ разрѣшено было ѣхать дальше. Здѣсь допрашивалъ насъ помощникъ шефа—интеллигентный полякъ, который убѣдился, что мы за «шпіоны». Онъ указалъ намъ стоимость билетовъ въ Черновицы (гдѣ посовѣтовалъ визировать паспорта у румынскаго консула), время отхода поѣздовъ и предоставилъ намъ свободу. Онъ сказалъ, что внѣ предѣловъ Лемберга ничего не можетъ для насъ сдѣлать, но все же проштемпелюетъ наши паспорта, отчего, быть можетъ, намъ и не будутъ больше чинить препятствій, такъ какъ мы можемъ сослаться на него. Поблагодаривъ его, мы около 12 час. ночи сѣли въ поѣздъ, а въ 10 час. утра вышли въ Черновицахъ. Ѣли мы въ этотъ день такъ: утромъ въ Подволочискѣ—кофе съ булкой, а ночью въ Лембергѣ послѣ ареста—бутерброды. Мы сговорились пойти сначала въ буфетъ въ Черновицахъ, а затѣмъ уже къ консулу. Но едва мы сошли на перронъ, какъ были окружены солдатами. Въ Австріи, къ сожалѣнію, даже солдаты занимаются сыскомъ, такъ какъ арестовали насъ солдаты пѣхотнаго полка по собственной иниціативѣ, несмотря на полный порядокъ нашихъ паспортовъ. Офицеры же австрійскіе истые джентльмены. Они относились ко всѣмъ безукоризненно, какъ и интеллигенція. Съ вокзала насъ повели въ комнату инспектора полиціи, а оттуда подъ конвоемъ въ тюрьму. Здѣсь насъ помѣстили въ тюремномъ дворѣ. Постепенно къ часу дня туда же собрали около двадцати пяти человѣкъ русскихъ. Опять отобрали паспорта. Въ пять часовъ намъ сказали, наконецъ, что отправятъ насъ въ Вѣну, или въ Ленцъ (крѣпость въ Тиролѣ, гдѣ заперты сербскіе «военноплѣнные», т.-е. тѣ несчастные сербы, которые не успѣли выѣхать за нѣсколько дней до войны). Затѣмъ насъ въ сопровожденіи агента отвели въ «ресторанъ», гдѣ мы пообѣдали (первый разъ въ четыре дня), а потомъ насъ отправили на вокзалъ. Здѣсь намъ сказали, что поѣздъ идетъ въ 9 часовъ, а

когда наступило это время, то сказали, что въ 11. Потомъ намъ предложили выбрать Карлсбадъ или Аббацію. Надежда на возвращеніе въ Россію была потеряна. Мы уже предвидѣли, что насъ похоронятъ въ крѣпости на Богъ знаетъ какое время. Карлсбадъ показался намъ какимъ-то раемъ въ сравненіи съ Ленцомъ. Мы уже повеселѣли, какъ намъ объявили, что поѣздовъ сегодня не будетъ, а ночевать на вокзалѣ нельзя.

— Или идите въ гостиницу, или отправимъ обратно въ тюрьму!

Всѣ сложились. Заняли двѣ комнаты, въ которыхъ расположилось около 25 человѣкъ, кто на полу, кто на кроватяхъ. Намъ велѣно было вернуться на вокзалъ къ половинѣ девятаго, такъ какъ поѣздъ идетъ рано утромъ, и насъ куда-нибудь отправятъ. Проспавъ кое-какъ отъ 2 до 7 часовъ, мы явились на вокзалъ. Конечно, поѣздъ утромъ не пошелъ. Въ полдень намъ сказали, что отвезутъ обратно въ Лембергъ, затѣмъ опять въ Вѣну, а потомъ опять въ Ленцъ. Въ 4 часа мы уже знали, что поѣзда въ Вѣну больше не идутъ. Правда, когда намъ каждый разъ объявляли о назначеніи нашего мѣстопребыванія, намъ предлагали немедленно «всѣмъ покупать билеты». Но мы категорически отказывались. Но вотъ опять пришелъ помощникъ шефа полиціи—тоже полякъ, какъ и въ Лембергѣ. Онъ объявилъ, что мы ѣдемъ въ Ицканы, въ Румынію. Мы не вѣрили. Послѣ всѣхъ издѣвательствъ и истязаній, которые намъ пришлось перенести, въ которыхъ даже не пощадили женщинъ и дѣтей,—и вдругъ свобода! Онъ далъ честное слово. Но вѣдь его намъ давали неоднократно, для того, чтобы нарушить на слѣдующей же станціи. Но вотъ стали собирать деньги на визированіе паспортовъ у румынскаго консула и на проѣздные билеты. Насъ предупредили, что еще 130 русскихъ должно пріѣхать сюда же. Нѣтъ словъ описать восторгъ послѣ того отчаянія, которое царило среди насъ. Женщины и нѣкоторые мужчины даже плакали отъ радости. Одна дама бросилась на шею инспектору полиціи и расцѣловала его. Но радость наша была омрачена: мы видѣли, какъ одинъ поѣздъ съ русскими былъ отправленъ въ Ленцъ. Чѣмъ объяснить наше освобожденіе, не знаю. Все это время было какимъ-то кошмаромъ. По дорогѣ до Ицканъ не обошлось безъ инди-

дента. Жандармы высадили нѣкоторыхъ, которые были въ III классѣ, и задержали. Но по осмотрѣ паспортовъ выпустили. На австрійской границѣ насъ также продержали нѣсколько часовъ. Опять мы уже потеряли надежду. Но вотъ въ три часа утра, 24 іюля, намъ подали товарный поѣздъ, который и перевезъ насъ черезъ румынскую границу. Только здѣсь мы вздохнули свободно и убѣдились, что дѣйствительно на волѣ. Мы проѣхали на Яссы, а оттуда въ Унгены. Къ сожалѣнію, насъ въ Румыніи очень сбивали, говоря, что граница закрыта, и часть русскихъ поѣхала въ Констанцу, гдѣ она безъ всякихъ средствъ опять отрѣзана отъ Россіи и теперь.

Прибавлю нѣсколько словъ о впечатлѣніи, какое я получилъ въ Австріи. Въ Вѣнѣ относились къ намъ презрительно и даже враждебно. На просьбы указать улицу, насъ нарочно путали и сбивали, а иногда прямо спрашивали:—а вы кто будете? Приходилось говорить—французы. Но нѣмцы оставались вѣрными себѣ и указывали невѣрный адресъ. Поляки (не запасные) относились къ намъ очень хорошо, уступали мѣста и сочувствовали. Запасные же ругали русскихъ и бравировали, что они «побьютъ казаковъ». Польскіе соколы въ Австріи обѣщали поддержать правительство противъ Россіи. Подъ австрійскія знамена призвано много русскихъ чеховъ и поляковъ; румынъ же много меньше. Поляки направляются больше противъ русскихъ, чѣмъ противъ сербовъ. Въ поѣздѣ русины заинтересовались моей русской книгой, бывшей у меня въ рукахъ, и говорили со мной по-малорусски, но очень понятно, такъ какъ я малорусскаго языка не знаю. Я даже слышалъ, какъ одинъ сказалъ другому: «А правда, говорятъ, что намъ велятъ на Россію итти?!»

Судить сколько-нибудь положительно объ успѣхѣ австрійскихъ приготовленій нельзя, такъ какъ въ Австріи, въ буквальномъ смыслѣ слова, была пьяная мобилизація. Я не видалъ ни одного трезваго запаснаго солдата. Солдаты, между прочимъ, перевозятся такъ: 40 солдатъ и 6 лошадей въ одномъ вагонѣ. Большая часть воинскихъ и товарныхъ поѣздовъ—германскіе. Вездѣ почти красуются надписи: Keln, Hannover, Kenigsberg и т. д.

Сердце сжалось, когда я проѣзжалъ по Галиціи, гдѣ бѣлыя избы,

крытыя тесомъ, и зеленые луга выдѣляютъ на своемъ фонѣ австрійскихъ солдатъ съ ихъ ножами-штыками, а вытянутыя по военному нѣмецкія физіономіи и тягучая рѣчь ихъ смѣшиваются съ русскими лицами въ нашихъ малороссійскихъ костюмахъ и нашимъ говоромъ. Русскій крестьянинъ, отданный въ рабство нѣмецкимъ солдафонамъ!

Изъ Вѣны всѣ запасные отправляются въ Краковъ, гдѣ ихъ экипируютъ. Войска сосредоточиваются между Краковымъ и Тарновой, а также въ Станиславовѣ, Львовѣ и Черновицахъ. Мосты охраняются войсками и, повидимому, минированы. Полная мобилизація еще не закончена. Оборона и подавно. Сѣвернѣе, вдоль желѣзнодорожной линіи дѣлаются проволочныя загражденія и роются волчьи ямы. Главныя работы производятся между Краковымъ и Тарновой. Между Тарнополемъ и Волочискомъ войскъ почти не видно. Поѣзда развозятъ строительные матеріалы, привозятъ рельсы. Шпалы на желѣзнодорожной линіи старыя, но заново просмолены. Замѣчается подобранный унтеръ-офицерскій составъ, отличающійся распорядительностью и замѣняющій собой по большей части офицерскій. Въ Румыніи мобилизація только что началась. Говорили, что между Румыніей и Австріей прекращается желѣзнодорожное сообщеніе. Въ самой Австро-Венгріи оно прекратилось 23 іюля съ 12 часовъ ночи. Телеграфъ для частныхъ лицъ прекращенъ совершенно. Многіе потеряли свой багажъ. Мои вещи, документы, гардеробъ,—все пропало въ Австріи. Но никто не жалѣетъ ихъ. Всѣ рады попасть въ Россію и сплотиться съ единымъ русскимъ народомъ. Долженъ оговориться, что находящіеся въ Австріи русско-подданные, хотя и не великороссы, всѣ были преисполнены высоко-патріотическихъ чувствъ. Многіе бросали свои торговли и дѣла и ѣхали въ Россію. Такъ, одинъ старый еврей сказалъ, что «ужъ умереть, такъ въ Россіи». Хотя нѣмцы и подѣлили на бумагѣ единую Россію, но лоскутная монархія уже трещитъ по швамъ: Галиція и Чехія стремятся къ Велико-Россіи, Буковина и Трансильванія къ Румыніи, Боснія и Герцеговина къ Велико-Сербіи, Тріестъ и Далмація къ Италіи, Эльзасъ и Лотарингія къ Франціи. Шлезвигъ-Гольштейнъ къ Даніи, Познань къ Россіи. Нашъ вѣкъ—вѣкъ права. Для Австро-Венгріи наступилъ часъ расплаты за то беззастѣнчивое варварство и экспро-

пріацію, какія она практиковала въ теченіе всей своей исторіи со всѣми народами Европы. Если для Германіи пришелъ конецъ, какъ для «міровой державы», то «габсбургская монархія» совершенно перестанетъ существовать.

Мы будемъ надѣяться, что нашъ русскій Грифъ выклюетъ вѣроломныхъ «безногихъ и безклювыхъ» австрійскихъ Мерлеттъ. Наши побѣдоносныя войска освободятъ изъ плѣна своихъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ и поднесутъ для короны нашего Государя, по праву и по происхожденію королю Галицкому, Русскому и Богемскому, какъ потомку св. Владиміра и Пржемысла, одну изъ драгоцѣнныхъ жемчужинъ, похищенную Австріей изъ шапки Мономаха. Россія была освободительницей славянъ. Теперь она должна освободить русскихъ. Нашимъ знаменамъ сопутствуетъ Георгій Побѣдоносецъ. Съ нами Богъ и право.

Дорожныя мытарства.

Разсказъ М. Б. Городецкаго.

Я пережилъ на себѣ всѣ ужасы германскаго варварства, и никогда не забуду того, что я пережилъ, что я видѣлъ...

Въ день моего отъѣзда изъ Берлина по городу были пущены экстренные листки, извѣщавшіе всю Германію, что на кронпринца совершено покушеніе какимъ-то русскимъ, и разъяренная толпа гонялась за русскими при содѣйствіи шуцмановъ. Русскимъ плевали въ лицо, бросали окурки отъ папиросъ и пивныя пробки.

— Смерть русскимъ! Они обманули нашего императора! Они втянули насъ въ войну!

Съ трудомъ удалось добраться до вокзала. Здѣсь тысячи народа. Въ купэ на 8—12 мѣстъ сидѣли по 30 человѣкъ. Доѣхали кое-какъ до Засница. Пріѣхали въ половинѣ второго ночи. Намъ заявили, что въ 3 часа ночи будетъ отправленъ пароходъ, который отвезетъ насъ

въ Швецію. Тутъ же въ Засницѣ ожидала масса народу, прибывшаго съ прежними поѣздами. Ждали парохода 27 часовъ подъ открытымъ небомъ. Дѣти, женщины спали на голыхъ камняхъ. Каждую минуту полицейскіе приходили съ разными тревожными извѣстіями. Передъ прибытіемъ парохода они заявили намъ, что парохода не будетъ, а если и придетъ, то отвезутъ только шведовъ, а русскихъ распредѣлятъ по крѣпостямъ.

Въ Берлинѣ офицеры врывались въ отели, кафе съ криками:

— Русскихъ мужчинъ отправимъ по крѣпостямъ, а женщинъ оставимъ для себя. Мы теперь вдали отъ женъ, пусть теперь русскія женщины будутъ съ нами, а потомъ мы ихъ отдадимъ солдатамъ.

Прибывшіе изъ Ростока и Кинигсберга дѣлились впечатлѣніями пережитаго.

Старикъ-еврей К. изъ Вильны былъ задержанъ въ Ростокѣ. У него были два чемодана, наполненныхъ манометрами. Обезсиленный, не найдя носильщика, онъ обратился къ мальчику съ просьбой перенести вещи, пообѣщавъ ему за это 10 марокъ. Мальчикъ сказалъ: «Сейчасъ», убѣжалъ и черезъ двѣ-три минуты возвратился съ группой солдатъ.

— Вотъ русскій, у котораго въ чемоданѣ бомбы.

Еврея взяли, и вмѣстѣ съ нимъ потащили къ коменданту крѣпости чемоданъ. Храбрые солдаты побоялись дотронуться до чемодана и заставили тащить его К., подбадривая старика пинками и ударами прикладовъ. Когда комендантъ и нижніе чины осмотрѣли чемоданъ и не нашли въ немъ ничего подозрительнаго, то, обратившись къ К., комендантъ спросилъ:

— Вы откуда?

Тотъ отвѣтилъ.

— Вы—еврей?

— Да.

— Вамъ живется скверно. Большую часть Россіи мы забрали. Когда мы заберемъ всю Россію, вамъ будетъ легче. Помогите намъ, сообщите, какіе номера на погонахъ солдатъ въ Ковнѣ и Гроднѣ. За каждую справку мы вамъ заплатимъ по 5.000 руб. золотомъ.

— Я живу много лѣтъ въ Россіи,—отвѣтилъ К.—Мой дѣдъ, отецъ также живутъ въ Россіи. Что бы вы сказали, г. комендантъ, если бы нѣмецкій еврей сдѣлалъ то, что вы предполагаете мнѣ въ отношеніи моего отечества?

Комендантъ выгналъ его. Старикъ въ сопровожденіи солдатъ отправился на вокзалъ. По пути одинъ изъ солдатъ ударилъ его штыкомъ въ спину, нанеся глубокую рану.

Я знаю, въ одной группѣ русскихъ были отобраны для провѣрки 260 паспортовъ, а потомъ, когда слѣдовало ихъ вернуть обратно, нѣмцы заявили:

— Васъ пропустятъ такъ, а намъ паспорта пригодятся...

Въ Кенигсбергѣ избивали русскихъ студентовъ-медиковъ, которые забирали свои матрикулы. Въ дорогѣ по 20—25 часовъ не давали воды. На нѣкоторыхъ станціяхъ кружечку воды продавали по 25 пфенниговъ и говорили:

— Смотрите, варвары, какъ мы великодушны. Мы вамъ даемъ воды.

Не щадили и дѣтей. Вталкивали старшихъ въ вагоны, поѣзда трогались, дѣти оставались. Нѣсколько женщинъ сошли съ ума. Въ Берлинѣ оставшіеся безъ денегъ отправлялись въ ломбардъ закладывать драгоцѣнности. За вещи, стоящія десятки тысячъ рублей, имъ предлагалось 300—400 марокъ. Соглашались на это. Выписывалась квитанція, но въ послѣдній моментъ, когда касса должна была выдать деньги, нѣмцы простодушно спрашивали: «Вашъ паспоръ». И вдругъ, увидѣвъ, что передъ ними русскій (они прекрасно знали, что имѣютъ дѣло съ русскими), начинали вопить:

— Какъ вы смѣете брать у насъ деньги, чтобы возвращаться въ Россію! Вонъ, варвары!

Я ссылаюсь на г. Я. Венгерова, который видѣлъ, какъ на ходу поѣзда раскачивали русскаго съ намѣреніемъ выбросить въ окно. Въ это время раздался въ вагонѣ крикъ:

— Здѣсь французъ!

Русскаго бросили на полъ, а француза выбросили въ окно.

Въ заключеніе нельзя не сказать о томъ душевномъ отдыхѣ и спокойствіи, которое дали намъ шведы.

На всемъ обратномъ пути мы встрѣчали поѣзда, наполненные нѣмцами, возвращавшимися изъ Россіи. Они заявляли намъ, что прекрасно ѣдутъ и что если съ нами поступали деликатно, то нѣмцы, навѣрное, поступали еще болѣе деликатно съ русскими. При этомъ они говорили:

— Куда вы ѣдете? Гельсингфорсъ взятъ, Выборгъ взятъ, Кронштадтъ бомбардируется.

Это произвело такое впечатлѣніе, что одна изъ ѣхавшихъ съ нами женщинъ, русская, бросилась подъ поѣздъ и ее чудомъ удалось спасти.

Нельзя не отмѣтить слѣдующаго факта. Съ нами при переѣздѣ на Торнео ѣхали сотни польскихъ рабочихъ. Мы спрашивали:

— Вы тоже выгнаны?

— Нѣтъ. Намъ предлагали остаться на работы.

— Почему же вы не остались?

Всѣ отвѣчали, какъ одинъ человѣкъ:

— Ѣдемъ нѣмцевъ бить!

То же самое говорили и ѣхавшіе съ нами армяне, евреи, грузины и даже эмигранты-финны.

Въ поѣздѣ.

Отношеніе пруссаковъ къ застрявшимъ за границей русскимъ иллюстрируется новыми разсказами вернувшихся изъ Германіи лицъ, среди которыхъ были ген.-отъ-кав. бар. А. В. Каульбарсъ, шталм. гр. И. В. Канкринъ, сен. Ивановъ, прис. пов. Г. Б. Сліозбергъ, прис. пов. Рабиновичъ, нѣсколько врачей, много женщинъ и дѣтей, а также нѣсколько возвратившихся изъ заграничной экскурсіи студентовъ.

Всѣ эти группы, встрѣтившіяся въ Берлинѣ 19 іюля и, въ общемъ, составившія массу свыше 500 чел., были втолкнуты въ вагоны поѣзда, направляющагося въ Эйдкуненъ. Кондуктора грубо отталкивали пассажировъ отъ оконъ вагоновъ, при чемъ одному пассажиру раздро-

били палецъ. Прис. пов. Сліозбергъ, случайно опрокинувшій и разбившій графинъ съ водой въ вагонѣ, подвергся большимъ непріятностямъ. Вызванный офицеръ осыпалъ его бранью, запретилъ разговаривать и приставилъ къ нему солдата съ заряжённымъ ружьемъ. За разбитый графинъ г. Сліозбергъ сейчасъ же уплатилъ 20 марокъ.

Въ девяти килом. отъ Эйдкунена поѣздъ былъ остановленъ, и всѣхъ русскихъ пассажировъ выгнали на платформу, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ подверглись оскорбленіямъ со стороны резервистовъ. Одинъ пьяный резервистъ въ присутствіи офицера ударилъ по лицу стоявшую на пути беременную женщину.

Спустя нѣсколько мучительныхъ часовъ пассажиры были окружены конвоемъ и отправлены въ полицію для провѣрки паспортовъ. Здѣсь всѣхъ арестовали, а на другой день отправили обратно, по направленію къ Кенигсбергу. Всю массу русскихъ втиснули въ грязные вагоны четвертаго класса, заколотили окна, къ дверямъ приставили стражу и никого не выпускали.

Въ вагонахъ люди буквально задыхались и изнывали отъ жажды. На просьбы достать воды отвѣчали издѣвательствами.

Съ однимъ престарѣлымъ генераломъ сдѣлалось дурно. Съ семьей его въ дорогѣ разъединили. Спутники умоляли офицера выпустить генерала на воздухъ, въ виду опасности для его жизни пребыванія въ крайне спертой атмосферѣ. Офицеръ отвѣтилъ: «Пусть умираетъ, старый... Намъ лучше будетъ!»

Все-таки удалось вывести генерала и оставить подъ конвоемъ на площадкѣ. Наконецъ, поѣздъ прибылъ въ Браунсбергъ. Здѣсь всѣхъ высадили и шеренгами, подъ командой солдатъ, отправили въ пустующую школу, гдѣ всѣ размѣстились на полу, покрытомъ соломой.

Перевалъ продолжался два дня, по истеченіи котораго русскихъ вновь нагрузили въ товарные вагоны и отправили въ Штеттинъ. По дорогѣ весь багажъ русскихъ куда-то исчезъ, и на жалобы потерпѣвшихъ офицеры отвѣчали: «Такъ вамъ и надо»...

Эти безконечныя мытарства продолжались 12 дней, пока русскіе не достигли Даніи, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ остались, а большинство отправилось въ Россію.

Возвращеніе на родину.

Разсказъ курсового.

Какъ многихъ моихъ соотечественниковъ, объявленіе войны застало меня за границей, а именно въ Баденъ-Баденѣ.

По непонятной мнѣ фатальности, я почему-то въ нынѣшнемъ году выбралъ этотъ нѣмецкій курортъ, тогда какъ вообще я тщательно избѣгаю пребыванія въ Германіи, ставшей мнѣ глубоко антипатичной, начиная съ 1870 г. Къ тому же каждый разъ, что я, въ видѣ исключенія, пробовалъ лѣчиться лѣтомъ отъ ревматизма въ излюбленныхъ нашими врачами Висбаденѣ, Крейцнахѣ, въ санаторіи Ламана, близъ Дрездена,—я всегда имѣлъ поводъ жестоко объ этомъ сожалѣть.

Тотчасъ по объявленіи войны населеніе Бадена, взвинченное неимовѣрно лживой нѣмецкой прессой, стало волноваться и предаваться громкимъ патріотическимъ манифестаціямъ. Но, несмотря на всѣ эти крики, всѣ эти бахвальства и пѣснопѣнія, чувствовались нѣкоторая тревога и грусть. Баденъ, главнымъ образомъ, живетъ иностранцами, и ихъ внезапный отъѣздъ оттуда, конечно, заставилъ призадуматься все населеніе. Хозяинъ моей гостиницы сталъ меня уговаривать оставаться въ Баденѣ, увѣряя, что нигдѣ въ Европѣ я не найду такого спокойствія въ теченіе этой войны, которая, по его мнѣнію, должна была окончиться очень скоро... Но оставаться лишній день во вражеской странѣ было невыносимо для меня, тѣмъ болѣе, что на всякомъ шагу слышались оскорбительные возгласы по адресу Россіи, этой «паршивой, вшивой страны, которой насталъ конецъ».

Меня поразила эта быстрая метаморфоза обычнаго нѣмецкаго хамства въ наглую, злобную дерзость.

— Но куда ѣхать? Какимъ путемъ вернуться домой?

Очевидно, моремъ. Но изъ Бадена тогда нельзя было добраться къ Копенгагену, Стокгольму и т. д. Значитъ, надо было ѣхать черезъ Константинополь и Одессу.

Попробовалъ я спросить билетъ на Италію, черезъ Базель. На желѣзнодорожной станціи мнѣ отвѣтили, что Швейцарія не пропускаетъ иностранцевъ черезъ свою границу.

Это была ложь: оказывается, что нѣмцы хотѣли скрыть свои военныя приготовленія у форта Истейнъ, близъ Базеля.

Спросилъ я билетъ на Миланъ, черезъ Мюнхенъ, Аля и Верону.

Мнѣ и А. П. Крутиковой, ѣхавшей со мной, дали билеты лишь до Мюнхена, куда мы прибыли вечеромъ, съ большимъ опозданіемъ. Это было 8-го августа (21-го іюля).

Тутъ насъ ожидала непредвидѣнная сцена. При выходѣ изъ вагона полицейскіе потребовали предъявленія паспортовъ.

При видѣ зеленыхъ русскихъ книжечекъ послышались злобные, ироническіе возгласы:

— Russen! Wieder Russen!

которымъ вторила разъяренная толпа за рѣшеткой дебаркадера.

Полицейскіе, читая наши имена, колебались, арестовать ли меня, или нѣтъ; но одинъ изъ нихъ шепнулъ другому: «Erblicher Edelmann», и меня пропустили. Это единственный случай, когда званіе потомственнаго дворянина мнѣ послужило на пользу!

— Куда вы ѣдете?

— Въ Миланъ.

— Нельзя.

— Если нѣтъ поѣзда, мы переночуемъ въ Мюнхенѣ.

— Какъ бы не такъ! Вы не можете войти въ городъ.

Видя, что я собираюсь протестовать, полицейскій повелительнымъ тономъ приказалъ мнѣ не разсуждать и вполголоса прибавилъ:

— Мы васъ защищаемъ.

— Но какъ же быть?

— Берите скорѣй билетъ въ Линдау, на Констанцскомъ озерѣ, и убирайтесь въ Швейцарію. Только торопитесь; поѣздъ — и послѣдній — отходитъ черезъ полчаса.

— Ну, такъ позвольте намъ поскорѣе получить нашъ багажъ, — говорю я, предъявляя квитанцію.

Полицейскій расхохотался.

— Какой тутъ багажъ! Это меня не касается!

— Когда же мы его получимъ?

— Можетъ-быть, послѣ войны. Повторяю вамъ, это не мое дѣло!

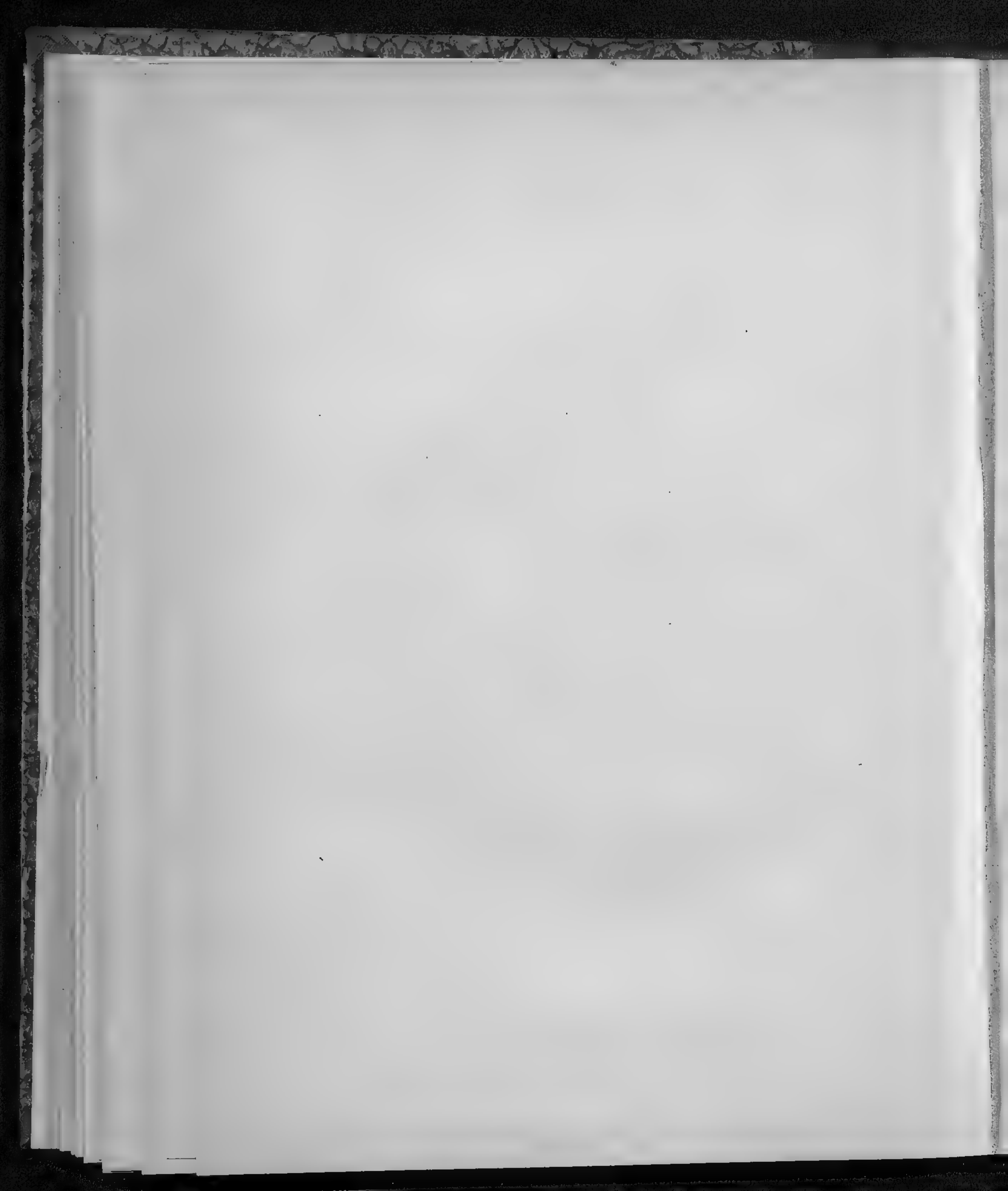
Усадили насъ кое-какъ въ вагонъ 3-го класса. Съ нами ѣхали двѣ дамы, оказавшіяся русскими, но изъ осторожности говорившія по-нѣмецки. Одну изъ нихъ, утромъ, на вокзалѣ, толпа чуть не растерзала, принявъ за шпіонку.

У окна вагона сидѣли два молодыхъ человѣка, упорно хранившіе молчаніе. Приближаясь къ Линдау, они мало-по-малу стали разговорчивы и повѣдали намъ на славянскомъ нарѣчіи, мало намъ понятномъ, что они также перебираются въ Швейцарію, и что они сербы.

При выходѣ изъ вагона офицеръ спросилъ ихъ, кто они, и когда услыхалъ, что они сербы, тотчасъ приказалъ арестовать. Четыре солдата поспѣшно ихъ утащили куда-то, и о сербахъ больше не было слышно...

На станціи «Линдау» распоряжались исключительно представители германскаго воинства. Офицеры отдѣлили дамъ и объявили, что мужчины арестованы. А. П. Крутикова попросила разрѣшенія раздѣлить мою участь, увѣряя офицера, что я настолько боленъ, что не могу обойтись безъ ея помощи. Офицеръ приказалъ ей привести меня къ нему. Предупрежденный моей товаркой, я разыгралъ роль жалкаго инвалида такъ удачно, что офицеръ согласился причислить меня къ безобиднымъ дамамъ.

Провели мы ночь безъ сна и только на швейцарскомъ берегу озера вздохнули свободно.

III.

Нѣмцы завоеватели.

На развалинахъ Калиша.

Разсказъ президента г. Калиша Буковинскаго.

20-го іюля, въ 5 час. утра, послѣдніе отряды русскаго войска оставили Калишъ, и съ тѣхъ поръ городъ очутился безъ всякихъ гражданскихъ и военныхъ властей, былъ предоставленъ своей судьбѣ. Граждане собрались въ зданіи ратуши въ числѣ около 400 человѣкъ, рѣшили избрать въ лицѣ президента своего городского голову и постановили учредить гражданскую милицію, при помощи которой слѣдовало возстановить порядокъ. Это было необходимо, потому что многочисленные грабители и мелкіе воришки начали грабить оставленные магазины и склады на станціи желѣзной дороги. Въ 11 час. дня уже была организована гражданская милиція, и тогда порядокъ вполнѣ былъ водворенъ въ городѣ.

Въ 2 ч. дня вступилъ первый маленькій нѣмецкій отрядъ въ составѣ 7-ми уланъ и 8-ми солдатъ на велосипедахъ. Отрядъ этотъ прошелъ по городу; потомъ нѣмецкіе солдаты разошлись по мѣстнымъ ресторанамъ и совершенно спокойно пробыли до вечера, когда около 12-го часа ночи вступилъ первый батальонъ нѣмецкой пѣхоты съ сотней уланъ подъ командой майора Прейскера. Прейскеръ пригласилъ меня, какъ президента города. Я вышелъ къ нему одинъ, безъ всякаго привѣтствія и безъ поднесенія хлѣба и соли и городскихъ ключей, какъ объ этомъ писалось въ газетахъ, и отвѣчалъ лишь на его вопросы. Послѣ размѣщенія своего батальона по различнымъ школьнымъ и общественнымъ зданіямъ въ 2 часа ночи майоръ Прейскеръ пригласилъ

меня въ свою квартиру въ «Европейской» гостиницѣ, гдѣ остановились и всѣ офицеры въ числѣ около 25-ти человѣкъ. Тутъ майоръ далъ приказаніе, чтобы на слѣдующій день доставить для 820 человѣкъ продовольствіе, состоящее изъ кофе, мяса и хлѣба. На слѣдующій день нѣмцами была конфискована городская касса, изъ которой забрали около 30-ти тыс. наличными и всѣ документы, которые обѣщали возвратить на слѣдующій день.

21-го числа милиція была упразднена, а вечеромъ того же дня пошли по городу тревожные слухи, что наступаетъ какая-то неизвѣстная колонна, и вскорѣ раздались выстрѣлы патрульныхъ въ южной сторонѣ города. Въ теченіе 15-ти минутъ весь нѣмецкій отрядъ выступилъ на улицы въ полной боевой готовности, и спустя нѣсколько минутъ раздались выстрѣлы изъ ружей и пулеметовъ. Стрѣльба съ минуту на минуту усиливалась, и, какъ оказалось, жертвами этой стрѣльбы пали до 400 невинныхъ жителей города. Нѣмецкіе солдаты, размѣщенные въ южной части города, не зная, изъ-за чего произошла тревога, выступили на улицы, устроили баррикады, изъ-за которыхъ изъ ружей и пулеметовъ стрѣляли въ свой нѣмецкій отрядъ, слѣдовавшій имъ навстрѣчу съ сѣверной стороны города, и такимъ образомъ убили 8 человѣкъ и ранили 29. При осмотрѣ въ мѣстной больницѣ врачами были найдены пули только нѣмецкія. Впослѣдствіи майоръ Прейскеръ, желая избѣгнуть личной отвѣтственности за столь непріятный инцидентъ, старался отнести все происшествіе къ нападенію мѣстныхъ жителей на нѣмецкія войска, утверждая, что въ нихъ стрѣляли жители изъ своихъ домовъ. Нѣмецкіе солдаты стали ловить на улицахъ спокойныхъ гражданъ, размѣщали ихъ на мостовой и заставляли лежать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ спиной вверхъ, съ вытянутыми руками поверхъ головы. Потомъ Прейскеръ разъѣзжалъ по всѣмъ этимъ пунктамъ и въ своемъ присутствіи приказывалъ разстрѣливать десятки людей, не спрашивая, кто они и въ чемъ они провинились.

Меня изъ квартиры вытащили въ часъ ночи въ одной рубашкѣ и заставили лежать на мостовой въ описанномъ положеніи. Продержали такимъ образомъ до 5-ти час. дня, и за каждый поворотъ головой или тѣломъ били, топтали ногами или толкали прикладомъ. За одно

движенiе головы я получилъ отъ прусскаго солдата такой ударъ прикладомъ въ голову, что упалъ въ обморокъ и потерялъ сознанiе.

Наконецъ, появился комендантъ Прейскеръ, приказалъ меня поднять и, показывая на ладони два невыстрѣленныхъ патрона и около полфунта дроби, сказалъ: «Das ist Ihre Freundschaft». Я удивился и спросилъ, откуда онъ взялъ эти патроны и эту дробь. Онъ объяснилъ, что нашелъ на улицѣ. Тогда я объяснилъ, что вѣдь невыстрѣленные патроны и найденная имъ дробь не могутъ служить доказательствомъ выстрѣловъ со стороны жителей. И вообще я отрицалъ, чтобы въ нѣмцевъ стрѣляли калишане. Прейскеръ тогда сказалъ, что первые два выстрѣла пущены были моей рукой изъ зданiя ратуши. Это меня до того взволновало, что я закричалъ: «Das ist falsch!», за что опять поколотили меня рукоятками револьверовъ окружающiе меня офицеры. Въ то время, какъ я лежалъ на мостовой, привели изъ зданiя ратуши дежурныхъ чиновниковъ и двухъ курьеровъ. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ меня въ одной рубашкѣ, снялъ съ себя мундиръ и покрылъ меня имъ. За это онъ поплатился жизнью; его и рядомъ съ нимъ лежавшаго акцизнаго чиновника моментально разстрѣляли. Фамилiя курьера—Владиславъ Элингеръ. Такимъ образомъ, разстрѣляли и убили въ эту ночь не менѣе 400 человѣкъ. Меня отпустили домой съ приказомъ явиться къ майору черезъ часъ. Тогда я получилъ отъ него весьма строгую прокламацiю къ жителямъ города; угрожающую разстрѣломъ каждаго десятаго человѣка, если еще хоть одинъ выстрѣлъ послѣдуетъ со стороны жителей.

Заставили городъ заплатить контрибуцiю въ размѣрѣ 50-ти тыс. рублей, которые слѣдовало собрать въ теченiе 4-хъ часовъ подъ угрозой разстрѣлянiя меня. Деньги были собраны, за исключенiемъ 2.000 руб. Я хотѣлъ замѣнить закладными листами за недостаткомъ наличности и пошелъ спросить Прейскера, согласенъ ли онъ на это. Въ отвѣтъ онъ вынулъ револьверъ и сказалъ: «Вотъ вамъ отвѣтъ, если вы во-время не представите наличными деньгами полностью весь штрафъ». Къ счастью, удалось и эти деньги найти и уплатить въ назначенное время. По полученiи денегъ Прейскеръ меня посадилъ подъ арестъ вмѣстѣ съ 20-ю обывателями г. Калиша, арестованными

раньше. Среди нихъ находились предсѣдатель калишскаго окружнаго суда т. с. Зеландъ, протоіерей Семеновскій, прелатъ Плошай, два ксендза, начальникъ Калишскаго уѣзда Васильевъ и самые богатые и видные граждане Калиша.

Насъ предержали нѣсколько часовъ и потомъ въ сопровожденіи всего отряда, который выступилъ изъ Калиша, насъ повели къ калишскому вокзалу съ предупрежденіемъ со стороны Прейскера, что если будетъ произведенъ хоть одинъ выстрѣлъ со стороны калишанъ, то мы всѣ будемъ моментально разстрѣляны. Дошли мы благополучно до вокзала, отстоящаго отъ города на 3 версты. Но, когда мы уже подходили къ вокзалу, раздался сигнальный выстрѣлъ изъ револьвера малаго калибра, послѣ котораго сопровождавшіе насъ солдаты разступились въ обѣ стороны, оставивъ насъ на серединѣ улицы. Моментально началась стрѣльба, и пули засвистѣли надъ нашими головами. Одинъ изъ сопровождавшихъ насъ солдатъ, полякъ, закричалъ: «Ложитесь», и мы легли на землю. Одинъ изъ нашихъ товарищей, Генрихъ Френкель, калишскій милліонеръ, не понявъ предостереженія, не легъ, и тутъ же упалъ, простреленный пулей. Послѣ прекращенія стрѣльбы мы встали. Насъ тогда поставили подъ заборъ и сказали, что разстрѣляютъ. Продержавъ насъ въ такомъ положеніи около часа, повели насъ обратно и направили въ сторону прусской границы, по шоссейной дорогѣ откуда послѣ прохода двухъ верстъ опять вернули, поставили подъ стѣну и опять грозили разстрѣлять. Въ третій разъ то же самое послѣдовало въ помѣщеніи казармъ пограничной стражи, но и здѣсь не разстрѣляли, а опять повели дальше, въ поле, въ свой лагерь, въ которомъ находились уже орудія. Тамъ поставили подъ вѣтряной мельницей, и тогда опять майоръ Прейскеръ приказалъ насъ разстрѣлять. Одного изъ насъ, г. Гантке, послали въ городъ съ извѣстіемъ, что насъ разстрѣляютъ, а если въ городѣ еще будутъ стрѣлять въ нѣмцевъ, то каждаго десятаго мужчину постигнетъ такая же судьба. Продержавъ насъ опять больше чѣмъ полчаса, не разстрѣляли, а отправили сидѣть въ вѣтряной мельницѣ, въ которой для 18 человѣкъ было столько мѣста, что лишь можно было тамъ стоять. Въ такомъ положеніи, почти безъ ѣды и безъ воды мы пробыли около

трехъ сутокъ. Запирая насъ въ вѣтряной мельницѣ, фельдфебель объявилъ, что совѣтомъ офицеровъ рѣшено насъ сжечь вмѣстѣ съ мельницей. Понятно, мы всю ночь не спали и вѣрили, что драконовское обѣщаніе Прейскера будетъ исполнено.

Въ теченіе трехъ дней нашего проживанія въ оригинальной тюрьмѣ бомбардировался городъ, на что мы вынуждены были смотрѣть, не зная, какая судьба постигнетъ наши семьи. Послѣ того насъ отправили пѣшкомъ въ отдаленную на 7 верстъ прусскую станцію желѣзной дороги Скальмержицы, посадили въ вагонъ для провоза скота и заставили стоять всю дорогу лицомъ къ стѣнѣ, съ руками вверхъ, не допуская ни малѣйшаго поворота въ какую-либо сторону.

Въ такихъ условіяхъ мы доѣхали до г. Познани, находясь въ дорогѣ болѣе 11 часовъ. Въ Познани насъ водили по городу, по главнымъ его улицамъ, какъ дикихъ звѣрей. Надъ нами издѣвались, насъ бранили и толкали, на насъ плевали. Потомъ повели въ тюрьму, въ которой мы должны были сидѣть въ отдѣльныхъ камерахъ, при чемъ съ нами обходились какъ съ арестантами и также кормили какъ арестантовъ. Только спустя три дня послѣ допроса намъ разрѣшили получать припасы на своей счетъ и обращались съ нами болѣе культурно.

Послѣ произведеннаго слѣдствія и выясненія дѣла прокуроромъ уголовнаго суда намъ объявили черезъ командира корпуса генерала фонъ-Бернарди, что мы будемъ освобождены въ скоромъ времени. И дѣйствительно, по истеченіи 12-ти дней зашелъ въ тюрьму генералъ фонъ-Лене, комендантъ познанской крѣпости, вызвалъ меня въ коридоръ и произнесъ рѣчь въ томъ духѣ, что высшія нѣмецкія власти даютъ намъ знать, что для Польши настали времена надежды на соединеніе всѣхъ частей ея (но безъ Познани) въ одно цѣлое. Но мы должны послѣдовать примѣру галиційскихъ поляковъ, которые организуютъ сотни добровольцевъ-стрѣлковъ подъ названіемъ сотенъ Бартоша, и должны у себя тоже организовать дружины охотниковъ, чтобы этимъ показать свою симпатію къ нѣмцамъ; кайзеръ обѣщаетъ намъ свободу Польши, и мы должны доказать, что мы—союзники, а не враги нѣмцевъ. При этомъ генералъ объяснилъ намъ, что нѣмецкія войска на-дняхъ вступаютъ въ Варшаву, покинутую русскими властями и войсками, и что,

наконецъ, судьба войны рѣшится въ близкомъ будущемъ въ пользу нѣмцевъ.

Наконецъ, насъ отпустили, и мы доѣхали до Калиша. Но какой же ужасъ представился моимъ глазамъ послѣ возвращенія! Я одинъ (всѣ мои товарищи, узнавъ по дорогѣ, что Калишъ разрушенъ бомбардировкой и сожженъ пожаромъ, одни остались въ Пруссіи, а другіе разъѣхались въ окрестныя имѣнія) проникъ въ Калишъ и увидѣлъ, что послѣ сотни пожаровъ отъ прекраснаго Калиша остались лишь одни слѣды, кучи развалинъ и пепла. Какъ оказалось, все имущество, всѣ продукты, мебель, платье,—все, что представляло какую-нибудь цѣнность, было вывезено нѣмцами на фурахъ, принудительно доставляемыхъ окрестными помѣщиками и крестьянами, въ Германію. Ограбленные же дома впослѣдствіи были сожжены. Мѣстный госпиталь св. Троицы былъ подвергнутъ бомбардировкѣ наравнѣ съ прочими частными строеніями, несмотря на громадные флаги «Краснаго Креста», помѣщенные на крышахъ и на стѣнахъ сей больницы. Больницу приходилось переносить два раза,—въ частный домъ и въ помѣщеніе реальнаго училища. Въ больницѣ остался одинъ лишь докторъ, на попеченіи котораго было до 140 больныхъ. Ему помогалъ одинъ молоденькій фельдшеръ. Конечно, при такихъ условіяхъ больные не могли разсчитывать на надлежащую помощь. Въ пріютахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ всѣ призрѣваемые, старики и дѣти, голодали, такъ какъ всѣ запасы и продукты нѣмцами были вывезены, а подвозъ изъ окрестныхъ деревень и не допускался, и былъ невозможенъ, такъ какъ городъ находился и находится до сихъ поръ на осадномъ положеніи.

Послѣ нашего отъѣзда въ Познань городъ былъ подвергнутъ страшной бомбардировкѣ. Въ одну ночь 25-го іюля выпущено до 400 пушечныхъ выстрѣловъ, послѣ чего городъ былъ разрушенъ и возникло много пожаровъ, уничтожившихъ окончательно Калишъ. Впослѣдствіи поджогами самихъ солдатъ сожжено свыше 400 домовъ въ центрѣ города, такъ что въ немъ не осталось ни одной лавки, ни одного магазина, уцѣлѣли лишь окраины.

На другой же день Прейскеръ приказалъ насильно вывести всѣхъ

мужчинъ изъ подваловъ, въ которыхъ передъ бомбардировкой прятались люди, и выведено было такимъ образомъ въ двухъ партіяхъ 1.660 людей и за городомъ раздѣлены на десятки. Каждый десятый долженъ быть разстрѣлянъ. Такимъ образомъ, разстрѣляли въ одномъ мѣстѣ около 20-ти человѣкъ, а въ другомъ—9 человѣкъ, такъ какъ въ это время нечаянно прибылъ какой-то офицеръ въ автомобилѣ и воспретилъ дальнѣйшій разстрѣлъ. Продержали всѣхъ до вечера голодныхъ, безъ капли воды даже и только вечеромъ выпустили домой со словами, что кайзеръ помиловалъ ихъ и на этотъ разъ они не будутъ разстрѣляны. Неудивительно, что послѣ того все населеніе разбѣжалось, куда кто могъ, оставляя все свое состояніе, лишь бы спасти жизнь, такъ что, когда я вернулся въ Калишъ и въ теченіе 4-хъ часовъ проходилъ изъ конца въ конецъ города, не встрѣтилъ ни одного знакомаго лица, встрѣчалъ лишь воровъ и грабителей, которые, распущенные изъ мѣстной тюрьмы, на развалинахъ и изъ уцѣлѣвшихъ домовъ грабили, что попало. Удивительно, что этихъ бродягъ прусскіе солдаты пропускали безпрепятственно, въ то время какъ меня задерживалъ каждый патруль для предъявленія ему моего пропуска.

Въ тотъ самый день усиленной бомбардировки, т.-е. 25-го іюля, были созваны въ 2 часа дня въ зданіи городской ратуши всѣ чиновники магистрата и домовладѣльцы будто бы съ цѣлью привести жизнь города въ прежній видъ и возстановить въ немъ прежнюю жизнь. Собиравшіеся тогда жители увидѣли, что вдоль всего города разставлены были прусскіе солдаты въ два ряда. Вдругъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ. Вслѣдъ за тѣмъ солдаты разбѣжались по всему городу и убивали всѣхъ встрѣчныхъ на улицахъ. Такимъ образомъ, не было улицы, на которой не лежало бы по нѣскольку труповъ. Около 5-ти час. вечера подожгли зданіе ратуши, не предупредивъ объ этомъ ни моей семьи, ни прислуги. Напротивъ, всѣ выходы заперли наглухо и поставили при нихъ патрули. Моя семья спаслась какимъ-то чудомъ, уйдя черезъ смежный частный дворъ.

Нѣмцы назначили меня оффиціально бюргермейстеромъ, и это окончательно заставило меня бѣжать изъ несчастнаго города. 28-го августа я бѣжалъ.

Въ это время окрестности Калиша уже укрѣплены были окопами, проволочными загражденіями, волчьими ямами, и всѣ эти работы произведены руками мѣстныхъ жителей, понуждаемыхъ силою.

Каждаго встрѣчнаго жителя и каждаго пріѣзжаго арестовывали на улицахъ или въ окрестностяхъ города, связывали веревками по 100 человѣкъ и заставляли итти на работы, которыя производились въ теченіе 14 час. безпрерывно. На ночь запирали въ тюрьму для того, чтобы на слѣдующій день повторить ту же самую процедуру. Такимъ образомъ, Калишъ и его окрестности превратились въ настоящую крѣпость, усѣянную всевозможными западнями для нашихъ войскъ.

Какъ оказалось изъ выясненныхъ фактовъ, разрушеніе города и его бомбардировка были уже заблаговременно предвидѣны штабомъ нѣмецкой арміи, и провокація со стороны нѣмцевъ очевидна, такъ какъ никто изъ мѣстныхъ жителей г. Калиша не слышалъ ни одного выстрѣла, а всѣ выстрѣлы сдѣланы были ими самими.

Число погибшихъ невинныхъ жителей трудно опредѣлить, такъ какъ сотни убитыхъ сами пруссаки закапывали безъ малѣйшаго содѣйствія и безъ присутствія каго-либо изъ мѣстныхъ жителей. Но число это можно опредѣлить не менѣе какъ въ 4.000 жертвъ. Убивали цѣлыя семьи, не щадили ни маленькихъ дѣтей, ни женщинъ. Въ одномъ лишь домѣ Щетинскаго перебили больше 40 людей.

Между трупами.

Разсказъ сына казначея Соколова.

— Это было во вторникъ, 22-го іюля, въ 2 часа дня. Папа легъ отдохнуть. На улицѣ вдругъ раздались крики, кто-то бѣжалъ, прятался. Въ нашу дверь раздался рѣзкій стукъ, какъ будто начали ломать ее. Мама крикнула имъ:

— Не надо ломать дверь, я отопру!

Вошедшій офицеръ, окруженный четырьмя солдатами, направилъ револьверъ на г-жу Соколову и началъ сердито кричать что-то непонятное. Можно было понять только слова «Сохоловъ». Въ отвѣтъ на заявленіе г-жи Соколовой, что она ничего не понимаетъ, офицеръ еще болѣе сердито крикнулъ по-русски: «мужъ!»

Мама указала рукой на спальню. Нѣмцы моментально бросились туда, извлекли папу полуодѣтаго.

Офицеръ и два солдата повели его куда-то, а оставшіеся приступили къ обыску кабинета и передней; взломали сундукъ, разгромили всю обстановку, посуду...

Наконецъ, одинъ изъ солдатъ сказалъ по-нѣмецки:

— Нечего здѣсь терять время!

Ушли...

— Мы бросились вдогонку, но солдаты насъ не пустили, сказали, что черезъ полчаса папу отпустятъ. Окольными путями мы пробрались къ коменданту, спрашиваемъ: гдѣ папа? Комендантъ говоритъ:

— Поищите между трупами, которые валяются около магистрата. Если его тамъ нѣтъ, то—живъ.

— Бросились мы къ магистрату, а тамъ часовые не пускаютъ. Мы имъ сказали, что получили разрѣшеніе коменданта. Тогда насъ пропустили. Смотримъ, лежитъ папа на землѣ, какъ будто въ обморокѣ, но когда наклонились къ нему, то увидѣли дырку около уха...

— Хоронить его намъ не позволили. Потомъ намъ говорили, что нѣмцы сильно мучили папу, пытали, вывертывали руки и не позволили хоронить потому, что не хотѣли, чтобы мы видѣли слѣды пытокъ.

Это весьма возможно, потому что остальные пять труповъ, валявшіеся возлѣ папы, были страшно изуродованы. На одномъ трупѣ видна была только челюсть—остальная часть головы представляла собою какую-то кашу. На другомъ трупѣ была штыковая рана въ спинѣ, и валялись клочья мяса...

Трупы валялись 3 дня.

Только когда нѣмцы вышли изъ Калиша, трупы были собраны и погребены въ общей могилѣ. Обрядъ погребенія совершалъ ксендзъ, потому что протоіерей былъ взятъ нѣмцами въ плѣнъ.

— Послѣ смерти отца мы проживали въ Калишѣ еще три дня. Особенно страшна была ночь съ пятницы на субботу. Нѣмцы стрѣляли по городу шрапнелями, поджигали дома и керосиновые склады. Городъ горѣлъ въ 6 мѣстахъ. Бѣглецами было усыпано все шоссе, но нѣмцы навели пулеметы вдоль шоссе и стрѣляли въ бѣгущихъ. Мы пробовали нанять лошадей, чтобы выѣхать, но едва выѣхали на шоссе, какъ подъ пулями упала лошадь, потомъ упалъ ямщикъ съ простреѣленной грудью. Мы бросились къ садамъ. Пули пролетали со свистомъ на такомъ близкомъ разстояніи, что на мнѣ блуза колыхалась. Въ саду надъ головой разорвалась шрапнель, и яблоки съ деревьевъ кругомъ посыпались...

— Въ субботу выбрались задворками въ поле и пошли до Турека пѣшкомъ; маленькихъ несли на рукахъ. Потомъ вернулись домой за вещами—захватили только корзину съ бѣльемъ и чемоданъ. Недалеко отъ Калиша наткнулись на нѣмецкій патруль. Бросили вещи, разбѣжались. Нѣмцы перерыли корзину и чемоданъ, но ничего не тронули и ушли. Добрались до Турека, потомъ до Ловича, а тамъ ужъ по желѣзной дорогѣ въ Варшаву.

— Первыми пришли къ намъ познанцы. Они къ намъ всѣ очень хорошо относились,—показывали оружіе, пули, объясняли, какъ далеко стрѣляютъ, говорили откуда пришли и гдѣ остановились. За эти разговоры ихъ потомъ убрали. Одному познанцу нѣмецкій офицеръ велѣлъ стрѣлять въ поляка, познанецъ началъ умолять, чтобы его избавили отъ этого:

— Я не могу стрѣлять въ своихъ!

— Нѣмецкій офицеръ выхватилъ револьверъ и тутъ же застрѣлилъ его. Когда убрали познанцевъ, пришли саксонцы...

---

5 недѣль въ Ченстоховѣ.

Когда, вырвавшись изъ нѣмецкаго плѣненія въ Ченстоховѣ, вспоминаешь хозяйничанье тамъ пруссаковъ, поражаешься, какъ непроченъ тонкій налетъ ихъ культурности, плѣнявшей насъ въ мирное время и какой первобытный варваръ проглядываетъ во всѣхъ поступкахъ ихъ старшихъ офицеровъ и ихъ послѣдняго рядового.

Пишущій эти строки провелъ въ Ченстоховѣ 5 недѣль со времени объявленія войны и съ большимъ трудомъ на лошадяхъ, окольными путями, послѣ одной неудачной попытки выѣхать, выбрался оттуда. Населеніе города было очень обезпокоено, когда изъ него уѣхали всѣ учрежденія съ чиновниками, а когда начали выходить русскія войска, то больше всего боялись промежутка времени между ихъ уходомъ и вступленіемъ пруссаковъ, такъ какъ боялись грабежей, хотя и была учреждена городская милиція. Въ то время, какъ утромъ 21-го іюля, послѣдніе отряды русскихъ, взорвавъ желѣзнодорожные мосты и стрѣлки, покидали городъ съ восточнаго конца, на другомъ его концѣ—за Ясной Горой уже появился первый нѣмецкій разъѣздъ, состоящій изъ офицера и двухъ драгунъ 11-го полка. Какъ ни коротокъ былъ промежутокъ времени, когда въ городѣ не было никакихъ войскъ, не обошлось безъ грабежей.

Долго не рѣшались нѣмцы въѣхать въ городъ и, наконецъ, первымъ ихъ словомъ было:

— Гдѣ казаки?

Казаковъ не оказалось, зато они съ большимъ торжествомъ арестовали задержавшагося почему-то на посту солдата-пограничника. Черезъ нѣсколько дней мы прочли въ нѣмецкой газетѣ, случайно попавшей къ намъ, что «Ченстоховъ занятъ нѣмецкими войсками послѣ небольшого, но побѣдоноснаго сраженія».

Занявъ помѣщенія «Англійской гостиницы» и отдѣленія государственнаго банка, гдѣ расположилось управленіе коменданта, комендантъ города полковникъ фонъ-Цолернъ, имя котораго уже успѣло проник-

нуть въ русскую печать, опубликовалъ первое объявленіе, гласившее, что всѣ жители должны, подъ страхомъ смертной казни, немедленно сообщать о мѣстопребываніи казаковъ.

Населеніе отнеслось иронически къ этому объявленію, а дальнѣйшія событія заставили его понять, что оно имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, совершенно потерявшимъ голову.

И даже тѣ довольно многочисленные обыватели, которые вначалѣ думали, что со вступленіемъ нѣмецкихъ войскъ въ городѣ водворится полный порядокъ, горько разочаровались.

Ночью всѣ были разбужены сильной перестрѣлкой, а утромъ прочли, что въ нѣмецкихъ солдатъ стрѣляли изъ оконъ и что дома, изъ которыхъ произведены были выстрѣлы, будутъ «пушками сравнены съ землей, при чемъ изъ нихъ не выпустятъ даже женщинъ и дѣтей», что на городъ налагается контрибуція въ 20,000 рублей и что всѣ жители города обязаны снести имѣющееся у нихъ оружіе въ магистратъ. Это распоряженіе касалось и членовъ городской милиціи, исполнявшей въ городѣ обязанности полиціи.

Послѣ того, какъ въ слѣдующую ночь опять была слышна перестрѣлка и выяснилось, что убито нѣсколько солдатъ и лошадей, нѣмцы разстрѣляли домовладѣльца Саковскаго, его сторожа и еще одного обывателя, и похоронили ихъ въ городскомъ паркѣ вмѣстѣ съ лошадьми. Цоллернъ распорядился, чтобы всѣ окна, выходящія на улицу, были освѣщены, чтобы никто къ нимъ не подходилъ, чтобы всѣ ворота и двери квартиръ были открыты и чтобы всю ночь въ каждомъ домѣ было дежурство.

На улицахъ безъ всякой причины арестовывали первыхъ попавшихся и отправляли ихъ въ Германію. Заставили ходить по городу вмѣстѣ съ патрулями нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ жителей, очевидно, чтобы такимъ образомъ обезопасить патрули отъ выстрѣловъ.

Съ однимъ изъ патрулей шелъ ночью директоръ одной фабрики г-нъ К. Увидѣвъ, что далеко за поворотомъ улицы показались какіе-то люди, патруль началъ ихъ обстрѣливать. Завязалась перестрѣлка. Г-нъ К., узнавъ въ нихъ другой нѣмецкій патруль, шедшій въ сопровожденіи его знакомаго, тоже мѣстнаго жителя, нѣсколько разъ пы-

тался остановить стрѣльбу, но озвѣрѣвшіе солдаты ударили его прикладомъ по головѣ и въ безсознательномъ состояніи принесли въ комендантское управленіе.

Г-нъ К., придя въ себя, разсказалъ о происшествіи коменданту, не фонъ-Цолерну, а другому, смѣнившему его офицеру. Онъ, сдѣлавъ разслѣдованіе, дѣйствительно, нашелъ въ трупахъ убитыхъ лошадей нѣмецкія пули и разрѣшилъ по-человѣчески похоронить ни въ чемъ неповинныхъ разстрѣлянныхъ жителей, лежавшихъ въ общей могилѣ съ лошадьми.

Быть можетъ, этотъ случай спасъ городъ отъ участи Калиша.

Городъ не подвергался бомбардировкѣ еще и потому, что нѣмцы понимали значеніе святыни Ченстоховскаго монастыря для католическаго міра и всячески старались подкупить мѣстное населеніе, играя на его религіозныхъ чувствахъ.

Но обѣщанныхъ, взамѣнъ украденныхъ во времена Мацоха, новыхъ драгоцѣнностей монастырь отъ Вильгельма пока не получилъ...

Конечно, послѣ «недоразумѣній» въ родѣ разстрѣла Саковскаго, жители чрезвычайно тревожно ожидали дальнѣйшаго и съ большимъ вниманіемъ читали богатую литературу объявленій, появлявшихся на столбахъ по нѣскольку за день.

Всякихъ обязательныхъ постановленій и требованій было такъ много, что очень трудно было услѣдить за всѣми,—и немало обывателей пострадало изъ-за этого.

Для наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ въ городѣ былъ назначенъ мѣстный старожилъ, нѣмецкій подданный г-нъ Бернекъ, названный Polizei-Präsident'омъ. При всемъ желаніи, онъ ничего не могъ подѣлать противъ грабежа и насилій нѣмцевъ, но населеніе ему очень обязано тѣмъ, что своимъ вмѣшательствомъ онъ спасъ многихъ отъ безпричиннаго разстрѣла или ссылки въ Германію на полевыя работы.

Всѣхъ русскихъ православныхъ обязали ежедневно являться въ комендантское управленіе.

Грабить нѣмцы не стѣснялись. Они являлись въ лавки, склады, на

фабрики и на рынокъ, забирали, что нужно, а если кто-нибудь просилъ платы, то фельдфебель вырывалъ изъ записной книжки листокъ и писалъ карандашомъ, что забрано того-то на столько-то марокъ. Подпись—и больше ничего. Ни печати, ни какого-нибудь иного доказательства, что это документъ. А на вопросъ, гдѣ получить деньги, недоумѣнное пожатіе плечами.

Если же какой-нибудь крестьянинъ, привезшій въ городъ хотя бы картофель и предполагавшій на вырученныя деньги купить хлѣба, позволялъ себѣ жаловаться, что его обидѣли, то его или избивали прикладами или отправляли въ Германію на полевыя работы. Бывали случаи, что и застрѣливали тутъ же.

Не довольствуясь этимъ замаскированнымъ грабежомъ, нѣмцы просто взламывали иногда замки и брали, что понравится. Такъ, напримѣръ, совершенно почти опустошено нѣмецкими офицерами русское офицерское собраніе, а изъ квартиры служащихъ на желѣзнодорожной станціи Ченстоховъ-Гербскій вытаскивали мебель и тутъ же продавали: столикъ или стулъ, напримѣръ, копеекъ за тридцать. Гдѣ-то раздобыли піанино и продали тутъ же за нѣсколько рублей.

Не удовлетворяясь грабежомъ, дошли однажды до того, что, разбивъ буфетъ въ одной изъ квартиръ на той же станціи, разставили на полу столовую посуду и испражнялись въ нее.

А черезъ нѣсколько дней комендантъ возмущенно разсказывалъ одному мѣстному жителю, пришедшему къ нему по дѣлу, о томъ, какъ хозяйничали на станціи... казаки.

Или храбрый полковникъ вралъ, или подобные случаи обмана своихъ начальниковъ и сваливанія на русскихъ составляютъ у нѣмцевъ систему...

Нѣмцы въ Ченстоховѣ.

I.

РАЗСКАЗЪ 13-ЛѢТНЕЙ ГИМНАЗИСТКИ.

Отецъ дѣвочки, Ф. В. Курскій, служилъ управляющимъ громаднаго пятиэтажнаго дома Хржонковой въ Ченстоховѣ.

Появленіе германцевъ въ Ченстоховѣ явилось для жителей полной неожиданностью.

Нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ съ офицерами явились и въ домъ Хржонковой и начали грабить квартирантовъ.

Возмущенной безцеремонностью и наглостью нѣмцевъ, Курскій укоризненно сказалъ солдатамъ:

— Какъ вамъ не стыдно грабить мирныхъ жителей?

Въ этотъ моментъ къ нему подошелъ офицеръ и раскроилъ ему шашкой черепъ на глазахъ дочери.

Перепуганная дѣвочка убѣжала и спряталась въ сарай, въ которомъ пробыла цѣлую ночь.

До нея доносились выстрѣлы и крики раненыхъ и убитыхъ нѣмцами.

Къ утру, когда все стихло, дѣвочка вышла изъ сарая на улицу. Она встрѣтила еще нѣсколько дѣвочекъ—подругъ по училищу. Родители ихъ также были убиты.

Вмѣстѣ съ дѣвочками она рѣшилась зайти къ себѣ на квартиру.

Въ одной изъ комнатъ онѣ нашли обезображенные трупы убитыхъ нѣмцами и домовладѣльцы Хржонковой, ея мужа, швейцара и управляющаго домомъ—отца дѣвочки.

Дѣвочки въ ужасѣ вышли въ поле, намѣреваясь пробраться въ Варшаву.

Двое сутокъ понадобилось дѣтямъ,— ихъ было десять,—чтобы добраться до Варшавы.

Сестра милосердія, къ которой Шура Курская обратилась за помощью, предоставила ей возможность пріѣхать въ Харьковъ въ санитарномъ поѣздѣ.

II.

ПОДЪ РАЗСТРѢЛОМЪ.

Германскіе солдаты, войдя въ Ченстоховъ, начали пьянствовать, что вызвало запрещеніе жителямъ продавать солдатамъ водку. Въ пьяномъ видѣ нѣсколько солдатъ затѣяли перестрѣлку, за которую, пострадали жители Ченстохова. 18 мужчинъ, въ томъ числѣ 80-лѣтній Менжницкій, были разстрѣляны.

Убитые были погребены въ одной ямѣ съ трупами нѣмецкихъ лошадей, павшихъ во время ночной перестрѣлки.

Могила эта, выкопанная арестованными жителями Ченстоховки, находится въ паркѣ гигіеническаго музея.

Большая группа арестованныхъ ночью мужчинъ была поставлена подъ разстрѣлъ.

При этомъ нѣмцы томительно затягивали приготовленіе казни. Медленно разставляли осужденныхъ возлѣ стѣны. Наконецъ, приказали имъ обнажить головы.

— Матко, ратуй насъ! Матко, ратуй насъ, бо гинемы!—молились осужденные.

Солдаты тѣмъ временемъ, не торопясь, выстраивались противъ осужденныхъ, и, наконецъ, направили на нихъ дула ружей.

Послѣ небольшой паузы разстрѣлъ, по приказанію коменданта, былъ отмѣненъ.

Послѣ этого помилованныхъ держали подъ арестомъ безъ пищи въ теченіе цѣлаго дня.

Всѣхъ приходившихъ провѣдать арестованныхъ нѣмцы задерживали.

Къ вечеру число арестованныхъ женщинъ и мужчинъ превысило 1,500 человѣкъ.

Всѣхъ ихъ объявили военноплѣнными и подъ конвоемъ отправили въ Германію.

Нѣмцы въ Згержѣ.

Разсказъ г. А.

Объявленіе мобилизаціи было встрѣчено поляками и евреями патріотическими манифестаціями съ Царскими портретами. Недѣли черезъ двѣ послѣ объявленія войны пріѣхавшіе изъ Лодзи сообщили, что въ Згержъ идетъ большой нѣмецкій отрядъ. Дѣйствительно, въ тотъ же день, вечеромъ, нѣмцы вступили въ мѣстечко и сначала расположились на Новомъ рынкѣ. Впереди отряда верхомъ на лошади ѣхалъ нѣмецкій офицеръ. Подозвавъ къ себѣ милиціонера, члена пожарнаго общества, онъ приказалъ ему позвать къ себѣ президента города. Пока пришелъ президентъ, нѣмцы занялись расквартированіемъ войскъ. Офицеръ передалъ одному унтеру списокъ школъ и большихъ ресторановъ, въ которыхъ солдаты и были расквартированы.

Когда на рынокъ пришелъ президентъ, г. Бортновскій, офицеръ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Я — майоръ Браунсъ. Я пришелъ къ вамъ отъ имени его императорскаго величества Вильгельма II. и буду у васъ временнымъ комендантомъ города. Долго ли я пробуду,—не знаю, но, во всякомъ случаѣ, если мнѣ и придется уйти, то я скажу только «до свиданія». Людей и лошадей мы уже размѣстили, а мы, гг. офицеры, будемъ имѣть квартиру у фабриканта Юліуса Гофмана (фамилію эту офицеръ прочиталъ въ своей записной книжкѣ).

Такъ какъ Гофманъ находился здѣсь же, то президентъ на него и указалъ.

Видя вокругъ огромную толпу народа и среди нея много молодежи, майоръ Браунсъ, обращаясь къ президенту, спросилъ:

— Это что же за народъ? Не тѣ ли это, которые бѣжали при объявленіи мобилизаціи?

Майоръ Браунсъ былъ крайне удивленъ, когда узналъ, что мобилизація въ Згержѣ прошла совершенно спокойно, и никто не думалъ скрываться. (Потомъ нѣмцы говорили, что въ ихъ городахъ теперь за деньги нельзя видѣть такихъ здоровыхъ молодыхъ людей, не взятыхъ на войну. Дома у нихъ говорили, что русскіе поляки присоединятся къ нѣмцамъ).

Пробывъ въ мѣстечкѣ три дня, нѣмцы уѣхали.

На второй день пребыванія въ городѣ временный комендантъ приказалъ магистрату выдать 100 кило кофе. Такъ какъ такого количества въ мѣстечкѣ нельзя было найти, то нѣмцамъ предложили чай. Пригрозили-было они разстрѣлять, но все-таки чаю напились, при чемъ за забранные въ лавкахъ чай и кофе ничего не платили...

Собираясь уѣзжать, нѣмцы предложили жителямъ мѣстечка въ теченіе 30-ти минутъ доставить на площадь всѣхъ лошадей и повозки. Не довольствуясь этимъ, нѣмцы сами разбрелись по конюшнямъ и стали забирать лошадей. Когда же лошадей оказалось все-таки мало, они поставили человѣкъ сто солдатъ на дорогѣ, ведущей въ Лодзь, и стали останавливать всѣхъ ѣхавшихъ какъ въ Лодзь, такъ и изъ Лодзи, Задерживающіяся подводы съ товаромъ отправлялись въ мѣстечко, при чемъ товаръ сваливался прямо на площади. Часа черезъ два нѣмцы уѣхали.

На пятый день въ Згержѣ снова появился нѣмецкій разъѣздъ, состоящій изъ офицера и девяти нижнихъ чиновъ. Покружившись по улицамъ мѣстечка, нѣмцы уѣхали по направленію къ деревнѣ Константиново. Это было часовъ въ девять утра. Едва только нѣмцы уѣхали, какъ пріѣхали два казака. Узнавъ, куда уѣхали нѣмцы, казаки поскакали за ними. Часа черезъ два казаки возвратились обратно, при чемъ вели четверыхъ плѣнниковъ: бывшаго съ разъѣздомъ офицера и трехъ нижнихъ чиновъ; на поводу шли четыре лошади.

Какъ затѣмъ выяснилось, нѣмцы, пріѣхавъ въ деревню Константиново, расположились въ избѣ одного крестьянина на завтракъ. У дверей стояли два часовыхъ. Раздѣлившись, казаки съ гиканьемъ въѣхали въ деревню съ двухъ сторонъ. Снявъ сначала часовыхъ, казаки вступили въ бой съ бывшими въ избѣ. Вскорѣ двое были убиты, а четверо тяжело ранены. Остальные были взяты живыми.

Почти одновременно въ городъ въѣхали три сотни казаковъ, и нѣмцы больше не появлялись.

Жители мѣстечка крайне поражены были тѣмъ, что нѣмцы стали расквартировывать солдатъ по заранѣе приготовленному списку.

---

2. Австрійцы въ Каменецъ-Подольскѣ.

Разсказъ очевидца.

Появленіе австрійцевъ въ Каменецъ-Подольскѣ вообще ожидали со дня на день. Населеніе постепенно выѣзжало. За проѣздъ отъ Каменца до Ларги и до Могилева-Подольскаго платили до 100 руб. за экипажъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль на территоріи земской больницы поселились семьи всѣхъ врачей города. Ежедневно изъ города тянулась цѣпь подводъ съ имуществомъ и дѣлопроизводствами различныхъ учрежденій. Однажды цѣпь подводъ протянулась отъ Каменца до ст. «Котюжаны». Многіе жители за неимѣніемъ лошадей или за дороговизной проѣзда отправлялись въ Китай-городокъ—16 верстъ, или дальнѣйшіе пункты—пѣшкомъ, съ дѣтьми на рукахъ. Была организована милиція подъ начальствомъ прис. пов. Сѣдлецкаго. Ко дню вступленія австрійцевъ въ городѣ осталось около 25-ти тысячъ населенія (вмѣсто обычныхъ 50-ти тыс.).

4-го августа, около полудня, стало извѣстно о приближеніи австрійцевъ. Въ городѣ началась невообразимая паника. Полиція и жители на оставшихся въ городѣ экипажахъ начали спѣшно выѣзжать. Были закрыты всѣ магазины, и кто не успѣлъ или не сумѣлъ бѣжать, пря-

тались въ домахъ или, блѣдные, испуганные, бѣгали по улицамъ.

Полагаютъ, что всего австрійцевъ пришло два полка—пѣхоты и кавалеріи. Одинъ полкъ венгерскій. Появились австрійскія войска съ трехъ сторонъ: съ Новаго Плана, черезъ Турецкій мостъ и черезъ предмѣстье Каменецъ-Подольска—Зиньковцы.

Приблизительно въ $12\frac{1}{2}$ часовъ дня со стороны Турецкаго моста, возлѣ Стараго бульвара, раздались первые ружейные выстрѣлы, продолжавшіеся около 20-ти минутъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ началась бомбардировка съ разныхъ сторонъ города. Бомбардировка продолжалась съ небольшими перерывами до 4-хъ час. дня.

Послѣ 4-хъ часовъ пальба прекратилась, и на Губернаторской площади появились австрійскія войска. Прежде всего, австрійцы направились къ квартирѣ полицмейстера, взломали дверь и, никого тамъ не заставъ, отправились дальше: къ окружному суду, къ духовному училищу. Взламывали двери, искали повсюду засады. Изъ окружнаго суда на Губернаторскую площадь были вынесены столы, и австрійцы приступили къ трапезѣ, затѣмъ потребовали отъ нѣкоторыхъ жителей воды, при чемъ заставили ихъ пробовать воду, подозрѣвая отравленіе.

Начальникъ австрійскаго гарнизона поселился въ депо вольно-пожарной дружины. Нѣсколько австрійскихъ отрядовъ отправилось по городу въ сопровожденіи дружинниковъ, которыхъ заставили указать склады и лавки со съѣстными припасами и предметами первой необходимости.

Во время разъѣздовъ былъ арестованъ завѣдующій городской электрической станціей Вольфманъ, у котораго потребовали указанія, гдѣ находится городской голова.

Шествіе австрійцевъ по улицамъ города продолжалось до 12-ти час. ночи, при чемъ замѣчено было, что австрійцы везли съ собой большой обозъ. Послѣ полуночи австрійцы вышли за городъ, и стало извѣстно, что начальникъ гарнизона черезъ городского голову наложилъ на городъ контрибуцію: серебромъ и золотомъ 200 тысячъ рублей, 300 пудовъ мяса и 800 пудовъ хлѣба. Контрибуція должна была быть доставлена къ 8-ми часамъ утра слѣдующаго дня. Въ против-

номъ случаѣ начальникъ гарнизона пригрозилъ городского голову повѣсить, городъ сжечь и всѣхъ жителей перерѣзать. Одинъ врачъ, по словамъ разсказчика, присутствовавшій при предъявленіи начальникомъ гарнизона городскому головѣ требованія контрибуціи (дѣло было въ зданіи городской управы), передавалъ, что на замѣчаніе городского головы, что городъ такой суммы дать не въ состояніи, начальникъ гарнизона въ ярости началъ топать ногами, стучать кулаками о столъ и крикнулъ:

— Das muss sein!

Населеніе было разбужено, и всю ночь шли сборы контрибуціи. Каждый спѣшилъ отдать, что имѣлъ,—золото, серебро, изъ домашней утвари, такъ какъ денегъ почти ни у кого не было. Это была ночь страха, ночь ожиданія казни. Всѣ были увѣрены, что при значительно порѣдѣвшемъ населеніи города потребованной контрибуціи собрать не удастся; лишеніе имущества никого уже не огорчало, ибо жизнь висѣла на волоскѣ. Всю ночь лилъ проливной дождь, и по улицамъ бѣгали испуганныя тѣни, относившія свой скарбъ въ городскую управу,—въ видѣ контрибуціи австрійцамъ. Нѣкоторые, впрочемъ, отказывались дѣлать взносъ,—у нихъ брали силой. Нѣкоторыя квартиры уѣхавшихъ изъ Каменца жителей были открыты, и толпой оттуда уносились въ управу вещи. Изъ этихъ квартиръ, между прочимъ, было унесено нѣсколько несгораемыхъ кассъ, которыя у зданія управы были взломаны.

Къ утру все, потребованное австрійцами, было заготовлено: золото и серебро (въ томъ числѣ утварь церквей, костеловъ и синагогъ), свѣжеиспеченный хлѣбъ и мясо, и депутація—городской голова, священникъ, ксендзъ, раввинъ и два члена городской думы—отправилась за городъ, чтобы вручить контрибуцію австрійцамъ. Но долго австрійцевъ найти не удавалось, и лишь въ 9 часовъ утра депутація нашла ихъ въ 5-ти верстахъ отъ города на Ко́закѣ (Ко́закъ—корчма, издавна славившаяся, какъ притонъ преступниковъ).

Принявъ контрибуцію, австрійцы отправили депутацію въ м. Ѳрынинъ, въ 15-ти верстахъ отъ города, въ качествѣ заложниковъ, на тотъ случай, если бы въ контрибуціи оказались недочеты. Къ 12-ти

часамъ дня контрибуція была провѣрена, и депутація была отпущена, при чемъ церковная утварь австрійцами была возвращена.

До 1 часа дня, когда депутація вернулась въ городъ, все населеніе находилось въ ожиданіи... уничтоженія города и поголовнаго разстрѣла.

Въ 9 час. вечера въ городъ явился уполномоченный отъ австрійцевъ, пригласившій опять депутацію отъ города на Кỏзакъ. Тамъ одинъ австрійскій полковникъ заявилъ депутаціи, что контрибуція вся возвращается, и объяснилъ причину какъ обложенія города контрибуціей, такъ и бомбардировки.

— Дѣло въ томъ,—объяснилъ полковникъ,—что когда австрійцы подошли къ городу, они, согласно обычаю, дали нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ. Въ отвѣтъ изъ города было дано нѣсколько ружейныхъ залповъ. Австрійцы это приняли за вызовъ и начали бомбардировку, но замѣтивъ на пожарной каланчѣ бѣлый флагъ, они бомбардировку прекратили. Во время перерыва изъ города въ австрійцевъ опять былъ данъ залпъ, которымъ убило одного австрійскаго лейтенанта. Это возмутило начальника гарнизона. Онъ опять возобновилъ бомбардировку и затѣмъ отдалъ приказъ безъ всякихъ предупрежденій уничтожить городъ и «перерѣзать» всѣхъ жителей, чтобы отомстить за лейтенанта. Офицеровъ приказаніе «суроваго» начальника гарнизона ужаснуло, и они устроили совѣщаніе, на которомъ рѣшили приказанія начальника не исполнять, что тому и было объявлено. Тогда сошлись на компромиссѣ—контрибуціи. Но вотъ, по словамъ полковника, теперь выяснилось, что стрѣляли въ австрійцевъ не мирные жители, а ополченцы, и рѣшено жителямъ вернуть контрибуцію.

Пріѣхавшіе на Кỏзакъ милиціонеры увезли контрибуцію обратно въ городъ.

Послѣ этого австрійцы совсѣмъ удалились отъ Каменецъ-Подольска.

Набѣгъ австрійцевъ на Каменецъ-Подольскъ.

Разсказъ нотаріуса Загорскаго.

Ужъ за нѣсколько дней до появленія нѣмцевъ въ городѣ царило тревожное настроеніе, усугубляемое растерянностью мѣстныхъ властей и всевозможными слухами. По распоряженію властей, учрежденія то вывозились изъ города, то вновь возвращались, въ зависимости отъ сообщеній о близости австрійцевъ. Однако, къ 4-му августа, дню занятія Каменца, въ немъ не осталось ни одного учрежденія; послѣднимъ, уже послѣ первыхъ выстрѣловъ, вывезли телеграфъ. Перепуганное населеніе частью заранѣе выѣхало на повозкахъ, частью осталось ждать событій.

Незадолго до занятія города, вмѣсто полиціи, была организована городская милиція изъ извѣстныхъ мѣстныхъ гражданъ. 7-го были выпущены изъ тюрьмы арестанты, а болѣе опасныхъ преступниковъ увезли заранѣе. Около часа дня въ городѣ услышали выстрѣлъ. Поднялась паника невообразимая. Крики, плачъ, лай собакъ, ржанье лошадей надрывали душу. Часть дѣтей и женщинъ спряталась въ больницы, надъ которыми водрузили бѣлые флаги. Въ 3 часа дня 4-го августа раздался тяжкій, зловѣщій свистъ гранаты, и начался обстрѣлъ города.

— Подъ свистъ пуль и трескъ шрапнелей я съ семьей и выбрался изъ Каменца.

Я направился по Проскуровскому шоссе. Вдогонку мнѣ свистѣли пули и снаряды. Нагибаясь, я чувствовалъ, какъ что-то пролетѣло надъ моимъ затылкомъ и дохнуло на меня жаромъ.

Пріѣхавъ въ Новую Ушицу, я узналъ изъ офиціальнаго донесенія дѣлопроизводителя губернскаго правленія Гладуна и изъ совпадавшихъ съ нимъ разсказовъ очевидцевъ, что карательный обстрѣлъ города и его предмѣстья продолжался болѣе двухъ часовъ. Австрійскіе снаряды разрушили городское училище, столовую польскаго бла-

готворительнаго общества, повредили куполъ католическаго костела, крыши на гимназіи, техническомъ училищѣ и на многихъ домахъ. Убитыхъ оказалось пятеро: три женщины, владѣлецъ писчебумажнаго магазина Вайнбаумъ и восемнадцатилѣйтній юноша. Въ шестомъ часу, послѣ того, какъ были вывѣшены бѣлые флаги, австрійцы вошли въ городъ, арестовали подвернувшагося содержателя электрической станціи Вольфмана и велѣли ему проводить ихъ къ управѣ. Здѣсь ими было заявлено требованіе доставить къ 8-ми часамъ утра 5-го августа 200,000 рублей звонкой монетой.

— Если деньги не будутъ доставлены,—заявили австрійцы,—мы повѣсимъ городского голову и разрушимъ городъ.

Между тѣмъ, въ послѣдніе дни въ Каменцѣ ни золота, ни размѣнной монеты вообще не было. Доходило до того, что платили за хлѣбъ по трехрублевой бумажкѣ, такъ какъ денегъ никто не мѣнялъ.

Сколько ни собирали жители Каменца, нашли лишь 10,000 рублей и рѣшили поэтому удовлетворить австрійцевъ вещами. Цѣлую ночь бродили уполномоченные изъ дома въ домъ. Давали драгоцѣнности, сносили въ управу даже подушки.

Церкви, костелъ, синагоги, отдали свою утварь.

Въ 8 часовъ утра городской голова Туровичъ представилъ генералу, командующему австрійцами, все собранное.

Насильники забрали все, захватили весь имѣвшійся въ городѣ хлѣбъ, мясо, 100 головъ рогатаго скота, велѣли доставить 100 подводъ и увезли свою добычу.

Послѣ грабежа австрійцы стали любезнѣе и даже своевременно предупредили населеніе, что сдѣлаютъ два залпа—салютъ по случаю дня рожденія Франца-Іосифа.

Когда нотаріусъ Загорскій добрался до Котюжанъ, ему говорили, что австрійцы заняли Старую и Новую Ушицы, что во всѣхъ захваченныхъ мѣстахъ они устанавливаютъ свое правленіе, пишутъ пропуски въ предѣлы Россіи, гимназистамъ не позволяютъ носить форму и, срывая гербы, говорятъ:

— Это вамъ не Россія.

Разсказывали также, что молодыхъ крестьянъ австрійцы заставля-

ютъ служить въ своихъ войскахъ, что они сняли въ Каменецъ-Подольскѣ со священника о. Бѣлостокскаго золотой крестъ и заставили пройти по Турецкому мосту, боясь минъ.

Занявъ Каменецъ, австрійцы обходили квартиры, разыскивая припрятанныхъ солдатъ, но таковыхъ, конечно, не оказалось.

Требованіе уплатить контрибуцію въ 200,000 рублей австрійцы объясняли возмездіемъ за убійство казаками ихъ лейтенанта.

Нѣмцы въ Сувалкахъ.

Въ среду, 3-го сентября, приблизительно около 5-ти час. вечера, съ запада, съ нѣмецкой стороны, прилетѣли одновременно три аэроплана. Поровнявшись съ Сувалками, летчики бросили по одной бомбѣ.

Паника началась ужасная.

Кричали:

— Нѣмцы!

И разбѣжались, кто куда могъ.

Одна бомба упала на Петроградской улицѣ, противъ коммерческаго училища. Ранили дѣвочку сторожа этого училища.

Вторая бомба упала возлѣ желѣзнодорожной водокачки. Тяжело ранила случайно проходившую мимо женщину.

Третья бомба упала въ 600 шагахъ отъ вокзала, не причинивъ никому вреда.

Наши стрѣлки открыли по нѣмецкимъ аэропланамъ ружейный огонь, но летчики взяли круто вверхъ, стараясь выйти изъ сферы огня. Двоимъ удалось улетѣть назадъ, въ Пруссію, а одного летчика подстрѣлили. Онъ упалъ за городомъ, гдѣ его и подобрали наши солдаты.

Послѣ этого наступило успокоеніе. Паника прошла.

Но въ четвергъ, въ 11 часовъ утра, снова показались на западѣ аэропланы.

— Нѣмцы опять летятъ!—крикнулъ кто-то.

И снова въ городѣ поднялась суматоха.

На этотъ разъ нѣмцы бомбъ не бросали, а стали разбрасывать прокламаціи. Однѣ—къ войскамъ, а другія—къ населенію.

Къ войскамъ нѣмцы обращаются:

«Братцы!.. Не проливайте даромъ крови! Сдавайтесь въ плѣнъ, потому что мы, все равно, побьемъ васъ»...

И далѣе о бунтахъ, революціи и тому подобное.

Къ населенію же нѣмцы пишутъ:

«Друзья! Не волнуйтесь и сидите на мѣстахъ... Мы идемъ къ вамъ не врагами, а друзьями!..»

— Хорошіе друзья!—замѣтилъ кто-то въ толпѣ.—А зачѣмъ бомбы вчера бросали?..

Но послѣ этого паника снова улеглась.

Если населеніе боится, то не столько бомбъ, брошенныхъ съ аэроплана, сколько повторенія калишскихъ звѣрствъ.

До утра пятницы было спокойно. Въ пятницу же, утромъ, въ Сувалкахъ показались наши обозы, показалась артиллерія.

Опасность уже стала несомнѣнной.

Вечеромъ со стороны Грачки показалось зарево.

Еще спустя часъ вспыхнуло зарево въ сторону Рай-Гроды.

Населеніе спѣшно укладывало свои пожитки и убѣгало.

Всю ночь скрипѣли крестьянскія телѣги.

Въ субботу, утромъ, въ городѣ оставались только власти да базарные бѣдняки.

Въ числѣ послѣднихъ въ полдень выѣхалъ сувалкскій вице-губернаторъ графъ Борхъ.

Проѣзжая по улицѣ, онъ увидѣлъ бѣднаго еврея Пахуцкаго съ дочерью.

— Отчего вы не спасаетесь?—спросилъ Пахуцкаго графъ Борхъ.

Пахуцкій отвѣтилъ:

— Не на чемъ... Да если и суждено мнѣ умереть, такъ ужъ лучше тутъ... на родинѣ...

Графъ Борхъ предложилъ Пахуцкому и дочери его мѣсто въ автомобилѣ и увезъ ихъ изъ Сувалокъ.

Въ четыре часа дня нѣмецкій эскадронъ вступилъ въ Сувалки по двумъ улицамъ: по Кривой и Ковенской. Оба отряда встрѣтились у городского сада и на мгновеніе задержались.

Въ это время прискакали казаки.

— Казаки!—крикнули нѣмцы и бросились въ садъ, думая, что въ саду имѣется сквозной выходъ. Но выхода не было.

Казаки атаковали нѣмцевъ въ саду, и черезъ нѣсколько минутъ по аллеямъ и подъ деревьями валялись лишь трупы нѣмецкихъ драгунъ.

До воскресенья было затишье.

А въ воскресенье, 7-го сентября, въ Сувалки вступилъ цѣлый нѣмецкій отрядъ.

Послѣ непріятельскаго нашествія.

I.

ДРУСКЕНИКИ.

Въ Друскеникахъ сгорѣло дотла 107 зданій. Но, кромѣ того, насчитывается до 36-ти домовъ, преимущественно деревянныхъ, которые лишь повреждены артиллерійскими снарядами.

У одного дома сорвана крыша, у другого пробита стѣна. У третьяго разворочень фундаментъ.

Вотъ знаменитая «Villa-Radium». Весь фасадъ цѣлъ, красуется золоченая вывѣска на воротахъ, а въ зданіи половина второго этажа отхвачена ядромъ.

На противоположномъ тротуарѣ—сплошная груда камней на протяженіи всей улицы. Сплошь да рядомъ трудно даже опредѣлить, гдѣ кончается одинъ домъ и начинается другой. Только мѣстами, у торчащихъ печныхъ трубъ, высятся, какъ намогильные знаки, вывѣски: «Друскеникское народное училище», «Друскеникское общество потребителей» и др.

На развалинахъ синагоги, библіотеки Сыркина, пансіоната Френкеля еще до сихъ поръ подъ густымъ слоемъ пепла тлѣетъ огонекъ.

Нѣтъ почти дерева, которое такъ или иначе не пострадало бы отъ непріятельскаго нашествія. Срублено, повалено, расщеплено, пробито пулями безъ конца.

И поразительно: лишь одно дерево во всемъ паркѣ стоитъ на самомъ берегу Нѣмана совершенно цѣлехонькое, безъ зазубринки. Это—славящаяся по всей округѣ покровительница курортной молодежи,—«бабушка». «Бабушкѣ», говорятъ, уже за 200 лѣтъ; она давно потеряла верхушку и такъ «посѣдѣла», что невозможно опредѣлить даже ея породу. Вѣроятно, многимъ десяткамъ тысячъ друскеникскихъ гостей будетъ пріятно узнать, что «бабушка» пережила вражеское нашествіе.

Великолѣпный курзалъ сгорѣлъ дотла.

Ванныя помѣщенія пострадали мало, источники совершенно невредимы.

Вообще, повсюду поражаетъ смѣсь самаго притязательнаго комфорта съ отсутствіемъ элементарныхъ удобствъ.

Громадныя гостиницы съ шикарными подъѣздами, съ цвѣточными клумбами въ палисадникахъ, электрическія лампочки, на табличкахъ еще красуются имена гостей, дѣйствуетъ водопроводъ, мраморные умывальники. А стекла до единаго выбиты, печи разломаны, мебель разбросана, посуда, зеркала перебиты,—холодно и жутко.

Аптека сгорѣла, врачи разъѣхались.

Жители предмѣстья Поганка, не тронутаго бомбардировкой, вотъ уже двѣ недѣли питаются однимъ картофелемъ. Нѣкоторое, очень скромное разнообразіе (селедка, творогъ) вносятъ «бѣженцы», вчерашніе богачи, пріѣзжающіе «на развѣдку». Эти жертвы военнаго урагана часами стоятъ съ заплаканными глазами у разоренныхъ гнѣздъ, потомъ берутъ бумажку отъ коменданта, констатирующую печальный фактъ, и уѣзжаютъ изъ родного пепелища невѣдомо куда.

У нѣкоторыхъ руинъ копошатся старухи, вытаскивая изъ-подъ обломковъ куски металла, самовары, умывальники, тазы.

Разсказовъ, какъ «это» случилось, множество. Фантазируютъ, раз-

украшиваютъ. Клятвенно увѣряютъ, напримѣръ, что фельдшеръ Флейшеръ, умершій во время канонады отъ разрыва сердца, самъ прописалъ себѣ рецептъ, но аптека уже горѣла, лѣкарства негдѣ было достать, такъ онъ, бѣдный, промучился шесть часовъ и померъ. Другому разсказчику недостаточно того факта, что содержатели пекарни мужъ и жена Шмигельскіе убиты осколками шрапнели. Здѣсь было еще нѣкое знаменіе. И вотъ онъ разсказываетъ:

— Ровно за 24 часа до начала бомбардировки въ пекарню зашла какая-то таинственная женщина «изъ военныхъ» и стала проклинать Шмигельскаго за то, что онъ дорого продаетъ хлѣбъ. Тотъ взмолился: «У меня двое сыновей въ дѣйствующей арміи».—«Дай Богъ,—отвѣтила женщина,—чтобы сыновья твои вернулись здоровые, а ты и жена твоя, чтобы умерли неестественной смертью». И какъ она сказала, такъ и случилось...

Говорятъ о томъ, что съ неработавшей мельницы въ день канонады раздался гудокъ.

Но, оказывается, и до миѳическаго гудка было много вполнѣ реальныхъ признаковъ приближавшейся грозы.

Надъ мѣстечкомъ рѣяли непріятельскіе аэропланы, въ теченіе цѣлой недѣли происходили перестрѣлки между нашими и нѣмецкими разъѣздами, не разъ приходили съ того берега—изъ Сувалкской губерніи—вѣсти, что «врагъ у воротъ».

Но обыватели, видя, что многократныя тревоги оканчивались ничѣмъ, не вѣрили «слухамъ» даже тогда, когда врагъ на самомъ дѣлѣ пришелъ.

Пришелъ онъ въ пятницу, 12-го сентября.

Въ полденъ показался передовой отрядъ, давшій нѣсколько ружейныхъ залповъ и тотчасъ же скрывшійся.

Около 2-хъ часовъ дня надъ курортомъ пролетѣлъ «Цеппелинъ» и бросилъ бомбу.

Черезъ нѣсколько минутъ «заговорили» осадныя орудія.

По ироніи судьбы, первый нѣмецкій снарядъ попалъ въ Нѣмецкую улицу, гдѣ была разрушена роскошная дача полковника Грибоѣдова.

Усерднѣе всего непріятельскія орудія обстрѣливали больницу и торговые ряды, гдѣ, по предположенію нѣмцевъ, находились наши главныя силы.

Первая непріятельская батарея находилась въ 10-ти верстахъ отъ Друскеникъ, въ двухъ верстахъ отъ Лейпунъ, на высокой горѣ, откуда курортъ виденъ даже невооруженнымъ глазомъ.

Во время боя орудія постепенно придвигались, и къ воскресенью, 14-го сентября, самая дальняя нѣмецкая батарея находилась уже всего въ 6-ти верстахъ отъ Друскеникъ, ближняя же стояла всего въ верстѣ отъ курорта.

На лѣвомъ берегу Нѣмана поля изрѣзаны глубокими бороздами отъ автомобилей, перевозившихъ непріятельскія орудія.

Нѣмцы подбѣжали густыми колоннами къ рѣкѣ и начали строить понтонный мостъ противъ горки, находящейся въ углу, образуемомъ рѣчкой Ротничанкой и Нѣманомъ.

Когда мостъ былъ наполовину готовъ, наша артиллерія въ одинъ моментъ «сняла» мостъ, потопивъ всѣхъ находившихся на немъ нѣмцевъ.

Оставшіеся бросились бѣжать по направленію къ деревнямъ Болташишки, Янопюль и Гамбинцы. Нашъ огонь преслѣдовалъ ихъ по пятамъ. Деревни сгорѣли, и нѣмцамъ негдѣ стало скрываться.

Въ это же время началъ обходить непріятеля сильный отрядъ.

Замѣтивъ обходъ, нѣмцы стали поспѣшно отступать. Тогда наши войска перешли въ наступленіе, завершившееся побѣдой въ Августовскихъ лѣсахъ.

Со стороны непріятеля участвовало въ обстрѣлѣ Сопоцкина и Друскеникъ много тяжелыхъ орудій.

По словамъ крестьянъ, находившихся въ тылу непріятеля, нѣмцы заставили ихъ въ теченіе трехъ дней, пока продолжалось сраженіе подъ Друскениками, убрать поля и свезти весь кормъ за Сувалки, въ главную квартиру непріятельскаго штаба.

— Такъ что спереди стрѣляетъ, а сзади добро собираетъ, —образно формулируютъ это наши «влосцяне».

Въ страстные дни, пережитые злополучнымъ курортомъ, примѣръ

рѣдкаго мужества и человѣколюбія явилъ земскій начальникъ 6-го участка Гродненскаго уѣзда Евгеній Борисовичъ Эрбштейнъ. Онъ все время оставался въ Друскеникахъ, посѣщая самыя опасныя мѣста для оказанія помощи нуждающимся.

Когда былъ раненъ псаломщикъ Санникъ, г. Эрбштейнъ бѣгалъ въ санитарный отрядъ за медикаментами и перевязочными средствами. Несчастный Санникъ три дня лежалъ одинъ въ своей хибаркѣ, близъ церкви, безъ врачебной помощи; мучимый страшными болями, онъ разорвалъ на себѣ всю одежду и бѣлье. Г. Эрбштейнъ навѣщалъ его, перевязывалъ рану, наконецъ, досталъ со ст. «Порѣчье» носилки и вмѣстѣ со своимъ стражникомъ перенесъ раненаго на плечахъ за три версты въ полевой госпиталь.

Но врачебная помощь оказалась запоздалой.

Санникъ былъ перевезенъ въ гродненскую больницу, гдѣ умеръ отъ гангрены.

Земскій начальникъ наладилъ пекарню, а теперь организуетъ подвозъ муки и проч.

Во время моего пребыванія въ Друскеникахъ, немногочисленное населеніе курорта пережило два тревожныхъ момента.

Въ первый разъ это было 24-го сентября. Вдругъ, среди ясной тишины послышался шумъ пропеллера. Жители переполошились. Скоро, однако, тревога улеглась.

Аэропланъ леталъ очень низко, никто по нему не стрѣлялъ, а главное—не сыпалось съ неба бумажнаго дождя прокламацій, сулящихъ населенію всѣ блага свободы и цивилизаціи.

— Значитъ, нашъ.

Успокоились.

На другой день, утромъ, по мѣстечку разнесся слухъ, что «нѣмецъ пришелъ».

Оказалось, что нѣмецъ, дѣйствительно, пришелъ, но только въ единственномъ числѣ... Весь изодранный, съ обвязанной головой, прихрамывая, скрючившись отъ холода и страха, приплелся «непріятель» и отдалъ ружье нашему патрулю.

Никто не знаетъ, какими путями добрался онъ до Друскеникъ.

Пальцами показываетъ, что онъ четыре дня не ѣлъ, измокъ и обмерзъ. Этотъ представитель германской арміи, разбитой у Нѣмана, поразительно напоминалъ наполеоновскаго солдата послѣ Березины.

Говорятъ, что за послѣдніе дни наши патрули задерживаютъ десятками изголодавшихся и обмерзшихъ нѣмцевъ, блуждающихъ въ нашихъ озерныхъ дефиле.

«Гостя» обогрѣли, накормили, уложили въ телѣгу и отправили на станцію.

Въ настоящее время среди потерпѣвшихъ собираются подписи подъ прошеніемъ о возмѣщеніи убытковъ за счетъ казны.

Убытки оцѣнены, по скромному расчету администраціи, въ 860,000 рублей.

Если ходатайство будетъ уважено, дачевладѣльцы приступятъ къ новымъ постройкамъ.

Директоръ акціонернаго общества минеральныхъ водъ О. Керсновскій заявилъ, что если война закончится къ Новому году, курзалъ и прочія сооруженія будутъ возстановлены къ ближайшему сезону.

Окончательно вопросъ о реставраціи курорта будетъ выясненъ на общемъ собраніи акціонеровъ 27-го января.

II.

СУВАЛКИ.

Тотчасъ по вступленіи нѣмцевъ въ Сувалки, 30-го августа, они назначили комендантомъ города своего лейтенанта Гростерна и учредили гражданскій комитетъ, въ который вошли по два представителя отъ русскихъ, поляковъ и литовцевъ и 1 еврей.

Каждый день нѣмцы брали по 3 человѣка изъ наиболѣе богатыхъ и уважаемыхъ жителей въ качествѣ заложниковъ. Ихъ держали подъ замкомъ круглыя сутки, предупреждая, что при малѣйшемъ безпорядкѣ въ городѣ они будутъ немедленно разстрѣляны.

Такъ какъ состоятельные жители Сувалокъ успѣли въ большинствѣ

покинуть городъ до прихода непріятеля, то «знатныхъ заложниковъ» нехватило на цѣлыхъ 3 недѣли, и многимъ пришлось побывать дважды въ нѣмецкой кутузкѣ.

Заложниковъ нѣмцы не кормили, да и вообще въ городѣ ощущался недостатокъ продуктовъ первой необходимости. Одинъ изъ бывшихъ заложниковъ, недавно еще владѣлецъ крупнаго мануфактурнаго магазина, съ ужасомъ вспоминаетъ:

— Надъ кускомъ черстваго ржаного хлѣба приходилось мучительно задумываться: съѣсть ли цѣликомъ, или оставить корку на завтра?..

Всѣ бакалейныя, колоніальныя, гастрономическія лавки, ренсковые погреба, кондитерскія были въ первые же дни расхищены нѣмцами. При этомъ культурные завоеватели щеголяли своимъ «изысканнымъ» вкусомъ: вездѣ забирали самые лучшіе сорта товаровъ—винъ, духовъ конфектъ, консервовъ, бѣлья.

Деньги за взятый товаръ они рѣдко платили; большею частью оставляли «квитанціи» слѣдующаго содержанія:

«Прошу уплатить такому-то за полученный товаръ такую-то сумму».

Эти квитанціи, адресованныя въ пространство, писались на русскомъ языкѣ, такъ какъ уплатить-де должно русское правительство...

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣмцы расплачивались за «реквизированные» предметы, они давали русскія бумажныя деньги.

Населеніе очень охотно брало русскія деньги, будучи увѣрено въ возможности скорой и выгодной ихъ реализаціи. А такъ какъ для русскаго рубля нѣмцы установили, по сравненію съ ихъ марками, очень низкій курсъ (за 100 руб. 122 марки), то было гораздо выгоднѣе брать наши кредитки, тѣмъ болѣе, что своими марками нѣмцы дорожили, нашими же бумажными деньгами платили довольно щедро.

Среди нѣмцевъ, занявшихъ Сувалки, было очень много говорившихъ отлично по-русски и по-польски. Нашелся даже нѣмецкій офицеръ, который еще минувшимъ лѣтомъ служилъ въ одномъ изъ казенныхъ учрежденій въ Сувалкской губерніи и имѣлъ здѣсь обширное знакомство. По его проискамъ, отрядъ нѣмцевъ разрушилъ усадьбу мѣстнаго арендатора Шмигалло, поляка изъ Познани, который, состоя

въ германскомъ подданствѣ, не явился по призыву во время мобилизаціи.

Вообще, однако, нѣмцы старались проявить къ полякамъ предупредительное отношеніе. Надъ евреями, особенно одѣтыми «ортодоксально», нѣмцы всячески глумились. Но хуже всего они обращались съ литовцами.

Разсказываютъ, что къ одному старику-литовцу на ферму зашла группа нѣмцевъ и потребовала сала. Крестьянинъ отвѣтилъ, что сала нѣтъ. Тогда одинъ изъ пришедшихъ схватилъ литовца за руку и сталъ крутить ее съ такой силой, что старикъ упалъ на полъ. Другіе въ это время обшарили кладовую, нашли около пуда сала и «реквизировали», не уплативъ ни пфеннига.

Когда нѣмецкій авангардъ велъ сраженія подъ Оссовцомъ, Друскениками и Симно, сувалкское военное начальство заставляло литовскихъ крестьянъ и батраковъ убирать поля въ тылу сражающихся и свозить урожай въ продовольственный складъ при главной квартирѣ. За работу по уборкѣ полей нѣмцы платили всего 3 марки въ день.

Царившая въ Сувалкахъ во все время нашествія напряженная атмосфера особенно сгустилась къ 16—17-му сентября, когда нѣмцы стали готовиться къ уходу. Жители очутились буквально между двухъ огней. Каждую минуту ждали канонады съ юго-востока. Къ тому же нѣмцы грозили передъ уходомъ зажечь городъ съ четырехъ сторонъ, говоря, будто русскія войска дѣлали то же при отступленіи изъ Восточной Пруссіи.

Къ счастью, наступленіе нашихъ войскъ на Сувалки было настолько стремительнымъ, что непріятель еле успѣлъ самъ выбраться изъ города.

Одинъ нѣмецкій отрядъ пѣхоты, человѣкъ въ 400, съ тремя офицерами такъ и отсталъ отъ главныхъ силъ и не зналъ, въ какомъ направленіи безопаснѣе двигаться. Поймавъ на улицѣ 15-лѣтняго еврейскаго мальчика, нѣмцы, угрожая смертью, потребовали, чтобы онъ указалъ имъ кратчайшую дорогу на Филиппово.

Мальчикъ повиновался, но завелъ ихъ гораздо восточнѣе. Неизвѣстно, сдѣлалъ ли онъ это это сознательно, или сбился съ пути.

Но фактъ тотъ, что нѣмецкій отрядъ наткнулся на нашихъ драгунъ. Завязалась битва, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока нѣмецкіе офицеры не были перебиты. Послѣ этого оставшіеся рядовые сдались въ плѣнъ.

Среди убитыхъ оказался и несчастный мальчикъ-проводникъ.

Случай этотъ послужилъ злонамѣреннымъ агитаторамъ поводомъ къ распространенію слуховъ о томъ, будто сувалкскіе евреи помогали нѣмцамъ, показывали имъ дорогу и т. п.

По вступленіи русскихъ въ городъ комендантъ распорядился расклеить объявленіе, въ которомъ говорится, что всѣ эти и подобные слухи о нелойяльности евреевъ ни на чемъ не основаны, и что виновные въ возбужденіи національныхъ и религіозныхъ страстей будутъ подвергнуты самымъ суровымъ наказаніямъ по законамъ военнаго времени.

Всего въ Сувалкахъ насчитывается около 50-ти сгорѣвшихъ зданій.

Нѣмцы въ Лодзи.

Изъ австрійскаго плѣна въ Галицію съ русской арміей.

Впервые нѣмцы появились въ Лодзи въ четвергъ, 7-го августа, въ 11 часовъ утра. Въ городъ вошелъ нѣмецкій разъѣздъ въ 16 человѣкъ, проѣхалъ по улицамъ и оставилъ городъ. На слѣдующій день, около того же времени, появился другой нѣмецкій разъѣздъ, также въ 16 человѣкъ, и такъ же скоро покинулъ городъ. Въ субботу утромъ въ Лодзь вошли два нѣмецкихъ батальона, расположились на Новомъ рынкѣ, потребовавъ, чтобы имъ въ полчаса былъ изготовленъ обѣдъ, при чемъ указали и меню этого обѣда. Нѣмцамъ отвѣтили, что въ такой короткій срокъ нѣтъ возможности приготовить указанный ими обѣдъ, попросили дать полтора часа. Переговоры съ нѣмцами вели члены образованнаго незадолго передъ тѣмъ гражданскаго комитета,

ставившаго себѣ цѣлью охрану порядка въ городѣ. Пообѣдавъ, нѣмцы вышли въ городокъ Згержъ, но тамъ имъ, повидимому, передали, что поблизости, около Скерневицъ, находятся русскія войска, и нѣмецкіе батальоны вернулись въ Лодзь, опять потребовали, чтобы имъ была приготовлена ѣда. Однако этого новаго обѣда нѣмцы не дождались и спѣшно выступили по направленію къ Пабіанцамъ, приблизительно въ 10 верстахъ отъ Лодзи. Тамъ, какъ передавали въ Лодзи, стояло нѣмцевъ не менѣе 7—8 тысячъ. Съ тѣхъ поръ нѣмцы въ Лодзи уже не появлялись.

Сообщеніе «Новаго Времени», будто лодзинскіе нѣмцы-фабриканты вышли навстрѣчу нѣмецкому войску, неся портреты Вильгельма, — сплошная ложь. Ничего хотя сколько-нибудь подобнаго описываемой газетою встрѣчѣ не имѣло мѣста въ Лодзи. Да и не могло имѣть мѣста. Нѣмцы—германскіе подданные—были выселены изъ Лодзи еще до того, какъ появились тутъ германскіе солдаты, нѣмцы же русскіе подданные представляютъ въ Лодзи элементъ въ полной мѣрѣ лойяльный.

Ночь въ плѣну.

Разсказъ подпоручика.

— Я былъ раненъ. Перебило мнѣ сухожиліе правой стопы. Раненъ былъ также и нашъ полковой командиръ... Лежали мы на полѣ сраженія почти рядомъ.

У него были перебиты голени, у меня сухожиліе ступни. Не то, что ползти нельзя было, трудно было пошевелиться... Ждали окончанія боя. Сначала страшны были нѣмецкіе снаряды, которые не долетали и ложились вблизи насъ... Когда сражаешься, не думаешь объ опасности, не трепещешь передъ смертью, но когда лежишь раненый,— ужасно тяжело чувствовать, какъ визжатъ надъ тобою ядра... Вотъ наши отступили. Мы это видимъ потому, что нѣмцы приблизились и

стали проходить надъ трупами нашихъ солдатъ и надъ нами, ранеными. Полковникъ замѣтилъ:

— А если они, мерзавцы, добьютъ насъ,—это, вѣдь, ужасно?

— Я слыхалъ объ этихъ звѣрствахъ нѣмцевъ и при видѣ приближающагося врага насторожился.

«Я — раненый, — подумалъ я. — Я уже не воинъ и, конечно, не имѣю права убивать врага... Но онъ также не имѣетъ права добивать меня... Такова этика современной войны... Обожду!.. Если только хоть одинъ солдатъ замахнется, застрѣлю его... За свою жизнь я еще постою... Даромъ не дамся». Взялся рукой за револьверъ, жду... Вотъ пробѣгаютъ... Ничего, не ударили... Бѣгутъ впередъ... Вотъ уже возлѣ насъ ложатся наши русскіе снаряды, которые выпускаются въ наступающіе нѣмецкіе ряды... Какой ужасъ!.. Еще нѣсколько минутъ, и мы внѣ обстрѣла!.. Пришли нѣмецкіе санитары, подобрали насъ, уложили пока-что рядышкомъ въ палаткахъ. Вечеромъ дали кофе съ бутербродами, не знаю, что другимъ дали, но мнѣ кофе съ бутербродами. А ѣсть страшно хотѣлось... Похлебать русскихъ щей, поѣсть русскаго чернаго хлѣба... А тутъ кофе и бутербродъ.

Послѣ сдѣланной сестрой милосердія перевязки нога перестала болѣть, но пошевелиться нельзя было. Стрѣляло въ ступнѣ. Сестра сказала, что придетъ докторъ, но доктора мы такъ-таки и не дождались... Полковникъ лежалъ рядомъ и страшно мучился. Онъ буквально истекалъ кровью... Такъ мы пролежали до самаго утра... Съ часовъ шести утра наши стали энергично наступать. Мы спросили сестру, оставятъ ли насъ, по-вчерашнему, подъ огнемъ или унесутъ въ тылъ. Она отвѣтила, что сейчасъ пріѣдетъ обозъ и подберетъ насъ. У нихъ большія потери, и еще до сихъ поръ не вывезли съ поля своихъ... А наши наступали. Вдругъ раздался приказъ:

— Отступать!

Нѣмцы стали отступать... Сестры и санитары немедленно унесли старшихъ чиновъ... Меня, подпоручика, и вообще младшихъ офицеровъ они не взяли. И это было продѣлано такъ, что сразу видно было, что это у нихъ было рѣшено раньше: брать только крупную добычу,

маленькую бросать. Когда подошли наши, мы были спасены. Насъ подобрали и унесли въ тылъ. Такъ что въ плѣну мы пробыли только одну ночь... Послѣ мы узнали, что, спѣшно отступая, нѣмцы побросали и своихъ раненыхъ.

Нѣмцы въ Александровѣ.

Изъ докладной записки.

«По уходѣ изъ Александрова полиціи и стражниковъ населеніе посада, опасаясь развитія бандитизма, 19-го іюля организовало комитетъ безопасности, при чемъ тутъ же, на сходѣ, было постановлено поручить немедленную охрану посада днемъ и ночью мѣстной вольной пожарной командѣ. Послѣдняя добросовѣстно исполняла свои новыя обязанности до прихода въ Александрово германскихъ солдатъ, т.-е. до 23-го іюля.

Вслѣдствіе опасенія нападенія, въ школу переселились нѣсколько семействъ, въ томъ числѣ 6 мужчинъ, 7 женщинъ и 3 дѣтей. Всѣ рѣшили защищаться до послѣдней крайности.

23-го іюля, около 6 час. утра, Александрово было занято безъ выстрѣла германскими солдатами 21-го полка въ составѣ двухъ ротъ. Командиромъ отряда Вагнеромъ было объявлено представителямъ посада и «комитету безопасности», что населеніе можетъ безъ боязни заниматься своимъ трудомъ, не опасаясь ни безпорядковъ, ни насилій, а «комитетъ» можетъ продолжать свою охранительную дѣятельность попрежнему.

Размѣстившіеся въ разныхъ мѣстахъ посада солдаты спрашивали обывателей, «гдѣ казаки, сколько ихъ» и т. д.

23-е и 24-ое іюля прошли спокойно. Въ ночь съ 24-го на 25-ое іюля въ части посада на «Пескахъ» была выпущена ракета. Сначала думали, что ракета эта была выпущена мѣстными хулиганами, но потомъ было установлено, что она была провокаціонная и выпущена германскими солдатами.

Немедленно былъ арестованъ «комитетъ» и приведенъ къ командиру Вагнеру. Вагнеръ заявилъ, что онъ зажжетъ посадъ съ четырехъ сторонъ и одновременно откроетъ пальбу по нему изъ орудій, ружей и пулеметовъ. Затѣмъ, Вагнеръ объявилъ «комитету», что съ этого дня охрану города онъ беретъ на себя.

Въ 12 час. дня 25-го іюля былъ собранъ сходъ, на которомъ, въ присутствіи командира, говорили рѣчи ксендзъ Щигловскій, ветеринарный врачъ Крепицкій и другіе. Затѣмъ на нѣмецкомъ языкѣ произнесъ рѣчь командиръ. Собравшихся окружали съ ружьями на перевѣсъ нѣмецкіе солдаты. Всѣ рѣчи сводились къ тому, чтобы населеніе въ точности исполняло требованія коменданта, чтобы ночью не выпускались ракеты, чтобы не было нигдѣ огней и чтобы не лаяли собаки (!?).

27-го іюля, въ 11 час. веч., когда въ училищѣ уже всѣ спали, въ широкихъ воротахъ забора послышался взрывъ, затѣмъ на дворѣ шаги и движеніе толпы людей. Въ двери, ведущія въ мою квартиру, раздался сильный стукъ и одновременно послышался крикъ на нѣмецкомъ языкѣ. Вскочивъ съ постели, я накинулъ на себя лѣтнее пальто и стремительно сбѣжалъ съ верхняго этажа въ нижній. Подойдя къ дверямъ и спросивъ: «кто тамъ?», я услышалъ грозное приказаніе на польскомъ языкѣ «отворить». Лишь только я открылъ дверь, въ комнату ворвались около 20 солдатъ. Направивъ на меня дула ружей, солдаты эти закричали по-нѣмецки «стой». Затѣмъ меня спросили, кто здѣсь состоитъ инспекторомъ или директоромъ. Я назвался. «Здѣсь живетъ болѣе 40 человѣкъ, — сказалъ офицеръ, — происходятъ собранія и приготовляются бомбы». Я отвѣтилъ, что собраній постороннихъ лицъ здѣсь не происходитъ и приготовленія бомбъ не производится. Затѣмъ они потребовали отъ меня, чтобы я провелъ ихъ въ мою квартиру. Все время дула ружей съ меня не сводились. Въ квартирѣ солдаты перерыли шкафы, ящики въ столахъ, тщательно пересмотрѣли все платье, бѣлье, текущія дѣла, документы учащихся, книги; четыре ящика, отъ которыхъ не было ключей подъ рукою, были взломаны; въ кухнѣ и квартирѣ сторожа были разсыпаны мука, крупа, соль, а плиту совершенно разломали; карту Германіи и Австро-Венгріи

изъ лежавшаго на столѣ географическаго атласа Ильина вырвали и взяли съ собой. На чердакѣ, около кухни, одинъ изъ солдатъ остановилъ меня и спросилъ: «Скажи ты мнѣ, старая собака, гдѣ спрятаны оружіе и бомбы», при чемъ человѣкъ 6 выхватили изъ поженъ свои сабли и, размахивая ими около моего лица, стали произносить ругательства. Я отвѣтилъ, что оружіе я отнесъ коменданту, а что у меня есть 3 фунта чернаго охотничьяго пороха, который находится въ погребѣ и покрытъ землею.

Мнѣ было приказано провести солдатъ въ погребъ. Тамъ солдаты, направивъ на меня ружья, приказали взрыть землю. Я открылъ три бутылки съ порохомъ и передалъ ихъ солдату. Послѣ этого солдаты обратились ко мнѣ съ требованіемъ указать, гдѣ я спряталъ оружіе. Меня поставили къ стѣнѣ, направили въ меня ружья и три револьвера, при этомъ одинъ солдатъ ударилъ меня рукой по лицу. Я имъ отвѣтилъ, что у меня оружія нѣтъ. Тогда двое солдатъ, схвативъ меня за руки, потащили изъ погреба наверхъ, а шедшіе сзади солдаты подталкивали меня кулаками и прикладами ружей. Меня вывели на дворъ и заявили, что поведутъ къ коменданту. 15 солдатъ съ ружьями на перевѣсъ повели меня на вокзалъ, при чемъ велѣли поднять руки вверхъ и итти въ такомъ положеніи, не оглядываясь. Дорогою у меня начали опускаться руки. Мнѣ крикнули, чтобы я держалъ руки въ прежнемъ положеніи, и нанесли три удара въ спину прикладомъ ружья. Во время пути меня дергали за уши, за руки, ругали и все время угрожали смертью.

На станціи, гдѣ жилъ комендантъ, меня обыскали, толкнули въ уголъ и приказали стать на колѣни и поднять руки вверхъ. Чтобы я не упалъ отъ изнеможенія, ко мнѣ приставили скамейку и прижали ею меня въ уголъ. Въ комнатѣ этой находилось около 40 солдатъ. На меня брызгали грязной водой, плевали, продѣлывали всевозможныя движенія ружьями, руками и штыками, чтобы показать, какъ меня будутъ разстрѣливать, колоть и приподымать мое тѣло на воздухъ. Нѣсколько разъ солдаты становились въ рядъ и начинали цѣлиться въ меня изъ ружей: сначала въ голову, потомъ въ грудь, смѣясь и приговаривая, что изъ меня будетъ утромъ «мясо», что мое тѣло

потомъ бросятъ собакамъ или свиньямъ; затѣмъ начали прикладывать къ моей головѣ и груди револьверы.

Спустя нѣкоторое время пришелъ германскій офицеръ и началъ ругать меня площадными словами. Онъ ударилъ меня четыре раза по лицу, выхватилъ браунингъ, приставилъ его къ моему лбу и сталъ угрожать, что убьетъ меня, какъ старую собаку, при чемъ два раза ткнулъ меня больно дуломъ въ лицо.

Спустя еще нѣкоторое время пріѣхалъ комендантъ и началъ меня допрашивать. Допросъ касался моего служебнаго и семейнаго положенія, спрашивалъ, зачѣмъ я держу порохъ, хорошо ли я знаю пограничную мѣстность. На всѣ допросы коменданта я отвѣтилъ. Около четырехъ часовъ утра привели подъ конвоемъ всѣхъ жильцовъ училища. Ихъ размѣстили около меня на табуретахъ, запретивъ подъ страхомъ смерти не только разговаривать, но даже смотрѣть на меня. Вскорѣ комендантъ уѣхалъ и затѣмъ вернулся къ 8 часамъ вечера, чтобы снять допросъ съ остальныхъ приведенныхъ изъ училища.

Послѣ наведенныхъ обо мнѣ справокъ у цѣлаго ряда жителей посада, я былъ отпущенъ. Члены «комитета» совѣтовали мнѣ какъ можно скорѣе уйти изъ Александрова, такъ какъ я нахожусь подъ особымъ наблюденіемъ и по ничтожному поводу меня вновь могутъ арестовать, и тогда мнѣ не избѣжать разстрѣла.

31-го іюля я съ нѣсколькими жителями посада вышелъ изъ Александрова и, пройдя пѣшкомъ 60 верстъ, добрался до Кутно и затѣмъ пріѣхалъ въ Варшаву».

Жизнь подъ грохотомъ орудій.

Разсказъ жителя Ополя.

Почти двѣ недѣли мы находились буквально между двухъ огней. Съ одной стороны русскія войска, съ другой — австрійцы. Въ первые дни, когда непріятель приближался къ намъ, жителей охватила паника. Въ то время уже были извѣстны звѣрства пруссаковъ въ Калишѣ и Ченстоховѣ. Хотя населеніе почему-то было увѣрено, что австрійцы, среди которыхъ много славянъ, не пруссаки, и что они не будутъ звѣрствовать и трогать мирныхъ жителей, но уже одна возможность очутиться въ сферѣ военныхъ дѣйствій, въ сферѣ огня, пугала многихъ. А этого можно было ожидать. У Ополя занимали позиціи русскія войска. Поэтому, кто могъ, уѣхалъ. Большинство же, въ особенности простой людъ, осталось.

Трудно передать, что пришлось пережить, когда наши и австрійскія войска пришли въ такъ называемое «соприкосновеніе». Въ особенности, въ первые дни. Нѣтъ словъ для выраженія охватившаго почти всѣхъ жителей ужаса. Непрерывный почти громъ орудій, стихающій лишь ночью... Безконечный свистъ пуль... То тутъ, то тамъ зарево пожаровъ. Того и гляди, что гдѣ-нибудь поблизости взорвется снарядъ. Страшная жуть, ужасъ смерти охватывали многихъ, въ особенности женщинъ. Нѣкоторыя лица по цѣлымъ днямъ, не выходя, сидѣли въ подвалахъ. Въ такомъ состояніи прошло нѣсколько дней.

Но человѣкъ привыкаетъ ко всему, даже къ самому ужасному. Привыкли мы и къ грохоту орудій, и къ свисту пуль, и ко всѣмъ ужасамъ сраженій. Чувства начали притупляться, острота ощущеній первыхъ дней стала пропадать. Нѣкоторые изъ насъ стали даже интересоваться ходомъ сраженій. Не взирая на опасность, пробирались на крыши домовъ и наблюдали за дѣйствіями непріятеля. Самая мысль о смерти отъ шальной пули или отъ случайнаго снаряда какъ-то исчезла.

До чего дошло равнодушіе къ разыгрывающимся тутъ же вокругъ кровавымъ событіямъ, свидѣтельствуетъ одинъ характерный фактъ.

Простой крестьянинъ спокойно копаетъ въ полѣ картофель. Ему, кажется, и дѣла нѣтъ до пролетающихъ надъ нимъ пуль и гранатъ. Накопалъ онъ корзину картофеля и такъ же спокойно пришелъ домой. Когда ему замѣтили, что опасно выходить въ поле, онъ невозмутимо отвѣтилъ:

— А что же я «бонбы» буду ѣсть? Все равно смерть одна. А лучше умереть отъ пули, чѣмъ отъ голода.

Поведеніе австрійскихъ солдатъ и въ особенности ихъ офицеровъ можно назвать прямо варварскимъ. Солдаты мародерствуютъ, грабятъ у жителей все, что попадетъ въ руки, особенно съѣстное. Впрочемъ, неудивительно: голодъ заставитъ хоть кого грабить.

Въ одно имѣніе примчался во главѣ небольшого отряда австрійскій офицеръ и, не слѣзая съ коня, въѣхалъ въ домъ помѣщика. Послѣдній мягко замѣтилъ ему, что домъ лишь для людей, а не для лошадей; офицеръ на это дерзко отвѣтилъ, что онъ не можетъ оставить своего коня. Австріецъ велъ себя дерзко и вызывающе, требуя накормить весь отрядъ, а себѣ велѣлъ подать вина, да получше. Уѣзжая, офицеръ-мародеръ взялъ себѣ «на память» нѣсколько изящныхъ вещицъ, украшавшихъ кабинетъ помѣщика.

Въ плѣну у австрійцевъ.

Пріѣхавшій въ Москву донской казакъ, попавшій въ плѣнъ къ австрійцамъ, а затѣмъ бѣжавшій, разсказываетъ любопытныя подробности о своемъ пребываніи въ плѣну.

На войну онъ пріѣхалъ совсѣмъ больнымъ и больнымъ принималъ участіе въ четырехъ бояхъ подъ Красноставомъ.

— Какъ это, чтобы я да не воевалъ... Всѣ идутъ, а я — лежи... — говоритъ онъ, объясняя, почему шелъ въ бой больнымъ.

— У меня чахотка, я, можно сказать, годовъ шестнадцать ею боленъ, только это не причина, что чахотка... Чахотка, такъ чахотка, а воевать я буду... Пока съ ногъ не свалитъ...

И, дѣйствительно, въ плѣнъ онъ попалъ только потому, что болѣзнь свалила его съ ногъ. Свалила въ бою. Упалъ среди раненыхъ и, когда кончился бой, былъ подобранъ австрійцами.

Австрійцы, узнавъ въ плѣнникѣ казака, ужасно обрадовались:

— А, козу поймали! — говорили они, окруживъ его тѣсной толпою!

Говорили, впрочемъ, весьма добродушно. Страхи казака, слышавшаго, что австрійцы казаковъ подстрѣливаютъ, мигомъ разсѣялись.

Пришелъ офицеръ и разогналъ солдатъ, приказавъ санитарамъ поднять казака и уложить его на подводу. Такъ, на подводѣ, и довезли его до ближайшей деревни, гдѣ былъ расположенъ госпиталь. Въ госпиталѣ казакъ провелъ восемь сутокъ. Обращались съ нимъ хорошо, хорошо кормили. Кромѣ него въ томъ же госпиталѣ было и еще нѣсколько русскихъ солдатъ, раненыхъ и тоже подобранныхъ австрійцами. Надзоръ былъ слабый. Съ стражей своей казакъ быстро сдружился и его свободно выпускали на дворъ и въ садъ. По вечерамъ собирались на крылечкѣ у избы, гдѣ былъ расположенъ госпиталь, и играли въ карты — въ «двадцать одну». Объяснялись по-русски:

— Всѣ понимаютъ.

Въ общемъ за 8 сутокъ своего плѣна казакъ выигралъ у австрійцевъ шесть рублей. Правда, деньги у него были русскія, но австрійцы мѣнялись охотно. «Курона» (крона) шла за полтинникъ, двѣ «куроны» за рубль и т. д.

Сердились австрійцы на казака страшно, ругались, — «ахъ, ты, псякревь», — но къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ не прибѣгали.

Въ концѣ-концовъ казаку, какъ ни пріятно было обыгрывать австрійцевъ, въ плѣну надоѣло, и онъ рѣшилъ бѣжать. Силы возстановились, и казакъ разсчитывалъ, что на этотъ разъ онъ, «какъ дурень», не сдастся. Однажды вечеромъ, улучивъ удобную минуту, пробрался онъ въ сарай, гдѣ хранились военные припасы, выбралъ «карабинку», наложилъ полные карманы патроновъ и «пустился на-утекъ». На мосту за деревней встрѣтилъ караульнаго солдата, свалилъ его

съ ногъ выстрѣломъ изъ ружья и бѣгомъ бросился къ лѣсу, гдѣ и просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не утихло волненіе, вызванное его бѣгствомъ. Австрійцы обшарили весь лѣсъ, но обшарили такъ плохо, что казака не нашли. Подъ утро онъ выбрался изъ лѣса, проползъ нѣсколько верстъ до протекавшей недалеко рѣчки, переплылъ ее и черезъ нѣсколько минутъ былъ поднятъ русскимъ разъѣздомъ. «Былъ поднятъ» потому, что силы измѣнили ему опять и, еще немного, онъ могъ опять лишиться сознанія.

Изъ австрійскаго плѣна въ Галицію съ русской арміей.

Изъ писемъ врача съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ 16-го по 26-е августа мы были отрѣзаны со своимъ лазаретомъ отъ нашихъ и просидѣли все время въ хорошемъ большомъ каменномъ графскомъ домѣ, на которомъ висѣли фонари и флаги «Краснаго Креста». Три дня домъ-крѣпость былъ подъ обстрѣломъ сначала австрійцевъ, потомъ русскихъ.

Освобожденіе получили послѣ того, какъ въ 10 вер. австрійцы потерпѣли пораженіе и спѣшно отступили мимо насъ, доставивъ къ намъ въ госпиталь до 500 раненыхъ, вмѣстѣ съ врачами и лазаретнымъ имуществомъ, каковымъ мы и воспользовались. Въ плѣну намъ говорили все время, что мы, по женевской конференціи, свободны и насъ не считаютъ военно-плѣнными. Спрашивали насъ, согласны ли мы выѣхать черезъ передовыя позиціи, обѣщавъ намъ полную гарантію личности и имущества. Но такъ какъ обстоятельства развертывались быстро и австрійцамъ пришлось отступать, то естественно, что имъ было не до насъ.

Итакъ, сидѣли мы съ ихъ больными и со своими больными. Доктора, офицеры и чины обращались съ нами весьма вѣжливо, при чемъ, когда

заняли госпиталь и узнали отъ своихъ докторовъ, бывшихъ у насъ раньше въ плѣну, что мы съ ихъ больными были весьма предупредительны, то первымъ дѣломъ благодарили насъ за хорошее обращеніе съ плѣнными... Курьезно, что мы кормили ихъ больныхъ, не говоря уже о своихъ; они же обѣщали въ будущемъ за все намъ заплатить. Кормились плохо, но не такъ, какъ можно было бы ожидать при данной обстановкѣ.

Сейчасъ, 2-го сентября, въ 7 час. вечера, въ верстѣ отъ насъ идетъ бой (австрійцы наступаютъ на насъ). Но пока на насъ еще шрапнель не летитъ, и мы собираемся поужинать, а потомъ ложиться спать, не снимая одежды — въ ожиданіи раненыхъ.

Завтра, надо думать, будетъ большой бой: предположено брать Ярославъ. Ружейные выстрѣлы слышны такъ близко, что если бы мы не бывали «подъ огнемъ», трепетать пришлось бы здорово.

Сегодня прочитанъ въ войскахъ приказъ о томъ, что нѣмцы по всей линіи отступаютъ за линію Опале-Туробинъ и за Вислу. Кричали «ура». Если дѣйствительно нѣмцы «сдались», то надо ожидать скоро конца этой тяжелой войнѣ.

8-го сентября. Стоимъ седьмой день въ маленькой деревушкѣ, въ 20 верстахъ отъ Ярослава. Сегодня Ярославъ очищенъ австрійцами, и наши войска тамъ; всѣ обозы идутъ къ Ярославу, а мы стоимъ въ ожиданіи распоряженій.

Раненыхъ за эту недѣлю поступило не больше двухъ десятковъ, хотя австрійцы выпустили массу зарядовъ.

Хата, гдѣ мы стоимъ, такъ намъ надоѣла (клопы, блохи и вонь отъ шкуръ, что на потолкѣ висятъ), что рѣшили сейчасъ же перебраться въ освободившееся лучшее помѣщеніе, хотя хорошо знаемъ, что можемъ каждую минуту получить приказъ трогаться въ Ярославъ.

Сегодня я и компанія устроили баню въ тепломъ сараѣ, вымылись съ мыломъ!..

11 сентября. 9 час. утра. Хорошее осеннее утро. Даль Карпатскихъ горъ покрыта синей дымкой. Встали въ 5 ч. утра. Въ 6 ч. утра изъ лѣса выскочили пять дикихъ козъ и долго метались по бугру,

не зная, гдѣ ихъ враги, гдѣ нѣтъ: такъ много кругомъ нашихъ войскъ стоитъ на ночлегѣ...

Въ Ярославъ вошли почти безъ выстрѣла, послѣ недѣльной стоянки.

Почему они оставили такой укрѣпленный пунктъ, какъ Ярославъ, для меня является загадкой. Еще большая загадка — распространившійся вчера слухъ, что Перемышль уже взятъ.

Ярославъ хорошій городокъ, по типу европейскихъ. Магазины почти всѣ были заперты, когда мы вошли, а по улицамъ войска, войска и войска... Попадались евреи съ длинными пейсами, элегантные поляки— въ меньшей степени...

Къ вечеру открыли лавочки, и торговля пошла бойко. Нѣтъ хлѣба, табаку; много керосина, желѣза...

Испуганные обыватели, выкинувъ бѣлые флаги изъ оконъ, долго не появлялись на улицахъ. Кой-гдѣ испуганныя лица смотрѣли изъ оконъ. Вотъ двое ребятишекъ, блѣдные, какъ стѣна бѣлая, робко выглядываютъ въ окно особняка. Я снимаю шляпу, смѣюсь и вдругъ... оба мальчика дружно разсмѣялись... Стѣна, насъ раздѣляющая, пала... И человѣческое чувство всѣхъ насъ охватило...

Ночевали сегодня въ 8 в. отъ Ярослава, въ деревнѣ Мокрой. Черезъ два часа выѣзжаемъ сухими, но не «мокрыми», такъ какъ ночевали въ теплой, уютной хатѣ у руссиновъ которые арендуютъ землю у еврея.

Старикъ-еврей съ ранняго утра плачетъ и проситъ за потравленный овесъ деньги. Слезъ на пути своемъ мы такъ много видѣли, что многіе къ нимъ привыкли.

Бѣдность русинскаго населенія ужасная. Унося съ собою изъ хаты все цѣнное на себѣ, не забываютъ захватить... вѣникъ. Вся эта масса катится, бѣжитъ, разувшись, по колѣно въ грязи, зачастую въ шубахъ, подъ проливнымъ холоднымъ дождемъ.

13-го сентября. Мы стоимъ вторыя сутки безъ движенія въ большомъ селѣ.

Одинъ изъ нашихъ коллегъ ловилъ рыбу въ господскомъ пруду. Спустили воду и бреднемъ вытянули великолѣпныхъ жирныхъ сазановъ.

Мирное наше житье-бытье въ сельской школѣ лишь слегка нарушается далекими выстрѣлами (на 30—35 верстъ восточнѣе).

Учитель школы взятъ на войну, и въ школѣ нѣтъ никого—пустая. Зданіе каменное, съ однимъ большимъ классомъ и двумя комнатами съ кухней — квартирой учителя. Классъ обставленъ бѣдно: стараго образца парты длинныя-предлинныя, на стѣнахъ пара картинъ изъ сельской жизни, распятіе Христа и Божія Матерь. Учитель живетъ лучше: у него весьма приличная мебель: диванъ, шкафы и т. д.—до пружинной кровати включительно.

Австрійскія блохи кусаются сильнѣе русскихъ, въ чемъ я убѣдился, когда подъ Ярославомъ жилъ въ чуланѣ и вѣшалъ все на ночь на гвозди, чтобы мыши не прогрызли. Блоха, къ счастью, не любитъ путешествовать въ мужскомъ одѣяніи и на слѣдующемъ же ночлегѣ она не даетъ себя знать. У каждаго насѣкомаго свой нравъ.

Мухи, напримѣръ, упорно ѣхали съ нами изъ Россіи до самаго Ярослава въ австрійской фурѣ, предназначенной для перевозки раненыхъ, но занятой гг. врачами.

Была у насъ, къ сожалѣнію, только одинъ день собачка, которая сначала визжала отъ радости, а потомъ затосковала, разобравшись, что не туда попала, и сбѣжала.

Дикимъ животнымъ такъ или иначе приходится реагировать на событія дня. Вотъ ужъ третьи сутки идетъ охота на дикихъ козъ въ самомъ селѣ. Бѣдныя животныя окончательно сбились съ толка, когда увидѣли людскую массу, двигавшуюся по лѣсамъ и горамъ. Они рѣшили, очевидно, что пришло время, когда люди будутъ жить въ лѣсахъ, а козы—въ деревняхъ, и двинулись на свободныя квартиры.

Вотъ какъ, дорогіе мои, распространяется слава о русскомъ оружіи въ Карпатскихъ горахъ.

Освобожденіе изъ австрійскаго плѣна.

Разсказъ артиста львовскаго театра г. Дорошенко.

Передъ объявленіемъ войны Дорошенко съ женой и товарищемъ-артистомъ отправились въ Россію, но въ Подволочискѣ были арестованы и отправлены въ тюрьму въ Тарнополь.

Здѣсь собралось нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ разнаго званія и состоянія.

Въ той же тюрьмѣ содержалась значительная группа «москофиловъ», среди которыхъ австрійское правительство произвело большіе аресты.

Въ тюрьмѣ русскимъ пришлось провести все время, пока наши войска не заняли Тарнополь и не освободили ихъ.

— Замѣтная даже для обывателей тюрьмы сумятица въ городѣ, началась съ 7-го августа.

На прогулки насъ перестали выпускать. Пища, и до этого плохая, еще больше ухудшилась.

Пробовали задавать вопросы стражѣ и администраціи тюрьмы, но ничего не добились.

То говорили, что австрійскія войска побѣдоносно захватили значительную часть Юго-Западнаго края, то вдругъ заявили, что изъ Тарнополя насъ перевезутъ въ глубь страны. Стали бѣгать, суетиться.

Видно было, что гдѣ-то на позиціяхъ неладно.

Стали пугать насъ угрозами перевѣшать и перестрѣлять.

Обращеніе съ нами еще болѣе ухудшилось.

9-го августа до насъ долетѣли первые звуки ружейной стрѣльбы. Стрѣльба была непродолжительна. Къ вечеру австрійскія войска съ музыкой вошли въ городъ.

Гремѣла музыка, слышались побѣдные клики.

Намъ объявили, что русскіе разбиты. «Побѣдители» смилостивились надъ нами и дали даже давно просимую прогулку.

Ночь подъ воскресенье прошла тихо.

Новая стрѣльба, сперва ружейная, затѣмъ орудійная, началась съ 10-ти часовъ утра.

Грохотъ пушекъ привелъ насъ и нашу стражу въ смятеніе.

Стража попряталась. Мы просили перевести насъ въ безопасное мѣсто. Намъ отказали. Пришлось соорудить въ камерѣ прикрытіе изъ арестантскихъ тюфяковъ и забраться подъ нихъ.

Что намъ пришлось пережить въ эти часы, когда снаряды пролетали мимо тюрьмы,—трудно передать.

Мы приготовились къ смерти и писали послѣднія письма къ близкимъ.

До насъ доносились истерическіе крики арестованныхъ женщинъ изъ камеръ, гдѣ были наши жены и сестры.

Продолжалось это состояніе 3—4 часа. Затѣмъ все стихло.

Мы выбрались изъ своего прикрытія.

На улицѣ раздались вдругъ казацкія пѣсни съ присвистомъ, затѣмъ военная музыка и русскій гимнъ.

Мы прислушивались къ нимъ, полные радости.

Городъ взяли русскіе. Близокъ, значитъ, часъ освобожденія изъ трехнедѣльнаго плѣна.

Намъ пришлось пережить въ тюрьмѣ еще мучительную ночь.

Часть тюремщиковъ разбѣжалась. Другіе перерядились въ штатское платье и остались сторожить насъ.

Одинъ изъ тюремщиковъ старался было все-таки объяснить пѣніе казаковъ и музыку тѣмъ, что ихъ захватили австрійцы и привели въ городъ и силой заставили пѣть.

Насталъ понедѣльникъ.

Промаялись еще день, и только вечеръ принесъ уже опредѣленную, живую вѣсть о русской власти въ городѣ.

Въ семь часовъ стукнула дверь, и къ намъ въ камеру вошелъ русскій офицеръ въ сопровожденіи одного изъ видныхъ членовъ Государственной Думы, націоналиста, тоже находящагося въ войскахъ.

— Кто вы?—задали намъ вопросъ.

— Русскіе!—отвѣтили мы и кратко объяснили исторію нашего ареста.

Депутатъ упрекнулъ администратора тюрьмы, что онъ раньше не освѣдомилъ его о группѣ этихъ арестованныхъ.

Русскія власти пошли дальше осматривать тюрьму и искать другихъ арестованныхъ русско-подданныхъ и «москофиловъ», а мы еще одну ночь остались въ заключеніи.

Насъ, русскихъ подданныхъ, въ тюрьмѣ оказалось 45 человѣкъ, а съ «москофилами»—78.

Намъ первымъ выдали особые паспорта на выѣздъ въ Россію.

Вотъ текстъ паспорта:

«Предъявитель сего, такой-то, русскій подданный, имѣетъ право прохода по всему городу въ Россію.

Завѣдующій гражданской частью города Тарнополя, подполковникъ такой-то (подпись)».

Формальности окончились, мы получили документы и тѣ вещи, что были въ тюрьмѣ, и вышли въ городъ.

Въ Тарнополѣ свыше 100.000 жителей. Часть населенія, конечно, покинула городъ, но масса жителей осталась.

Торговая жизнь очень быстро снова закипѣла.

На столбахъ мы увидѣли указы на польскомъ языкѣ отъ русской власти о томъ, что безопасность мирныхъ жителей обезпечена.

Патрули слѣдятъ за правильной куплей и продажей.

Всѣ чиновники приглашаются къ продолженію исполненія своихъ обязанностей.

Указы оказали видимое вліяніе на жителей Тарнополя.

Городъ уже на второй день послѣ его взятія производилъ впечатлѣніе совершенно мирнаго пункта.

Въ тотъ же вечеръ намъ, русско-подданнымъ, военные предоставили мѣсто въ одномъ изъ первыхъ поѣздовъ, которые отходили къ русской границѣ.

Съ удобствами уже мы проѣхали эти 60—70 верстъ до Подволочиска.

Здѣсь продѣлали необходимыя формальности, проѣхали Волочискъ и попали, наконецъ, въ Россію.

Факты подпоручика Л.

Подпоручикъ Л. устанавливаетъ фактъ добиванія нѣмцами нашихъ раненыхъ документально.

У г. Л. имѣется рапортъ одного изъ ротныхъ командировъ, посланный во время боя 5-го августа, въ 7 час. 35 мин. утра, за № 5.

Въ рапортѣ этомъ говорится:

«Доношу, что германцы добиваютъ нашихъ раненыхъ, а именно: которые дышатъ,—тѣхъ прикалываютъ. Свидѣтелями сего варварскаго обращенія, вопреки женевской конвенціи, являются нижніе чины ввѣренной мнѣ роты Василій Смирновъ и Миногуловъ. Послѣдній, будучи раненъ въ руку, былъ германцами раненъ штыкомъ». Слѣдуетъ подпись ротнаго командира.

Этотъ рапортъ, набросанный на скорую руку на клочкѣ бумаги во время боя, переданъ былъ полковому командиру «по цѣпямъ».

Солдаты, шедшіе цѣпями въ атаку, передавали рапортъ изъ рукъ въ руки.

Уличающій нѣмцевъ документъ дошелъ по назначенію.

— 4-го августа,—подъ Сталупененомъ шелъ жаркій бой.

8-я рота нашего полка, стоявшая съ лѣваго фланга, сильно продвинулась впередъ и выбила нѣмцевъ изъ небольшой котловины.

Ночью, когда бой сталъ стихать, рота отошла въ окопы, оставивъ въ котловинѣ нѣсколько солдатъ для уборки раненыхъ.

Какъ впослѣдствіи оказалось, послѣ нашего ухода въ котловину явились за своими ранеными и нѣмцы.

Нѣмцевъ было больше.

Наши уборщики затаились, прикинувшись убитыми.

Среди нихъ былъ рядовой Смирновъ.

На его глазахъ нѣмцы отправляли къ себѣ на позиціи своихъ раненыхъ и съ заунывнымъ пѣніемъ хоронили убитыхъ.

Вскорѣ группа нѣмцевъ съ фонаремъ приблизилась къ Смирнову. Лежавшій рядомъ со Смирновымъ раненый Миногуловъ застоналъ.

Услышавъ стонъ, одинъ изъ нѣмецкихъ уборщиковъ подошелъ и хотѣлъ было поднять раненаго.

Но, узнавъ русскаго, размахнулася и ударилъ Миногулова штыкомъ въ спину.

По счастью, ударъ оказался не смертельнымъ.

По уходѣ изъ котловины нѣмцевъ, Миногуловъ вмѣстѣ съ другими русскими ранеными былъ доставленъ на нашъ перевязочный пунктъ.

Мои однополчане, побывавшіе въ нѣмецкихъ окопахъ разсказали мнѣ такой случай:

Первая наша цѣпь ворвалась въ одинъ изъ нѣмецкихъ окоповъ.

Слѣдующая цѣпь задержалась, и наши въ теченіе нѣсколькихъ минутъ были въ плѣну.

Раненый русскій офицеръ, капитанъ Ж., будучи окруженъ нѣмцами, вынулъ имѣющійся у каждаго солдата и офицера «индивидуальный пакетъ» съ медикаментами и сталъ перевязывать себѣ рану.

Нѣмецкій офицеръ съ ругательствами вырвалъ у капитана Ж. бинтъ и бросилъ.

Капитанъ остался безъ перевязки.

Въ этотъ моментъ въ окопы хлынула новая волна русскихъ.

Нѣмцы начали бить бывшихъ въ ихъ окопахъ русскихъ раненыхъ прикладами.

Затѣмъ обратились въ бѣгство.

Получивъ ударъ прикладомъ, капитанъ Ж. потерялъ сознаніе.

Очнулся онъ уже на русскомъ перевязочномъ пунктѣ, окруженный заботами русскихъ врачей и сестеръ милосердія.

Бѣженцы.

Впечатлѣнія И. Жилкина.

— Охъ, только вы, пожалуйста, не описывайте его!—съ испугомъ сказали мнѣ въ центральномъ бюро помощи бѣженцамъ.

Рѣчь шла о временномъ пріютѣ въ Москвѣ, въ Саввинскомъ переулкѣ, у Дѣвичьяго поля. И когда я добрался сюда, когда прошелъ черезъ большой и грязный дворъ, заваленный обломками желѣза, кучами битаго кирпича и всякимъ мусоромъ, когда въ ветхомъ, обшарканномъ домѣ распахнулась дверь,—я понялъ этотъ испугъ.

Огромная полутемная комната,—что-то въ родѣ заброшенной казармы,—голосила дѣтскимъ плачемъ, женскими и мужскими голосами. Въ воздухѣ стояли пыль и тотъ особенный запахъ, который бываетъ въ дешевыхъ ночлежкахъ, наполненныхъ опустившимися, неопрятными отъ нищеты людьми. По стѣнамъ и въ срединѣ комнаты стояли нары, а на нихъ были навалены замызганные тюфяки, рваныя одѣяла и тряпье.

Женщины съ блѣдными лицами, дѣтишки, старики сразу выдвинулись изъ полутемноты, окружили меня и глядѣли съ вопросомъ и ожиданьемъ.

Я спросилъ, нѣтъ ли пріѣхавшихъ сегодня или вчера изъ Сувалкской губерніи.

Сейчасъ же подтолкнули ко мнѣ женщину съ растеряннымъ лицомъ, въ темной ситцевой запачканной кофтѣ. Два бѣлоголовыхъ мальчугана цѣплялись за нее съ двухъ сторонъ.

Ломанымъ полупольскимъ, полурусскимъ языкомъ женщина начала торопливо и безсвязно разсказывать, какъ она жила съ тремя дѣтьми въ Августовѣ, недалеко отъ германской границы, какъ вдругъ подошли нѣмцы и загорѣлся бой между ними и русскими, какъ населеніе побѣжало, и она побѣжала. Бѣжала полемъ, бѣжала лѣсомъ. Одного ребенка на рукахъ несла. Двое другихъ,—мальчикъ и дѣвочка,—бѣ-

жали за ней. Потомъ солдаты посадили ихъ на обозъ съ ранеными. Затѣмъ ѣхала она немного съ ранеными въ товарномъ вагонѣ. Оказалась въ какой-то деревенькѣ Гродненской губерніи. Просила милостыню, ночевала у добрыхъ людей. Какой-то человѣкъ сказалъ ей:

— Что же вы тутъ: пропадете съ голоду. Поѣзжайте въ Москву.

Человѣкъ этотъ посадилъ ее въ поѣздъ съ безплатнымъ билетомъ и самъ поѣхалъ. Но дорогой она его потеряла.

Въ Москвѣ вышла на платформу, сидѣла съ дѣтьми и плакала.

— Подошелъ панъ,—разсказывала она, глядя глазами испуганной птицы,—далъ мальчику пятьдесятъ копеекъ. «Поѣшьте»,—сказалъ. Панъ съ крестомъ на рукавѣ. И сказалъ, что онъ пришлетъ. Сидѣли до вечера. Пришла дама, повезла сюда. А пана не видѣла. Не знаю, какой панъ.

Сморщилась и добавила плачущимъ голосомъ:

— А тамъ погорѣло все, пропало. Старикъ пріѣхалъ, разсказалъ. Вотъ онъ разсказалъ.

Черезъ толпу торопливо пробирался старикъ съ бѣлой бородой. Подбѣжалъ и смотрѣлъ выжидательно. Онъ пріѣхалъ сегодня одинъ-одинешенекъ, растерявъ на Западѣ, неизвѣстно гдѣ, свое семейство.

Онъ—русскій старообрядецъ-поморецъ изъ Сувалокъ. Говоритъ хорошимъ русскимъ языкомъ, но съ мѣстной приправой.

— Хозяйствомъ занимался,—разсказалъ онъ о себѣ,—грунта было немного. Земли, то-есть. Сѣялъ рожь, овесъ. Сынъ наставникомъ въ моленной. Этого дня, какъ утекали, былъ я на ярмаркѣ въ Кальверѣ, лошадь хотѣлъ продать. Не продалъ, назадъ ѣду. А тутъ изъ лѣсу вышли германцы. Лошадь взяли и все взяли. Пику къ груди приставили. Ну, что я имѣлъ? Не у меня одного: обозы ѣхали,— всѣхъ обобрали. Ну, пошелъ я по дорогѣ. Пришелъ въ Сувалки. Домъ запертый, замкнутъ. Старуха была, сынъ былъ, внучка была. всѣ убѣжали. На огородѣ гляжу, двѣ коровы мои ходятъ, три свиньи. Куда ихъ возьмешь? Германцы въ городу рыщутъ. Побѣжалъ я въ лѣсъ. И дорогой шелъ, и безъ дороги шелъ. Въ Гродню добрался. Недѣли двѣ около Гродни кружилъ, своихъ искалъ. И не знаю, умерли или гдѣ. Живутъ или не живутъ?

Онъ всхлипнулъ.

— А который годъ вамъ, дѣдушка?

— Семдесятъ восемь.

— Ну, не меньше ли? — удивился я.— Неужели семьдясятъ восемь?

Старикъ былъ на видъ крѣпкій и прямой. Борода бѣлая, но волосы на головѣ темные, съ небольшой просѣдью.

— У меня паспортъ есть,—сказалъ старикъ.—Посмотрите.

Онъ вынулъ изъ кармана темный чехольчикъ и аккуратно извлекъ изъ него паспортную книжку.

— Да, ровно 78 лѣтъ.

Въ паспортной книжкѣ, выданной президентомъ губернскаго города Сувалокъ, говорилось, что Левонъ Семеновъ Орловъ родился въ 1836 году.

— Ужли я врать буду,—съ мягкимъ упрекомъ сказалъ старикъ, пряча паспортъ въ чехольчикъ.

Но онъ зналъ, что мое недовѣріе не было обиднымъ. Онъ чувствовалъ, что всѣ кругомъ разстроганы, представляя себѣ, какъ этотъ старикъ, изможденный, голодный, блуждалъ по лѣсамъ, по затоптаннымъ полямъ, по напуганнымъ деревнямъ, и тщетно искалъ свою жену, такую же семидесятилѣтнюю старушку, сына-наставника и внучку.

— Милый баринъ,—пѣвучимъ, жалобнымъ голосомъ сказалъ онъ,— какъ теперь жить будемъ? Куды дѣнусь? Хозяйство разрушили. Двѣ коровы, три свиньи, сѣно было, рожь, овесъ насыпанъ, домашность... А свои-то? Гдѣ они? Живы ли?

— Ну, ничего, Богъ дастъ!—бодро сказалъ бравый воинъ съ Георгіемъ на груди.—Пойдемъ, дѣдушка Левонтій, чай пить.

Лѣвая рука воина была увязана марлей. Его ранили около Сольдау. Теперь онъ долѣчивался, чтобы вскорѣ опять отправиться въ армію. А жена его и шесть человѣкъ дѣтей жили здѣсь, въ пріютѣ, пріѣхавъ съ западной границы. Онъ показалъ на свою жену, маленькую изнуренную женщину, съ группой малолѣтнихъ дѣтей вокругъ нея.

Скоро всѣ они, и старикъ Левонъ Орловъ съ ними, присѣли на нары около чайника съ кипяткомъ.

А кругомъ толпились женщины и мужчины съ выжидательными, просительными глазами. Были они всѣ, какъ рыбы, выброшенныя на берегъ, и жизнь въ этой казармѣ, видимо, изнуряла ихъ вынужденной праздностью, безпорядкомъ и нищетой обстановки, неизвѣстностью положенія въ чужомъ городѣ.

— Похлопоталъ бы за насъ кто,—просила женщина, державшая за руку мальчика лѣтъ шести,—работу бы какую-нибудь. Въ прислуги бы, иль куда.—И она добавила съ внезапнымъ раздраженіемъ:

— Хоть отъ шума бы этого куда ни-на-есть убѣжать!

— А что, развѣ безпокойно?—спросилъ я.

— А вотъ слушайте!

Мы примолкли и оглянулись. Казарма звенѣла отъ криковъ, визга и плача дѣтей, отъ громкихъ восклицаній женщинъ, отъ говора и спора мужчинъ.

— Все время такъ,—сказала женщина.

Умоляли о работѣ и прочія женщины.

Двѣ дѣвушки, юныя и миловидныя, стояли, полуобнявшись, и съ любопытствомъ слушали общую бесѣду. Одна изъ нихъ—полька, бѣжала изъ Калиша. Другая—русская, бѣжала вмѣстѣ съ матерью и малолѣтнимъ братомъ изъ Вержболова. Здѣсь встрѣтились и подружились.

— Какъ же вы здѣсь одна?—спросилъ я польку.

— Одна. И въ Калишѣ была одна. Жила въ прислугахъ. У меня родственники въ Ковнѣ. Да я туда не поѣхала. Вотъ еще: изъ одного страха въ другой. Довольно натерпѣлась въ Калишѣ. По улицѣ бѣжала, черезъ мертвыхъ спотыкалась. Два дня въ подвалѣ сидѣла.

— А у насъ сгорѣло все,—жалобно разсказывала женщина изъ Вержболова.—Два сына у меня, артельщиками въ таможнѣ. Не знаю гдѣ. Безъ вѣсти пропали.

Мужчины—почти исключительно поляки изъ западныхъ губерній.

Они занимаютъ вторую большую комнату казарменнаго вида (первая—исключительно для женщинъ). Здѣсь такія же нары, заваленныя тюфяками, одѣялами и тряпьемъ. Полъ изъ цемента, густо покрытый натасканной ногами землей.

Разсказы однообразны по общему рисунку: все побросали, бѣжали въ страхѣ, оказались въ безпомощномъ положеніи въ Москвѣ, на вокзалѣ подобраны представителями центральнаго бюро помощи бѣженцамъ. А по деталямъ, если терпѣливо слушать, разсказы колоритны, разнообразны.

Одинъ полякъ наивно разсказываетъ, какъ онъ съ братомъ убѣжалъ изъ пограничнаго городка, бросивъ тамъ свою мать 60-ти лѣтъ.

— Какъ же вы мать оставили?

— А какъ же!—оживленно говорилъ молодой полякъ.—Она старая, она итти не можетъ. А стали ночью германцы стрѣлять,—мы выскочили съ братомъ, одѣться не успѣли. Брюки, пиджакъ въ рукахъ вынесли, на огородѣ надѣли. И побѣжали. Брата потерялъ. Не знаю, гдѣ.

Другой молодой полякъ попалъ въ плѣнъ. Три дня по приказанію германцевъ работалъ на ихъ окопахъ. А потомъ «одной ночкой» убѣжалъ.

Поляки въ казармѣ—по большой части молодые люди. Они были въ этотъ день настроены довольно бодро. Они записались въ санитары для поѣздовъ земскаго союза. Теперь ихъ зачислили въ штатъ и назначили имъ жалованье. Приняты 34 человѣка, и всѣ они были на полуотлетѣ, оставляя нары и потертые тюфяки для новыхъ бѣженцевъ.

Положеніе женщинъ, видимо, хуже. Когда я на обратномъ пути проходилъ черезъ ихъ казарму, онѣ снова приступили съ просьбами напомнить кому-нибудь, что онѣ ищутъ работы и изнываютъ безъ нея.

— Вотъ онѣ,—указали мнѣ на двухъ дѣвицъ,—записались въ милосердныя сестры, а толку нѣтъ. Забыли, что ли, о насъ...

Когда я вышелъ на грязный дворъ, меня догналъ тоненькій, блѣдный, растерянный мальчикъ-полякъ лѣтъ 17-ти.

Онъ—гимназистъ 6-го класса, изъ Калиша. Умоляюще просилъ устроить его на какое-нибудь мѣсто.

Довольно долго шелъ я по переулкамъ, потомъ ѣхалъ на извозчикѣ, и все меня преслѣдовалъ странный, непріятный запахъ.

Наконецъ, я понялъ: одежда моя пропахла ночлежнымъ запахомъ пріюта.

И я вспомнилъ испугъ, съ которымъ мнѣ сказали въ центральномъ бюро объ этомъ пріютѣ:

— Охъ, только вы не описывайте его!

Этимъ безкорыстнымъ работникамъ, взявшимъ на свои плечи сложную заботу о бѣженцахъ, было совѣстно, что по малости средствъ они принуждены оказывать бѣглецамъ съ Запада такой скудный пріемъ.

Нѣмецкія квитанціи.

Въ пограничной съ Пруссіей полосѣ расположено большое имѣніе Длутово, принадлежащее богатому мѣстному помѣщику г. Лубенскому, у котораго имѣніе это арендовалъ коннозаводчикъ Л. А. Манташевъ подъ свой конскій заводъ.

Узнавъ о существованіи въ Длутовѣ богатаго конскаго завода, одинъ изъ мародерствовавшихъ на границѣ прусскихъ отрядовъ явился въ имѣніе Длутово, чтобы реквизировать заводскихъ лошадей, но ошибся въ расчетѣ. Сейчасъ же по объявленіи войны Л. А. Манташевъ предусмотрительно перевелъ свой заводъ въ Россію, оставивъ въ Длутовѣ двухъ больныхъ матокъ съ сосункомъ, которыхъ нельзя было перевезти.

Пруссаки конфисковали болѣе здоровую матку съ сосункомъ отъ одного изъ лучшихъ англійскихъ производителей, стоившую нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ, а также массу фуража, сельскихъ продуктовъ и, «великодушно» оцѣнивъ награбленное въ 4,000 марокъ, выдали на эту сумму г. Лубенскому квитанцію за подписью начальника отряда, прусскаго полковника, и съ приложеніемъ печатей.

По отъѣздѣ нѣмцевъ, г. Лубенскій, считая, что съ паршивой овцы

хоть шерсти клокъ, отправился въ сосѣдній прусскій городъ и, предъявивъ ландрату реквизиціонную квитанцію, просилъ уплатить ему 4.000 марокъ.

Ландратъ, посовѣтовавшись съ военными властями, неожиданно объявилъ г. Л., что квитанція поддѣльная.

Тщетно протестовалъ г. Л. противъ этого гнуснаго обвиненія, указывая, что въ прусскомъ городѣ его хорошо знаютъ, какъ человѣка состоятельнаго. Ландратъ стоялъ на своемъ, а извѣстный въ городѣ врачъ-нѣмецъ, на котораго г. Л. сослался, какъ на своего домашняго врача, на очной ставкѣ нагло заявилъ, что онъ видитъ г. Л. впервые въ своей жизни, хотя зарабатывалъ отъ г. Л. по нѣскольку тысячъ марокъ въ годъ за свои «визиты».

Ландратъ распорядился заключить г. Л., какъ шпіона, въ тюрьму, гдѣ и продержалъ его около 2-хъ недѣль.

Какъ оказалось впослѣдствіи, время это потребовалось ландрату на то, чтобы отправить квитанцію въ Берлинъ, получить по ней «для г. Л.» деньги и... положить ихъ въ карманъ.

Благополучно совершивъ эту финансовую «операцію», ландратъ вызвалъ къ себѣ г. Л. и торжественно объявилъ ему, что, по ходатайству его, ландрата, кайзеръ Вильгельмъ изволилъ помиловать г. Л. и выпустить его на свободу съ условіемъ, что г. Л. никогда не повторитъ попытки проникнуть въ Германію въ цѣляхъ шпіонажа.

IV.

Двѣ карты будущей Европы. „Нѣмецкія мечты“ и „нѣмецкій страхъ“.

Карты нѣмецкой мечты и нѣмецкаго страха.

Это—двѣ карты «будущей Европы», изданныя въ Берлинѣ и составляющія авторскую собственность редактора саарбрюкенской газеты «Saargrosstadtbrille» Альбана Румына. Одна изъ нихъ, «Сонъ нашихъ враговъ», должна изображать, «какъ французы, русскіе и англичане думали въ 1915 году передѣлать границы европейскихъ странъ», другая «Сонъ нѣмецкаго ландвермана Кучке»,—«какъ передѣлали эти границы германско-австрійскія войска». Въ подлинникѣ обѣ карты напечатаны на двухъ сторонахъ одного и того же листа, «Сонъ нашихъ враговъ» на передней сторонѣ (Vorderseite), «Сонъ ландвермана Кучке».

Этотъ сонъ поистинѣ грандіозенъ. Взгляните на карту. Германская имперія, и даже не просто «имперія» (Deutsches Reich), какъ она называется нынѣ, а, такъ сказать, «императорская имперія» (Kaiserreich) разлилась по картѣ Европы широко и причудливо, какъ пиво, пролитое на столикѣ пивной изъ кружки завсегдатая. Она залила всю Бельгію и сѣверную Францію. Брюссель, Гавръ, Руанъ, Реймсъ, теперь — нѣмецкіе города. А провинціи средней Франціи съ Парижемъ, Орлеаномъ, Туромъ и Дижономъ—«новыя имперскія земли Германіи», нѣчто въ родѣ новой Эльзасъ-Лотарингіи. Нѣмцы великодушны. Франція не совсѣмъ стерта съ лица земли. Но она съѣхала куда-то внизъ къ Пиринеямъ и Средиземному морю; на картѣ отъ нея осталась лишь узенькая полоска. Еще горше участь Англіи. Она даже не «имперская

земля», а, за исключеніемъ крохотнаго кусочка въ Корнуэльсѣ, сведена къ положенію нѣмецкой колоніи и сравнена въ наименованіи («Schutzgebiet») съ африканскими владѣніями Германіи, населенными готтентотами. Пощада дается только Шотландіи и Ирландіи, которыя дѣлаются самостоятельными королевствами.

Съ Россіей также плохо. Ландверманъ Кучке не намѣренъ давать ей потачки. Не только Прибалтійскія губерніи, не только Вильно но и самый Петроградъ отходятъ къ Германіи. Намъ оставляется въ утѣшеніе лишь Кронштадтъ. Русская Польша дѣлается входящимъ въ германскій союзъ королевствомъ. Прусскія и австрійскія польскія земли остаются за своими постоянными владѣльцами.

Но на этомъ дѣло не кончается. Ландверманъ Кучке не забылъ про союзниковъ Германіи австрійцевъ. Они должны получить щедрое вознагражденіе. Въ предѣлы Австро-Венгріи должны войти не только Кіевъ, не только Смоленскъ, но даже... Тверь. И мало того,—восточныхъ границъ Австро-Венгріи на картѣ вообще не видно. Кто знаетъ, можетъ-быть, и самая Москва предназначена быть резиденціей какого-нибудь австро-венгерскаго ландесшефа или штатгальтера.

Сны наши и нашихъ союзниковъ въ изображеніи истинно-нѣмецкихъ людей, какъ двѣ капли воды похожи на ихъ собственные сны. Правда, они діаметрально лишь противоположны, но въ то же время совершенно съ ними сходны, какъ сходно съ предметомъ, хотя и противоположно ему, его изображеніе въ зеркалѣ. Нѣмцы творятъ себѣ враговъ по своему образу и подобію, подобно тому, какъ они творятъ себѣ по своему образу и подобію своего «стараго, милаго, нѣмецкаго бога». Въ ихъ представленіи не только Германія, но и Англія, Франція и Россія состоятъ сплошь изъ ландверманов Кучке.

Въ самомъ дѣлѣ, бросьте взглядъ на вторую карту, — на карту предполагаемыхъ нашихъ притязаній. Берлинъ, Дрезденъ, Лейпцигъ здѣсь русскіе губернскіе города. Вся сѣверо-западная Германія отъ Киля, Гамбурга и Любека до Кельна и Франкфурта досталась Англіи. Франція протянулась черезъ Баденъ, Вюртембергъ и Баварію до Праги и Вѣны. Сербія поглотила, не поперхнувшись, всю остальную Австро-Венгрію. И только гдѣ-то, около Нюренберга, оставленъ крошечный

клочокъ земли, очевидно, въ насмѣшку сохранившій названіе Германской имперіи.

На этой картѣ, какъ и на первой, нѣтъ и слѣда народовъ. Есть только территоріи. И здѣсь, и тамъ нога побѣдителя топчетъ народы и безпощадно рветъ на клочки ихъ живое тѣло. И не нужно надписей, чтобы понять, что обѣ карты вышли изъ однѣхъ рукъ, обѣ made in Germany. Карта германскаго страха носитъ ту же печать, какъ и карта германскихъ мечтаній.

Preis 20 Pf
Europa's Zukunftskarte.
(Rückseite)
Preis 20 Pf.
Traumgebild
des deutschen
Landwehrmanns
Kutschke!
KÖNIGREICH
SCHOTTLAND
JRLAND
DEUTSCHES
SCHUTZGEBIET
NORD
SEE
NORWEGEN
SCHWEDEN.
OST - SEE
RUSSLAND
DEUTSCHES
KAISERREICH
KÖNIGREICH
POLEN.
Deutscher Bundesstaat
OESTERREICH-UNGARN.
DIE NEUEN DEUTSCHEN
REICHSLANDE
FRANKREICH
SCHWEIZ
wie die deutsch-oesterreichischen Heere dieselben gestalten werden!
Alle Rechte vorbehalten
Unberechtigter Nachdruck wird gerichtlich verfolgt
Fritz Steidl's Verlag, Berlin W 57

Wie die Franzosen, Russen und Engländer sich die mitteleuropäischen Landesgrenzen im Jahre 1915 gedacht haben und.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

